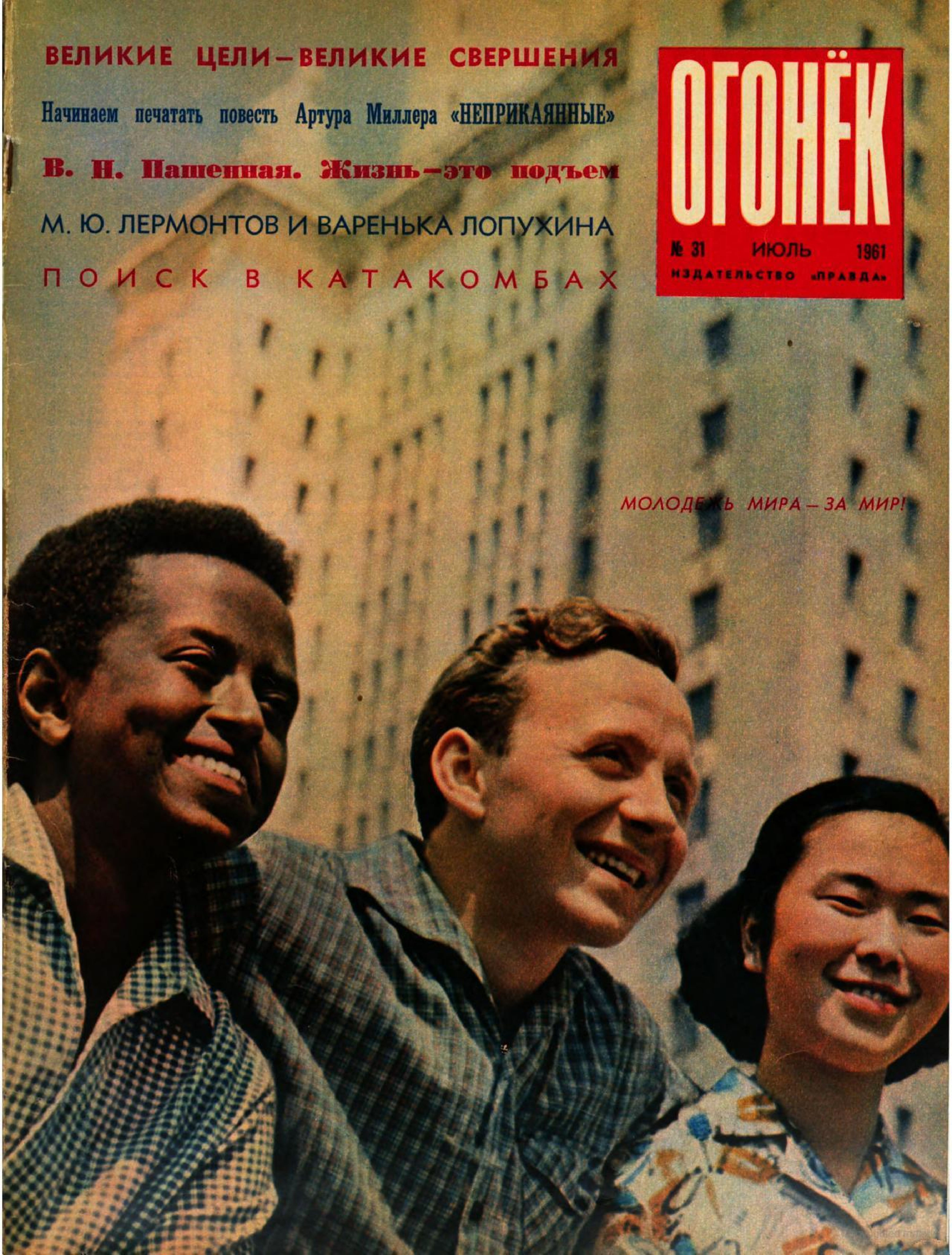

ВЕЛИКИЕ ЦЕЛИ—ВЕЛИКИЕ СВЕРШЕНИЯ
Начинаем печатать повесть Артура Миллера «НЕПРИКАЯННЫЕ»
В. Н. Пашенная. Жизнь—это подъем
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И ВАРЕНЬКА ЛОПУХИНА
ПОИСК В КАТАКОМБАХ
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОЛОДЕЖЬ МИРА — ЗА МИР!

1

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 31 (1780)
30 ИЮЛЯ 1961
39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2

ДОБРЫЕ СЕЯТЕЛИ

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото А. УЗЛЯНА.

Когда к обеду подают вкусный, хорошо выпеченный хлеб, вы нет-нет да и вспомните добрым словом пахаря и комбайнера, похвалите пекаря. Но далеко не каждый знает, как кропотлив и долог труд селекционеров. В нашей стране плодотворно работают многие десятки талантливых селекционеров. Они нередко принадлежат к различным научным школам, но цель у всех одна — помочь народу быстрее прийти к изобилию.

На окраине Одессы, со стороны Овидиополя, расположен Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени селекционно-генетический институт имени Т. Д. Лысенко. Весной будущего года институту исполнится 50 лет. Только за последние годы здесь создано свыше двадцати новых сортов различных культур.

...Когда вам подадут к обеду хлеб, не забудьте поблагодарить за него не только земледельцев, но и селекционеров, добрых сеятелей новых семян.

1 Гости? Нет, ученики: агрономы, бригадиры колхозов и совхозов. Сегодня беседу ведет кандидат сельскохозяйственных наук П. Ф. Гаркавый. Много посетителей не только на полях, но и в музее института, где перед ними приоткрывается святая святых гигантской лаборатории советской селекции.

2 — Как вам нравится колос, Василий Иванович? — не без гордости за свою «мичуринку» спрашивает Федор Григорьевич Кириченко у аспиранта В. И. Оверчука. Федор Григорьевич — автор многих сортов пшеницы, он лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда.

3 Вегетационный домик. Здесь посевы невелики, но именно здесь только что родившиеся сорта получают «аттестат зрелости».

4 Когда наступает вечер, над экспериментальным участком зажигаются электрические лампы. И день продолжается... Здесь человек изменяет природу растений.

5 А если укоротить день? На посевы по рельсам надвигаются затемняющие кабины... Так селекционер «лепит» будущий сорт, формирует его, подбирая наиболее подходящие для него условия жизни.

6 Работа над добрыми семенами начинается здесь, в отделе генетики. Доктор сельскохозяйственных наук Владимир Федосеевич Хитринский трудится над «механикой» управления наследственностью растений... Сорта, выведенные в институте, высеваются уже на восьми миллионах гектаров. Только за счет повышения урожайности государство получает дополнительно около ста миллионов пудов хлеба в год.

7 Новый сорт кукурузы шагнул с опытных делянок в колхозную степь. Научный сотрудник Н. К. Дьяков навещает питомицу на полях артели «Ударная Ленинская бригада». — Сорт в хороших руках! — говорит колхозный бригадир Ф. М. Кудлаенко.

3

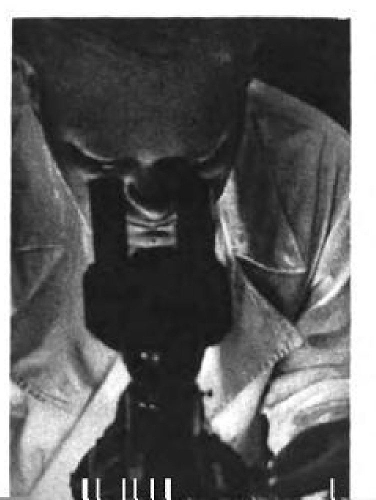
4

5

6

7

Теплый прием оказали советские люди Председателю Верховного совета вооруженных сил и премьер-министру Республики Судан генерал-лейтенанту Ибрагиму Аббуду и сопровождающим его лицам.

В Сочи высокий гость из Судана встретился с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым.

На снимке: Н. С. Хрущев и И. Аббуд во время встречи в аэропорту Адлер отвечают на приветствия трудящихся.

Фото А. Ватанова. (ТАСС).

ЖАРКАЯ СТЕПЬ

Н. БЫКОВ, А. ГОСТЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Оренбургская степь. Желтая, жаркая. Речушки бросили русла, ушли в песок. Урал не из таких, но и старику, видно, невмоготу от зноя: течет медленно, нехотя, далеко отступив от горячих берегов. Корни столпившихся у круч осокорей рвут сухую землю, тянутся к теплой воде.

Желтая, жаркая степь. От горизонта до горизонта волнами ходят вызревшие хлеба. От зари до зари идет извечно радостная работа: степняки косят, молотят, вывозят на тока и дальше — к амбарам и на элеваторы — рожь, ячмень, пшеницу. Ветер сух, горек пот, но то и дело слышны песни в поле, смех на току. Солнце страды поднялось к зениту. Оттого и жарко в степи, оттого и неумолчны сегодня моторы на гигантских просторах Оренбуржья, оттого смеются обдаваемые пылью, утопающие в золотистой соломе люди.

Год выдался нелегким. Бездождье стояло в этих местах и в конце мая, и весь июнь, и почти весь июль. Сейчас сюда то и дело прорываются с запада грозы — с оглушительными громовыми залпами, с короткими ливневыми наскоками. Но теперь они только мешают, подкладывают огненные палки молний в колеса жаток и комбайнов. А как ждали люди и земля этих капель месяц назад!..

И все же у оренбуржцев хлеб есть. Обещают продать государству больше, чем значится в плане,— 150 миллионов пудов. И наверняка сдержат слово. Потому что, как еще ни зависит земля и ее щедрость от воли небес, от малой тучки, занесенной ветрами ко времени, а человек сильнее. Он делает здесь урожай! Именно делает. Так было не всегда, так стало совсем недавно.

Слышали вы когда-нибудь выражение «зябь по-оренбургски»? Что это такое? Ясно, что из агротехники. А быть может, из поэмы? Кем написанной?.. Вспоминается есенинское: «Оренбургская заря красношерстной верблюдицей...» Были еще платки оренбургские. На международных ярмарках и выставках всегда славилась оренбургская пшеница, ее твердые сор-

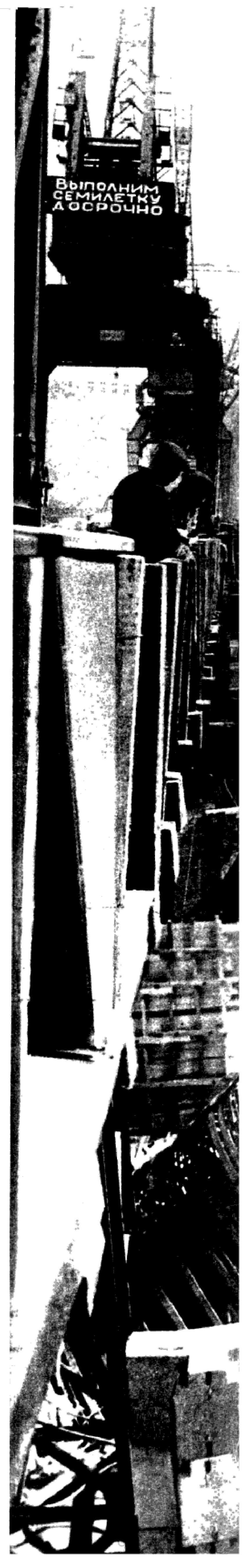
Разговор о хлебе продолжаем на стр. 26.

ЦЕЛИ И СВЕРШЕНИЯ

В последующих номерах «Огонек» продолжит рассказ о том, как воплотилась в жизнь вторая программа партии. Это будут фотоочерки:

о единой энергетической системе Центральной Сибири,

Мы можем с гордостью сказать, что вторая программа партии, разработанная Владимиром Ильичем Лениным, нашей партией выполнена с честью.

Н. С. ХРУЩЕВ.

Олег **ПИСАРЖЕВСКИЙ**

Сейчас, в преддверии XXII съезда партии, вспоминаются дни первых широких шагов Советской страны. Не может современник и не сможет потомок без волнения и сыновней признательности обратиться мыслью к «незабываемому 1919 году». Сколько нужно было светлой веры в стальную твердость пролетарской опоры молодой Советской власти в ту мятежную, грозовую пору! Быть может, пору наиболее суровых испытаний, выпавших на долю только-только раскрылившейся России социалистической. Ни Ленина, ни его ближайших соратников эта вера не покидала ни на мгновение. И ей отвечали рабочие батальоны на многочисленных фронтах гражданской войны, в комитетах, положивших конец остаткам заводского собственничества, и в первых отрядах, которые отсекали все заново отраставшие головы контрреволюционной «гидры». Хотя образ этот, пришедший из далекой греческой мифологии, и потускнел впоследствии от частого употребления, он очень точно отражал действительное положение вещей. Петля интервенции все туже затягивалась на теле молодой республики, и затаившийся многоголовый враг все чаще и в разных обличьях оказывал себя, полагая, что его час настал. Этот час не настал ни тогда, ни позже...

Прекрасная, всепроникающая воодушевленность, беззаветная убежденность в конечном торжестве великой идеи — это бессмертное духовное наследие, подаренное нам основателями великой партии коммунистов и героями октябрьской победы. Оно сбережено, взлелеяно и тысячекратно умножено в беззаветном труде пятилеток и в тяжкой боевой страде Отечественной войны.

Но, в отличие от всех революционных движений за всю историю человечества, святая, непреклонная вера в конечное торжество высокой общечеловеческой идеи и в 1917 году и в последующие годы новой истории опиралась не только на благородный душевный порыв, но и на научную непреложность самого общественного идеала. В столь смутной, как это казалось многим, грозовой обстановке, когда военное разорение до предела истончило ниточки железнодорожных путей, заводские цехи превратило в склады железного лома, а осьмушку горького хлеба заставило громко именовать «пайком», подлежавшим строгому распределению, четыреста три делегата VIII партийного съезда, представлявшего более чем трехсоттысячный авангард революции, ее гвардию, мозг и живую душу, утверждали новую партийную программу, в чеканных строках которой рисовалось социалистическое завтра страны.

В этом замечательном документе новой эпохи, поражающем одновременно и дерзостностью проникновения в будущее и железной закономерностью своих положений; воплотилась главная закономерность новой эпохи человеческой истории. Народ всегда был ее творцом. В мучительном и подчас противоречивом процессе развития общества в конечном счете неизменно проявлялись его глубинные законы. Партия коммунистов впервые превратила эти раскрытые марксизмом законы в прямое руководство к действию класса-вожака, класса-гегемона. Партийная программа большевиков, как и прежде, не походила на свод неопределенных обещаний и благих пожеланий, какими были программы иных партий. То была именно программа действия, причем во многом действия немедленного. Были в программе и такие набатные строки: «Ввиду тяжелейшей разрухи, переживаемой страной, практической цели — немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимейших для населения продуктов — должно быть подчинено все остальное».

Но ближайшие цели в партийной программе естественно и необходимо увязывались с далекой перспективой. Стихия общественного процесса впервые подчинялась разумной воле, опирающейся на знание. Революционный порыв направлялся безошибочным теоретическим компасом и охранялся мечом пролетарской диктатуры. Вот это и было самое новое и самое важное...

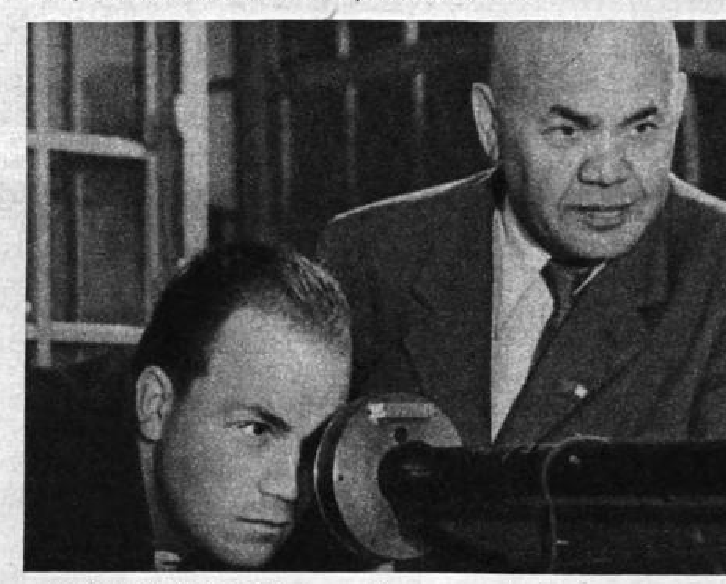
Ленин видел «обаятельную силу нашей программы» главным образом в характеристике того, что «мы начали делать». В ней должны были быть обозначены, разумеется, и «следующие шаги, какие хотим сделать», но так, чтобы показать «европейским рабочим», что мы, так сказать, не преувеличиваем свои силы нисколько». Центр тяжести новой программы, указывал в своей резолюции в полном соответствии с ленинской мыслью VII съезд РКП(б), должен был состоять «в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советской властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов». Именно так, по-ленински скромно и сдержанно, изложенная партийная программа с тем большей убедительностью раскрывала необычайность своего содержания, связанного прежде всего с новизной и коренными особенностями «высшего типа демократизма» — Советского государства.

В самом деле, пролетарская революция не только одним ударом полностью осуществила программу-минимум социалистических партий в области охраны труда, начиная от восьмичасового рабочего дня и кончая оплачиваемыми отпусками и бесплатной врачебной помощью. Установив в законодательном порядке социальное обеспечение всех трудящихся и предусмотрев в «Кодексе законов о труде» участие рабочих организаций в решении вопросов производства, Советская власть сразу же перешагнула рамки куцей программки, составлявшей предел чаяний западных реформистов. И сейчас, когда мы уверенно идем к самому короткому в мире рабочему дню, а неизмеримо возросшие общественные затраты на улучшение условий жизни людей, на народное образование, культурное строительство знаменуют уже переход от принципа «по труду» к коммунистическому принципу «по потребностям», мы знаем, что это — счастливое продолжение великой повести о способах достижения подлинной свободы и

(Продолжение на 7-й стр.)

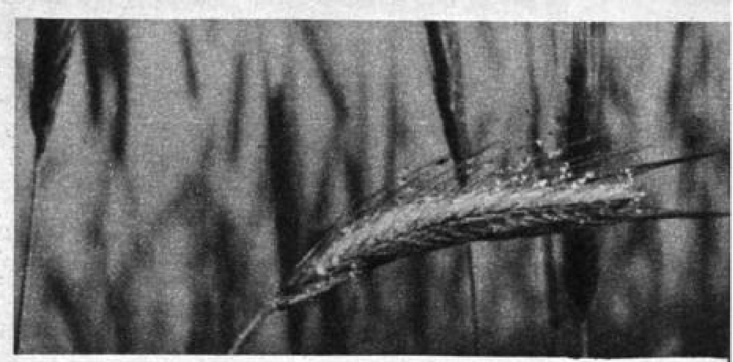
об автоматической линии, создаваемой в Москве, на заводе имени С. Орджоникидзе,

о четырех биографиях представителей одной из многочисленных национальностей Советского Союза,

о делах славной русской женщины — ткачихи, народного депутата,

о том, как люди сделали плодородной землю, считавшуюся гиблой,

о симфонической музыке на берегу Волги,

о народных заседателях,

1

ГОРОД

2 3

Г. КУЛИКОВСКАЯ.

1

Над городом встает солнце. В первых его лучах купаются флюгеры-петушки на шпилях и башнях. Они наверху, ближе всего к солнцу. С островерхих кровель солнце спускается вниз, на длинные ярусы домов, к изумруду задумчивых бульваров и парков, проникает все глубже, в каждую улицу и в каждый уголок. И вот уже весь город, раскинувшийся по берегам Даугавы, в пышном золотом сиянии наступившего дня. Это Рига — город «ВЭФ» и «Авроры». Город строителей электрических поездов и двигателей. Город институтов и школ, театров и музеев... Большой, разнообразный и богатый город. Его судьбой управляют сами жители этого города, рижане. Познакомьтесь же с ними — и вы многое узнаете из жизни Риги...

2

Человек со штангенциркулем в руке — Ян Берзиньш. За его плечами Великая Отечественная война, тяжелое ранение, фашистский лагерь... С 1947 года Берзиньш — на прославленном «ВЭФ», марку его завода вы видели не раз на телефонных аппаратах и радиоприемниках. Внимательно, как и положено руководителю бригады коммунистического труда, проверяет Берзиньш сделанную его товарищами работу.

3

Сразу видно, что Миервалд Леонидович Раман — ученый. Так пристально вглядывается в шкалу прибора только исследователь. Шесть лет назад он защищал кандидатскую диссертацию в Москве, в Институте имени Г. М. Кржижановского. Мир Рамана — это мир энергетики. Многие проблемы по газификации и теплофикации, успешно решенные в Риге, разрабатывались при его участии и здесь, в стенах Института энергетики и электротехники Академии наук республики, заместителем директора которого он является.

4

Тих и пустынен в предрассветный час город, но Эмилия Карловна Медне уже давно на ногах. Ей, как старшему дворнику, надо проверить и осмотреть каждый квадрат участка на стиснутых камнем, одетых в камень узеньких улочках старой Риги — Коммунальной, Калею, Театральной, Глезнотаю...

4

ОМ ПРАВИТ КАЖДЫЙ...

Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Программа, принятая на VIII съезде партии.

Д. УХТОМСКИЙ.

5

Все понимающие глаза, в которых горит желание помочь по первому зову, традиционный белый халат... Вы, конечно, догадались, что перед вами опытный врач. Анна Яновна Царпс слишком хорошо помнит еще те времена, когда за визит врачу люди платили деньги. Анна Яновна, изгнанная из столицы буржуазной Латвии, практиковала на селе и была единственным доктором на две волости. А сейчас столько больниц, столько поликлиник! И все открываются и все строятся новые.

6

Рита Мангулэ — самая молодая из наших знакомых. Ей 30 лет. Она помощник мастера на «Авроре», той самой фабрике, которая производит тончайшие чулки — сетку и паутинку, — гольфы и носки.

7

А вот почтенный Евгений Васильевич Мей с самым юным отпрыском своей династии, правнуком Алешей на руках. Евгений Васильевич служил в Красной Армии, был начальником политотдела МТС на Украине, комиссаром полка в последнюю войну, возглавлял оперный театр в Риге. Теперь он на отдыхе. Однако мы разыскали его с трудом.

...Мы познакомили вас с шестью рижанами. Это люди разных профессий, разных жизненных интересов. Все они, однако, часто встречаются друг с другом, решая одни и те же дела, потому что все они депутаты городского Совета, а это значит — хозяева города.

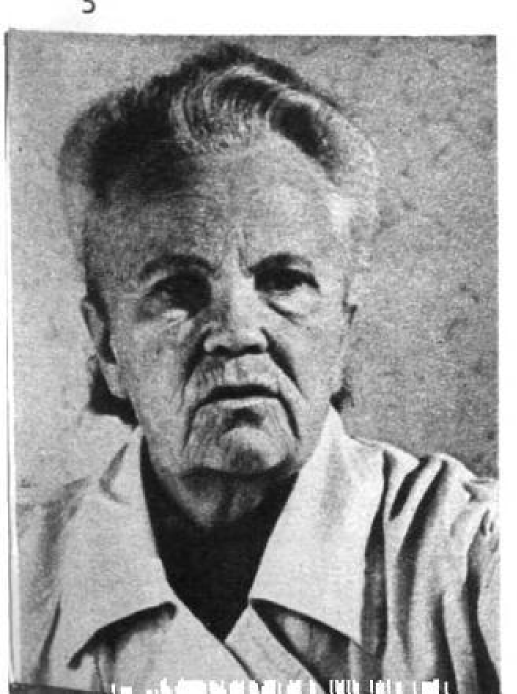
Посмотрим же, как они участвуют в управлении городом...

8

Что, например, делает Ян Берзиньш и его друзья на рынке? Выполняют поручения своих жен? У них здесь совсем другие полномочия. Поступили, оказывается, сигналы о том, что на Видземском рынке промышляют спекулянты овощами и фруктами. Дело это непростое, и надо подойти умело.

6

5

7

8

9

10

Берзиньш действует не один. Рядом с ним дружинники, члены его же бригады.

Как председатель комиссии по торговле и общественному питанию, Ян Берзиньш обследовал недавно поселок Вецмилгравис. Нашел, что молочный магазин там слишком мал, а другой продовольственный ютится в каморке, да и то арендует ее у частного владельца. Подсчитал Берзиньш, во сколько это обходится, и ахнул. Да за арендную плату только в течение двух лет можно было бы построить новое помещение под настоящий магазин! Вот это будет по-хозяйски! И Берзиньш внес такое предложение в соответствующую организацию.

9

Трудно даже перечислить все, чем занимается комиссия культработы и ее неутомимый председатель Евгений Васильевич Мей. Библиотеки, клубы, парки, театры... Вот и сейчас мы его застали среди старых коллег, в театре оперы и балета. Все его касается. Тесно библиотеке — надо ей помочь. Мало технической литературы на латышском языке — пишется докладная в Министерство культуры. Нет в парке симфонического оркестра — об этом надо думать. Подобные вопросы решаются и в горсоветах всех других городов страны. Но есть, однако, в Риге одна особенность, которую вы не встретите ни в каком другом городе. Красавица Рига, с ее живописными бульварами, прудами и скверами, с ее широкой Даугавой и другими исключительно благоприятными природными условиями, имеет своего главного художника, своего главного оформителя. И этим она обязана одному, собственно, человеку — Мею. Давно возникла у него идея, долго носился он с ней, «пробивал» ее во всех инстанциях и наконец «пробил»: Совет Министров недавно вынес специальное решение по этому поводу. Отныне главный художник города, координируясь с главным архитектором, будет отвечать за убранство Риги, за ее богатый наряд, за ее достойную кисти художника красоту!

10

Детские сады, ясли, пионерские лагеря... Их никогда раньше не было в старой Риге. А сейчас огромное количество. Все они в поле зрения комиссии по здравоохранению, и особенно летом. Анна Яновна Царпс заглянула в пионерлагерь «Кайя». Со всей строгостью и медицинской скрупулезностью осмотрела спальни, столовую, кухню, медкабинет и даже пляж. Правильно ли пользуются морем дети? А еще у нее десятки объектов: фабрики, учебные заведения, заводы.

11

Щетки, мыльницы, стаканы, пуговицы и всякие другие вещи, которым нет числа, потому что беспредельны возможности пластмасс, — какое они имеют отношение к чулкам фабрики «Аврора»? Никакого. А между тем Рита Мангулэ пришла именно в пластмассовый цех фабрики «Аусма». Пришла, чтобы выяснить, как фабрика осваивает новый ассортимент, выпуск которого приурочен к открытию XXII съезда партии.

Мангулэ — частый гость и на других фабриках. Как-то целую неделю не выходила с «Ригас Адитайс». Разбирала одну запутанную историю. И эта молодая женщина с честью разобралась в сложном производственном вопросе. Нашла расхитителей сырья и определила, почему низок заработок у работниц. Депутат — слуга народа и всегда стоит на страже интересов народа.

12

Миервалда Леонидовича Рамана депутатские обязанности привели на трассу магистрального газопровода. По нему поступит природный газ из далекой Дашавы, и город усиленно готовится к этому знаменательному в его истории событию. Естественно, что оно в центре внимания комиссии коммунального хозяйства и бытового обслуживания, которую возглавляет Раман. Строители поделились своей бедой: нужна им машина, которая смогла бы гнуть трубы-«трехсотки». Что ж, Раман подумает об этом. А если подумает, значит, сделает и найдет такую машину. Но больше всего его беспокоят горожане. Отстают они от магистральщиков; медленно готовится к приему газа промышленность. Отстает укладка новых и ремонт старых газовых сетей. Все это надо обсудить на ближайшем заседании комиссии.

13

Сосны, асфальтовые дорожки, свежий ковер разнотравья — и на нем свободно вознесшиеся к легким облакам дома! Розовые, терракотовые, светло-пепельные... Как легко здесь дышится и как

11

12

светло здесь и ясно! Нет, совсем не похож этот новый уголок Риги, который так и называется «Сосны», на ее, Эмилии Карловны, улочки! Ходит она медленно по Соснам и улыбается. Довольна она. Но довольны ли сами жители Сосен? Может быть, не все удобно, чего-то не хватает? Это она, как депутат горсовета, и должна установить. Установить и доложить на комиссии жилищного хозяйства.

...Мы рассказали о делах только шести депутатов Рижского Совета, о шести патриотах города. А всего их четыреста четыре. И еще тысячи рижан всегда готовы присоединиться к этим четыремстам четырем. Умножьте соответственно их большие и малые дела, сложите воедино — и перед вами предстанут город и люди города, сами управляющие Ригой и ее завтрашним днем.

13

ЦЕЛИ И СВЕРШЕНИЯ

(Начало на 2-й стр.)

счастья, начало которой мы находим в первых ленинских набросках партийной программы.

Программа партии предусматривала «максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану». Общие контуры этого плана, во всяком случае, его генеральные тенденции, уже были выражены к этому времени в гениальном ленинском «Наброске плана научно-технических работ». Общегосударственный план и не мог выступать в ином сочетании исходных начал: он опирался на данные передовой науки и предусматривал вооружение страны наиболее совершенной техникой. Он вылился вскоре в первый план электрификации России, который в органичном соответствии с направлением, предуказанным партийной программой, стал первым, по существу, всеобъемлющим планом развития производительных сил страны на высшей технической основе. К этой же программной первооснове, не минуя, разумеется, славные годы пятилеток, выковавших материальную основу социализма, восходит семилетний план, над исполнением которого трудится ныне советский народ.

Окинув мысленным взором задания семилетнего плана, можно оценить высокую меру исполнения наказа партийной программы 1919 года о повышении производительных сил страны.

Величественные просторы целинных земель, обращенных в плодоносные нивы, свидетельствуют и о новом качестве исполнения другого, более конкретного предначертания партийной программы — об «организации государственного засева всех, чьих бы то ни было, незасеянных земель». В ту пору речь шла о преодолении кулацкого саботажа, о предотвращении «простоев» наличного фонда земельных угодий. Как далеко это все позади!.. Сейчас уже колышутся тучные хлеба, дивным урожаем отзывается новый могучий «государственный засев» на десятках миллионов гектаров некогда целинной земли, и вовсе не знавшей плуга.

Партийная программа не просто декларировала «проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет», а также «открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих».

Немногие наличные аудитории открылись немедля. Их заполнили посланцы армии, заводов и сел. Они лучше умели чистить винтовку, чем управляться с пером, и в нелегкий поход за знаниями шли, как в очередной бой. О том, как блистательно было выиграно и это сражение, может напомнить число бывших рабфаковцев среди прославленных командармов индустрии, число бывших солдат, ставших маршалами. С тех пор выросла новая армия: инженеров, агрономов, врачей и учителей — специалистов любых наименований и любых назначений для всех отраслей народного хозяйства и культуры. Одно только новое готовящееся пополнение, сейчас находящееся в стенах в основном заново созданных высших учебных заведений, составляет 2 400 тысяч человек — в два с лишним раза больше, чем число студентов в вузах всех капиталистических стран Европы, вместе взятых.

В партийной программе 1919 года не только было сказано: «РКП... стремится к... созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны»,— но и отмечено то, что уже было сделано. Еще раз подчеркнем: сделано в годы тягчайших невзгод и лишений! «Советская власть уже приняла целый ряд мер, — констатировала программа партии, — направленных к развитию науки и ее сближению с производством...». Здесь же назывались главнейшие из них: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений.

Да, мы помним, какие всходы дал и этот — научный — «засев».

Одно из первых детищ молодой советской науки — Ленинградский физико-технический институт — со смелостью юности объявил свои искания в области чистой физики «техникой завтрашнего дня». И как же многосторонне оправдался этот решительный курс на сближение теории и практики, науки и жизни! В этом жарко пылающем очаге новой науки, безоговорочно порывавшей с утлыми «традициями» жиденького академизма, зародились такие решающе важные направления современного естествознания и техники, как физика полупроводников, физика атомного ядра, в значительной своей части электрофизика во многих ее перспективнейших ответвлениях. С первых дней хозяйственного возрождения при прямой и постоянной поддержке ленинского посланца в химии, славного революционера и большого ученого Л. Я. Карпова развивались новаторские исследования в той самой области, которой предстояло впоследствии стать ключевым звеном всей работы по созданию «второй природы». Вовремя и энергично поддержанная маленькая лаборатория С. В. Лебедева, ютившаяся в Военно-медицинской академии, получила опытный завод и положила начало новой индустрии синтетического каучука, внезапное появление которой спутало все карты империалистов. Прибирая к рукам немногие рынки натурального каучука, они мечтали нанести Советской стране наиболее эффективный удар, подготовляя экономическую «каучуковую блокаду». Не вышло! Как не получилась впоследствии попытка задержать темпы индустриального роста, преградив торговые пути в СССР для африканских алмазов. Сейчас мы имеем свои собственные алмазы.

Заботы партии о науке проявились и в помощи немаловажному делу выбора нужнейших ее приложений. Впервые получившая права гражданства в науке и в хозяйстве, подчиняемых единому плану, плодотворная идея комплекса с первых дней революции реализовалась многосторонне.

В Советской стране, как это было записано в партийной программе, наука породнилась с трудом, и в результате этого счастливого воссоединения явились те изумительные победы научного и технического творчества в покорении атома и освоении космоса, которым рукоплещет весь мир.

На марксистской программе партии, принятой на II съезде РСДРП, была воспитана, как говорил впоследствии Ленин, партия пролетариата. Новая программа 1919 года должна была дать окрепшей, закалившейся в борьбе революционной партии и рабочему классу уже сообразованный с условиями утвердившейся диктатуры пролетариата конкретный план борьбы за создание и упрочение нового общественного и государственного строя, определить задачи партии в экономической, политической, военной и других областях на весь период перехода от капитализма к социализму.

Великая программа эта исчерпана в своей практической сути, исполнена в главных своих предначертаниях, многократно превзойдена в отдельных своих направлениях.

Но бессмертна идейная ее первооснова: неиссякаем живительный родник марксизма-ленинизма.

Со всей непререкаемостью подлинной науки программа партии 1919 года показала ключевое значение пролетарской диктатуры в решении самых жгучих, самых насущных проблем общественной жизни. И в наши дни не иссякла, не потеряла своего боевого смысла вошедшая в программу ленинская характеристика империализма как особой стадии капитализма. Современная действительность показывает, насколько тесно связаны ревизионистские теории о наступлении якобы мирной эры капитализма с оппортунистическим отрицанием социалистической революции, диктатуры пролетариата как условия победы социализма. И как метко бьют по этим лживым концепциям основные положения партийной программы 1919 года! Недаром вокруг этих положений и в ту пору разгоралась непримиримая идейная борьба.

Эта борьба потребовалась и для утверждения ленинской позиции по национальному вопросу. В программе партии было записано право наций на самоопределение — предмет ожесточенных споров с противниками ленинской концепции, действительно поражающей и силой, и благородством, и непривычностью заключенной в ней мысли. Завоевать власть для того, чтобы тут же признать возможность свободного отпадения от государства части его территории и населения! Такая постановка национального вопроса не имела еще прецедента в истории. И не могла иметь, коль скоро то была история создания многонациональных государств и империй путем насилия и подавления одних наций другими. Вооружая любую нацию правом на самоопределение, на образование самостоятельного национального государства, последовательно проводя в жизнь ленинскую национальную политику, партия сумела устранить существовавшее между народами царской России взаимное недоверие, сплотить трудящихся всех на-

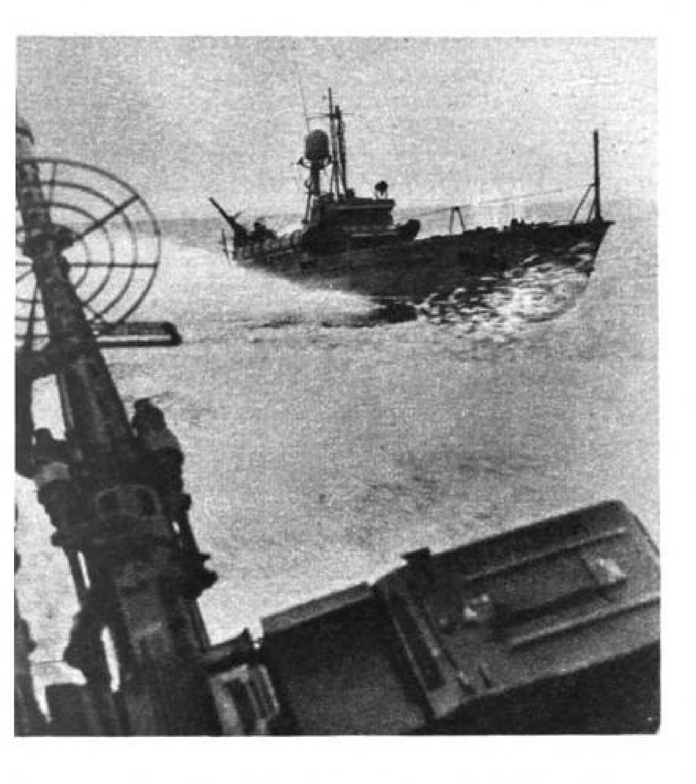

В зале заседаний Верховного Совета СССР в Кремле рядом с алыми советскими знаменами протянулись трехцветные полотнища государственных флагов Республики Гана. Советские люди, собравшиеся здесь на митинг дружбы, сердечно приветствовали посланца свободолюбивой Ганы д-ра Кваме Нкрума.

Аплодисментами были встречены слова Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева о том, что «Советский Союз будет и впредь идти по пути всемерного расширения дружбы и сотрудничества с Республикой Гана на благо народов наших стран, в интересах всеобщего мира».

На снимке: В президиуме митинга дружбы между народами Советского Союза и Республики Гана в Кремле. Крепко, по-дружески, обнялись Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Республики Гана д-р Кваме Нкрума.

Фото А. Гостева.

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

Весь советский народ гордится успехами наших моряков в боевой учебе, в службе, достижениями кораблестроителей и творцов самой современной военно-морской техники.

В едином строю со всеми воинами Советских Вооруженных Сил моряки бдительно стоят на страже мирного труда страны, строящей коммунизм.

С ПРАЗДНИКОМ ВАС, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ МОРЯКИ!

←

Звено торпедных катеров получило приказ выйти в море.

Фото Г. Копосова.

СЕЙЧАС ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН ГОСТИТ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ КУБЕ.

А за два дня до сердечной встречи в Гаване было такое же сердечное прощание в другой стране, на другом континенте: Гагарина провожала Варшава.

Вся Польша приветствовала человека, проложившего дорогу в космос.

На снимке: Юрий Гагарин в Силезии.

Фото Польского Центрального Фотоагентства. Снимок принят по фототелеграфу.

циональных республик в единую дружную семью, ныне возводящую величественное здание коммунизма. Мы знаем, какими колоссальными темпами растет промышленность союзных республик, развивается сельское хозяйство, расцветает культура, движется вперед научная мысль. «В наших планах ярко выражена ленинская национальная политика, обеспечивающая широкие возможности для всестороннего развития экономики и культуры всех народов»,— сказал в своем докладе на XXI партийном съезде Никита Сергеевич Хрущев.

На благородном ленинском принципе пролетарского интернационализма, состоящего в том, чтобы добиться полного освобождения народов, находящихся в угнетенном или неполноправном положении, основаны и наши предложения о предоставлении независимости колониальным странам, о полной ликвидации позорной колониальной системы, с которыми глава Советского правительства Н. С. Хрущев выступил на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в сентябре прошлого года.

Живым, неумирающим наследием являются утвержденные программой партии, принятой VIII съездом, и развитые в работах Ленина идеи, раскрывающие существо советской демократии. «Задачей партии,— читаем мы в программе,— является неутомимая работа над действительным проведением в жизнь полностью этого высшего типа демократизма, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самодеятельности масс».

Около двух миллионов советских граждан — депутаты Советов всех степеней, свыше двух с половиной миллионов человек работает в различных комиссиях при Советах.

«Задача РКП,— говорится далее в программе партии, принятой VIII съездом, — состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальную возможность этого».

После XX съезда возникли новые политические формы, позволяющие рядовым членам общества не только косвенно — через своих представителей-депутатов,— но и непосредственно участвовать в решении государственных дел. Такой формой явилось, в частности, всенародное обсуждение всех важнейших государственных актов, принятых за последние годы. Только в обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС на собраниях и в печати приняла участие чуть ли не половина взрослого населения страны.

Среди многих форм участия общественности в техническом и производственном творчестве особое место занимают новые творческие организации рабочих, объединяющие активность борцов за технический прогресс, за внедрение передового опыта,— советы новаторов. Они объединяют усилия тех, кто своим творчеством создает наиболее передовые приемы и методы работы, совершенствует технику и технологию производства. Они ведут бой со старым, отжившим и борьбу за достижение наивысшей производительности труда сочетают с воспитанием нового человека. Во всех этих ростках нового находит яркое отражение курс нашей партии на широкое привлечение трудящихся к управлению государством и народным хозяйством. «Главным направлением в развитии социалистической государственности,— подчеркнул в своем докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев,— является всемерное развертывание демократии, вовлечение самых широких слоев населения в управление всеми делами страны, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством».

Советский Союз вступил в новый период своего развития — в период развернутого строительства коммунистического общества. И вот он, главный ленинский завет, пронизывающий все наши думы, мысли и чувства: «...начиная социалистические преобразования,— говорил Ленин в своем докладе о пересмотре программы и изменении названия партии на VII съезде РКП(б),— мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества...»

Построить коммунизм уже при жизни нынешнего поколения — вот в чем видит партия коммунистов свою историческую миссию.

Не может современник без волнения и сыновней признательности читать проект новой программы партии!

ВЕЧЕР В СТЕПИ.
Фото Л. Бородулина.

ДВЕ АКВАРЕЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Автопортрет.

Варвара Лопухина.

Публикуется впервые.

Подруга юных дней...

ПО ПОВОДУ ПОРТРЕТА В. ЛОПУХИНОЙ, РИСОВАННОГО ЛЕРМОНТОВЫМ.

...Все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.

М. Ю. Лермонтов.

Н. П. ПАХОМОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

27 июля 1961 года исполнилось 120 лет со дня гибели гениального русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, убитого на дуэли офицером Мартыновым.
Новонайденная акварель М. Ю. Лермонтова, изображающая В. А. Лопухину, сыгравшую значительную роль в его творчестве, и приведенные в статье свидетельства современников раскрывают важную страницу личной и творческой биографии поэта.

Сейчас невольно хочется перечитать то, что написано поэтом незадолго до гибели. Испытываешь особенное волнение, читая одно из последних стихотворений Лермонтова, которое так любил Белинский:

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Хочется знать, к кому обращены эти слова любви, ставшие как бы прощальными словами поэта...

По справедливому предположению комментаторов Лермонтова, стихотворение адресовано дальней родственнице поэта Екатерине Быховец, с которой он встречался в последние дни своей жизни. Но, по существу, стихи обращены к другой женщине, глубокое чувство к которой, как это явствует из самого стихотворения, Лермонтов пронес через всю жизнь и образ которой неизменно вставал перед ним в предчувствии близкой гибели.

Кто же она, эта женщина?

В 1892 году в журнале «Русская старина» опубликовано письмо Екатерины Быховец от 5 августа 1841 года, в котором она рассказывает о последней встрече с поэтом в колонии Каррас (Шотландка) всего за какой-нибудь час до его дуэли с Мартыновым. В письме имеются следующие строки: «Он (Лермонтов) был страстно влюблен в В. А. Бахметеву (В. А. Лопухину); она ему была кузина; я думаю, он и меня от того любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был».

Так открывается имя той женщины — Варвары Александровны Лопухиной, вышедшей замуж в 1835 году за Н. Ф. Бахметева, сделавшего все, чтобы не только имя его жены не проникало в печать, но чтобы вся переписка с Лермонтовым, все вещи, связанные с именем поэта, были уничтожены.

Однако Лопухина, уничтожив письма Лермонтова, передала некоторые дорогие ей вещи своей родственнице А. М. Верещагиной, от дочери которой П. А. Висковатов — первый биограф Лермонтова — получил для просмотра и снятия копий несколько живописных работ Лермонтова, среди них автопортрет поэта, портрет В. А. Лопухиной в виде княгини Лиговской, альбом со стихами, зарисовками и карикатурами.

Изучение творческого наследия Лермонтова приводит исследователей к заключению, что большинство произведений поэта не является чистым вымыслом, под ними всегда угадываются реальные факты и лица.

...В 1831 году Лермонтов встретился в семье Лопухиных с сестрой своего друга Алексея Александровича Лопухина Варенькой и увлекся ею.

«Будучи студентом,— пишет родственник поэта А. П. Шан-Гирей,— он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная. Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку; ей было лет 15—16; мы же были дети и сильно дразнили ее; у ней на лбу чернелось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали к ней, повторяя: «у Вареньки родинка, Варенька — уродинка», но она, добрейшее создание, никогда не сердилась. Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...»

Лермонтов посвятил Лопухиной стихотворение, в котором, сравнивая ее с Н. Ф. Ивановой, писал:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает;
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Переехав осенью 1832 года в Петербург, Лермонтов в письмах к старшей сестре Вареньки, Марии Александровне Лопухиной, не переставал интересоваться судьбой любимой девушки, высказывая это, правда, намеками. Однако Мария Александровна правильно его понимала, о чем свидетельствует ее письмо к Лермонтову: «Поверьте, я не утратила способности вас понимать, но что же вам сказать? Она хорошо себя чувствует, выглядит довольно веселой, вообще же ее жизнь так однообразна, что многого о ней не скажешь: сегодня, как вчера. Я полагаю, что вы не огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни — ведь это охраняет ее от всякого искушения... Ну что? Разгадала ли я вас, этого ли удовольствия вы от меня ждали?»

С начала 1834 года в Петербург к бабушке Лермонтова Е. А. Арсеньевой, жившей вместе с внуком, приехал Шан-Гирей.

«Я привез ему,— пишет Шан-Гирей,— поклон от Вареньки. В его отсутствие мы с ней часто о нем говорили; он нам обоим, хотя не одинаково, но равно был дорог. При прощаньи, протягивая руку, с влажными глазами, но с улыбкой, она сказала мне:

— Поклонись ему от меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива».

В 1835 году Лермонтов узнал о помолвке Вареньки Лопухиной с Бахметевым. «В это же время,— вспоминает Шан-Гирей,— я имел случай убедиться, что первая страсть Мишеля не исчезла. Мы играли в шахматы, человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «вот новость — прочти» — и вышел из комнаты. Это было известие о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной».

Известно, что Лермонтов и позже несколько раз встречался с Лопухиной, подарил ей автопортрет 1837 года в бурке на фоне Кавказских гор и нарисовал несколько ее портретов.

Весной 1838 года, проездом за границу, Лопухина с мужем приехала в Петербург. Вот как об этой последней встрече рассказывает все тот же Шан-Гирей: «Лермонтов был в Царском, я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно сжалось мое сердце при ее виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде. «Ну, как вы здесь живете?» — «Почему же это **вы**!» — «Потому, что я спрашиваю про двоих».— «Живем, как бог послал, а думаем и чувствуем как в старину. Впрочем, другой ответ будет из Царского через два часа». Это была наша последняя встреча; ни ему, ни мне не суждено было ее больше видеть».

Глубокое чувство к Лопухиной продолжало жить в сердце Лермонтова. В 1840 году, после сражения у речки Валерик, поэт послал Лопухиной свое замечательное стихотворение, в котором писал:

Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию — но вас
Забыть мне было невозможно.

Посылая Лопухиной один из списков «Демона», поэт написал в конце обращенное к ней посвящение:

Я кончил — и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Комментаторы последних изданий сочинений Лермонтова, к сожалению, обходят молчанием имя Лопухиной: и в примечаниях к стихотворениям, в которых содержатся намеки на ее отношения с Лермонтовым, и даже в тех случаях, когда стихи непосредственно посвящены ей.

В комментарии к стихотворению «Валерик», обращенному прямо к Лопухиной, ее имя вовсе не упомянуто. В стихотворении «Ребенку» говорится о дочери Лопухиной. Это предположение, неоднократно высказанное прежними комментаторами, сейчас берется под сомнение на том основании, что в стихотворении сказано:

...Не правда ль? говорят,
Ты на нее похож...,

а, как известно, Лопухина имела дочь, а не сына. Эти комментаторы, очевидно, забывают о том, что слово «ребенок» в русском языке — мужского рода.

Восемь последних строк из посвящения к поэме «Измаил-Бей», адресованные Лопухиной, перенесены комментаторами из основного текста в примечания, хотя во всех прежних изданиях посвящение печаталось целиком.

Поистине можно думать, что нынешние комментаторы продолжают рьяно исполнять требование родственников Бахметева — замалчивать, где только возможно, имя Варвары Александровны Лопухиной!

Остается сказать о публикуемом нами неизвестном до сих пор портрете Лопухиной работы Лермонтова.

В сентябре 1955 года в Стамбуле состоялся Конгресс византинистов, на который съехались ученые многих стран. Нашу страну представлял член-корреспондент Академии наук СССР, профессор В. Н. Лазарев. В конгрессе участвовал немецкий ученый из Федеративной Республики Германии профессор д-р Мартин Винклер, который и передал Лазареву два диапозитива с акварельных работ Лермонтова.

Передавая мне диапозитивы, Виктор Никитич сказал: «Вот вам цветной снимок с акварельного автопортрета Лермонтова и изображение какой-то мадонны, сделанное поэтом».

На втором портрете нетрудно узнать Вареньку Лопухину, так как известно, что в семье А. М. Верещагиной хранилось изображение Лопухиной в виде испанской монахини.

ВРЕМЕНИ

Юрий ЦЕНИН

Тимофей Грицай в период работы в Одесском уголовном розыске.

— Я — герой?.. Тю! Брешут люди! Ни к чему это...— Грицай презрительно морщится.— По мне, если ты честно делаешь свое дело, то и добре. Такая тебе цена, и никакого тут геройства. Все это, знаете ли, пустые байки-балачки. А болтовня, вона, кажуть, як та водыця,— переходит он вдруг на украинский,—тэче в степу пид яром, а обертается паром...

Фигурой и повадкой напоминает Тимофей Григорьевич Грицай борца. Тяжелые вислые плечи, ладони — в три иные «интеллигентские».

И глаза... Они у Грицая словно задернуты занавесками: прикрыты припухлыми створками век, а поверх того стеклами очков — не заглянешь в них, не угадаешь, о чем думает их хозяин.

Ой, человече, хитер же ты!..

— Говорят, Тимофей Григорьевич, что уже приписаны вы к истории навечно. Так ли это?

— То есть как?..

— А так. Ученым известна плиоценовая птица «Грицайя», хомяк «Грицай», ископаемый южноукраинский страус под тем же названием.

Вот, оказывается, где грицаева душа! Бери ее, что называется, голыми руками. Сразу засмущавшись, он объясняет, что страус пока еще не назван его именем. Об этом только прислала официальный запрос Азербайджанская академия наук... Как он стал ученым? О, это долгий разговор. Во всем есть своя логика, и ее не передать в двух словах.

Взвешивая на ладони какие-то известково-белые шары в пятнах серой и красной глины, он словно осмысливает их сущность.

— Вот копролиты — окаменевший, минерализованный помет доисторических хищников. Полтора миллиона лет понадобилось, чтобы грязный след гигантского зверя-убийцы превратился в копролит — экспонат музея.

Он бросает куски в ящик и без видимой связи вдруг заключает:

— У нас с вами нет столько времени. Мы не можем ждать, пока время само превратит в музейные экспонаты всю человеческую дрянь, заражающую еще зловонием нашу землю... Я работал в ЧК, в уголовном розыске, помогал очищению общества от человеческих отбросов...

Он говорил совсем тихо, будто диктовал кому-то урок своей жизни.

— Мы работали по зову времени. Того самого, что закрывает эпохи и открывает музеи... Но моя работа не кончена. Есть еще и у меня заветная цель, мечта... Какая? Давайте уж все по порядку.

* * *

— Новая телеграмма от Финкеля Абрама! — кричал Тимка, отталкивая конкурента у афишного столба.— Покупайте «Одесскую почту» Финкеля!

— Случилась драма на Молдаванке! Утопилась дама в лоханке! — орал и взвизгивал обиженный конкурент, размахивая своей пачкой.

Каждый вечер ребята со Степовой драли горло на углу, приставали к прохожим, сочиняя диковинные рифмы. Газеты шли из рук вон плохо. Политические новости будто вовсе не интересовали одесситов. «Что бы ни случилось,—мы были порто-франко, им и останемся. Одесса — город особый»,— рассуждал про себя обыватель, мусоля в кармане добытые за день целковые.

Газеты брали только в дни больших ограблений и невероятных банкротств, которые нередко случались в Одессе, к сладкому ужасу обывателей. В иные дни ребятам приходилось «жрать солянку» — так называлось, когда за день не выручишь и того, что уплатил хозяину за газеты. Тимофею еще с полбеды. Днем он работал в мастерской сапожника Алексеева, что в подвале на углу Ольгиевской и Коблевской. А газеты — это уж так, дополнительный приработок. Отец Тимофея — матрос, по полгода находился в плавании. Матери денег всегда не хватало.

Вернувшись как-то вечером в подвал Алексеева, Тимофей увидел на дырявой тахте для посетителей незнакомого унтер-офицера и двоих солдат.

— Что, байстрюк, уставился? Людей не видел? — заворчал было хозяин.

— Погоди, Степаныч.— Один из солдат поманил мальчишку к себе: — Тебя как величают, молодой человек?

— Тимкой...

— Говорят, брат Тимофей, ты здешние подземные ходы добре знаешь? Не проводишь нас какнибудь поглядеть?

Так познакомился Тимофей Грицай с революционными солдатами полка, что стоял неподалеку в казармах дюковского сада. Жизнь Тимофея превратилась в сон наяву: он был посвящен в работу подполья. Эти люди навсегда поразили и захватили его мальчишескую душу.

По их заданию он бегал с газетами по казармам, передавал и запоминал какие-то непонятные слова. Вместе с Пашкой Чернобровым и Сенькой Фридом они перетаскивали из подземной типографии в катакомбах (Тимофей показал-таки солдатам местечко!) пачки листовок, а вечером в газетных сумках разносили по городу. Тимку больше не тревожила «солянка» — газеты нужны были для прикрытия.

Но настал день, когда газет в городе не хватило.

— Вой - на - вой-на-вой-на!..— Мальчишки хрипли, захлебываясь подробностями. Восторг и ужас придавал их ногам и языкам немыслимую быстроту.

Войска отправляли на фронт. Знакомые солдаты забегали в мастерскую, и Алексеев с Тимофеем быстро зашпиливали в отодранные подошвы сапог какие-то листки и документы.

Полк ушел. А за ним бежал на австрийскую границу и маленький сапожный подмастерье, не одолевший тоски по навеки полюбившимся ему сильным и красивым людям.

* * *

Молодость шла, и много всякого плескала в мальчишеское лицо разбушевавшаяся эпоха. Так недолго было и потонуть. К счастью, уже был на нем надежный спасательный пояс.

Где вы, первые друзья и наставники его детства? С тех пор, как Тимофея с листовками захватила на румынской границе военная полиция и избитого отправила в арестантском вагоне в Одессу, он навсегда потерял их след.

В ту весну над Одессой носился тонкий и пронзительный аромат моря и цветущих каштанов. Все притаилось, спряталось в домах, в подвалах, в катакомбах.

Шла голодная весна 1920 года.

...Они возвращались с кладбища, где только что похоронили мать Саши. Кладбище называлось «Третье химическое». А где остальные два?.. Тимофея злило дурацкое название. Хороших людей хоронят, словно барахло в чистку на Дерибасовскую сдают... Сашина мать была хорошая. Говорят, потому и не выжила, что все, до крошки отдавала детям. Пятеро сирот после нее осталось. И Саша — тоже сирота... Но ей он не даст умереть с голоду!

Во время работы в органах ЧК.

— Правда, Саш? Ты будешь жить у нас?

Девочка не отвечала.

— Ты, Саша, не очень... не мучайся.

Он искал слов утешения и трудно вздыхал, не находя подходящих. На язык сами собой пришли бабкины причитания:

— Все там будем, чего уж...

И, словно испугавшись нелепости сказанного, вдруг горячо заговорил ей в лицо:

— На меня теперь надейся, как на гору. Поняла? Я тебя в обиду не дам. Слышишь? И никому не отдам! У нас теперь жить бу-

РАБОТНИК

дешь.— Он тащил ее по улице за руку, и она послушно шла за ним.— Вот отвоюемся, на железную дорогу работать пойду,— продолжал он, вдохновляясь все больше.— Или в плавание... А ты меня дома будешь ждать...

Он впервые поверял ей свои взрослые мечты. Ему уже мерещились бесчисленные дороги его кораблей, черные громады локомотивов. Будущее рисовалось ему непременно в движении, в водовороте новых картин, встреч и событий.

Они присели отдохнуть на мостках над Балкой. Дул ветер с моря, грело солнце, над Одессой носился смешанный запах пляжа и цветущих деревьев. Измученная переживаниями дня, Саша задремала, склонившись на перила. И тут Тимофей Грицай впервые обнял детские плечи своей будущей жены.

* * *

Той же весной Тимофей вступил в комсомол и пошел драться против скрытых и явных врагов рабочей власти. Сначала служил он в Первом добровольном сторожевом полку: охранял заводы, учреждения, склады, боролся с мародерством. Потом в отрядах УТЧК, ОГЧК, ОДДЧК, ОВЧК... Позже на популярном языке это означало просто — ГПУ. Нет, никуда не везли Грицая его корабли и паровозы! Жизнь его текла в ночных перестрелках с налетчиками, в подавлении контрреволюционных банд, в облавах и засадах.

Но это была, так сказать, «общественная работа» комсомольца Грицая, как теперь говорят,— комсомольская нагрузка.

Для прокормления семьи работал он сапожником в польском «комиссариате», грузчиком в кооперативном товариществе «Ларек», приказчиком в овощной лавке... Саше приходилось терпеть едкие насмешки соседей:

— Муж в галифе, а в карманах — п-пфе!.. Провоюет Тимофей твою молодую жизнь.

В Одессе вовсю бесновался нэп. Торговая лихорадка трясла обывателя. Заключались невероятные сделки, вспухали и лопались жульнические «товарищества на доверии», «общества на паритетных началах»... На ниве свободного предпринимательства пышно расцвела уголовщина.

Тимофею предложили работать сотрудником уголовного розыска.

* * *

...Часа в два ночи в угрозыск примчался бледный и злой начальник особого отдела по борьбе с бандитизмом Гукайло. Его гордость, его слава были буквально втоптаны в грязь! Восемь месяцев кропотливой работы и непрерывной слежки ушло на то, чтобы взять в самом логове, в лесах под Винницей, опасную банду, действовавшую на Одесщине. И вот — чудовищный случай! — из камеры смертников, выпилив решетку в окне, бежал пойманный им и приговоренный судом к расстрелу главарь — «бандит-террорист высшей категории», как значилось о нем в многочисленных делах — Григорий Мацкул (воровская кличка — Гриня).

Гукайло метался по кабинету начальника угро Федорова и на чем свет клял тюремную администрацию.

— Упустить Мацкула! Это же все равно, что своими руками убить еще десяток честных людей...— Он ткнул пальцем в топографическую карту Пересыпи.— Но, кажется, Миша, здесь я его-таки зацеплю. Он ушел под землю, деться ему больше некуда. Все выходы из катакомб я перекрыл. Кто из твоих поведет людей в каменоломни?

— Бери, пожалуй, Грицая.

Через полчаса из пяти разных мест под Одессу спустились пять вооруженных групп. Четыре залегли возле входов, пятую — основную — в глубь катакомб повел Грицай. Наклонный коридор каменоломни уходил все глубже. Шли пригнувшись. Кое-где приходилось ползти по мокрой глине на четвереньках. Собака легко натягивала поводок, не подавая никаких признаков волнения. Ход делал немыслимые петли и зигзаги.

Тимофей внимательно отсчитывал коридоры. На одной развилке оставили Соловейко. Собака неожиданно рванула поводок. Почти стелясь над полом и выставив руку вперед, чтобы не разбиться, Тимофей бежал по узкой щели катакомбы.

— Вперед! — гудел над ухом наседавший Гукайло. Сзади включили карбидный фонарь. Далеко у поворота, в белом свете луча, мелькнули чьи-то ноги. Тимофей спустил собаку. Огромными прыжками волкодав скрылся в темноте. Через несколько секунд впереди раздался крик...

Гукайло наклонился к лежавшему ничком человеку и ласково похлопал его дулом маузера по плечу.

— Вставай, Гриня, вставай, голубчик... Малость побегал, и будет.

Грицай оттянул собаку, человек сел. Вдруг на лице Гукайло изобразилось такое, что Тимофею стало страшно.

— Дорошенко?! Ты?..

Он смотрел пустыми глазами куда-то в темноту, силясь оценить происшедшее. И вдруг с криком: «Назад! Назад!» — ринулся обратно. Почти в ту же секунду где-то в глубине одиноко и тускло хлопнул выстрел.

Только теперь Тимофей понял: вор Дорошенко сделал им «отвод»... Он уже успел встретиться с Мацкулом, видимо, передал оружие и увел за собой погоню в боковой коридор, чтобы беглец мог уйти в свободный от оцепления район. Неужели о побеге заранее было известно?.. А выстрел? Значит, Мацкул не ушел, а где-то поблизости.

Он был совсем рядом. У центрального хода, раскинув руки, с простреленной головой лежал Леня Соловейко. Вслушиваясь в шум погони, он не заметил подкравшегося бандита. Теперь собака уверенно вела по следу. Гукайло шел сразу за поводком.

— Тут «слепая кишка», товарищ начальник. Неужели он сам себя в мешок посадил?..

Прижимаясь к стенам, прошли длинную часть галереи, образующей здесь букву «Г». Вот и последнее колено. В свете фонаря Тимофей высунул за угол на стволе пистолета фуражку. Грохнули два выстрела, фуражка упала. Все облегченно переглянулись: бандит действительно сидел в мешке!

— Зря бузишь, Гриня,— спокойно вступил в переговоры Гукайло.— Кидай сюда свои машинки и выходи по-хорошему. Слышишь? Это тебе я, дядя Саша, говорю...

В ответ понеслись потоки грязной брани. Однако спешить было некуда, теперь можно было что-то придумать. Решили послать за собаками, а пока устроили перекур.

Через час запустили собак. Вбежали следом и... не поверили глазам: Мацкул исчез.

* * *

— Думаете, дядька Тимофей басни рассказывает? Не-ет! Было такое дело.— Тимофей Григорьевич даже обхватил голову руками.— Думал, помру от горя. Ведь подвел я товарищей! На поверку получилось, скверно знал катакомбы... Тут же тщательно осмотрели тупик. И точно! В углу, у самого потолка, оказалась небольшая дыра. Кинулся я туда. С горя и стыда не подумал, что, сиди там Гриня, продырявил бы он мою голову, как то поганое ведро... Не лезу, а ввинчиваюсь в дыру. Бокам мягко, красная глина, будто масло, давится подо мной. Гребу руками — кости какие-то под руки попадаются. И так много, похоже, словно ползу по разрытому кладбищу. Посветил фонарем, вижу: кости эти не человечьи, а вроде коровьи, и того крупней.

Кончился лаз. Очутился я в невысокой круглой пещере. А от нее — два капитальных хода в центральные катакомбы... Прощай, Мацкул! Не поминай лихом!

Ушел-таки от нас Гриня Мацкул. Да ненадолго. Все нити, связывающие его с живым миром, были в руках угрозыска. Ни на час не прекращалась слежка. И всего месяц спустя собственноручно взял его Гукайло с чемоданом драгоценностей на станции у самой иранской границы.

«Странные кости,— рассуждал я, чуть поуспокоившись и вспоминая подробности подземного похода.— Откуда бы им там быть?»

Я припоминал книжки о подземных находках, о древних городах, спрятанных под землей. Тут, однако же, не было ничего похожего. Недолго размышляя, я спустился в катакомбу, набрал возле дыры в пещеру добрую торбу костей и снес в университет к профессору зоологии Гапонову. Кто знает, думал я, может, ученым и пригодится.

— Добрый человек! — вскричал профессор, разложив мои косточки на полу.— Где вы добыли такое богатство?

С тех пор, уходя на операции в катакомбы, я захватывал с собой холщовый мешочек и даже в самые трудные моменты не забывал поглядывать по сторонам. Случалось, приносил по неопытности в университет человечьи кости, и тогда профессор сердито махал на меня руками.

— Вы что там, могилы раскапываете, что ли? — Он в недоумении высоко поднимал брови.— И что это, скажите на милость, за странная кладовая истории, где скопились останки всех эпох: от плиоцена до времен революций и новой экономической политики?..

Теперь на кафедре меня встречали как долгожданного гостя. Сотрудники бросались на мой мешок и мгновенно растаскивали кости по своим ученым столам. Моими находками заинтересовались большие ученые: старейший палеонтолог профессор Алексеев, профессор Степанов, киевский профессор Пидопличка. Даже академик Третьяков как-то самолично пришел на кафедру, чтобы познакомиться с «милицейским энтузиастом палеонтологии». Постепенно меня вводил в курс палеонтологических хитростей научный сотрудник музея, теперь профессор и мой большой друг, Иван Яковлевич Яцко. Помню, я просиживал у него в лаборатории все свободное от угрозыска время. Вскоре я и сам стал кое-что соображать в костях.

— Нет,— говорил я, появляясь на кафедре,— сегодня ничего выдающегося. Хищников нет, одни травоядные. Интерес, пожалуй, представляет вот этот огрызок берцовой кости верблюда... Вкусный, видно, был, подлец! Поглядите, как жрали его: весь мосол обгрызли!

И никто не удивлялся такому моему нахальству, наоборот, внимали с уважением. Говорил я этак равнодушно, спокойно, а внутри все замирало от гордости. Ну, словом, я ощущал себя на пороге новой, до головокружения увлекательной жизни. Я просто «заболел» палеонтологией!

* * *

Далеко позади осталось время, когда Грицай с помощью друзей из угрозыска впервые спустил в катакомбы весь свой ученый синклит и дал возможность профессорам самим полазить по удивительным пещерам в каменоломнях.

Ушел в прошлое и стал почти легендарным период грицаевых подземных «комплексных экспедиций».

Идея «прочесать катакомбы» созрела в Грицаевой голове давно, но теперь она дала явно научный крен. Его поддержали городские власти. Декрет об экспедиции подписал всеукраинский староста Г. И. Петровский.

Результаты экспедиций превзошли ожидания ученых. В связи с важностью сделанных открытий в 1936 году Академия наук УССР создала постоянно действующую Одесскую палеонтологическую экспедицию. Ее бессменным начальником стал Тимофей Грицай — бывший агент угро, а от-

1928 год. Тимофей Грицай — начальник специальной подземной экспедиции по очистке Одесских катакомб от уголовных и антисоветских элементов.

1959 год. Тимофей Григорьевич Грицай в палеонтологическом кабинете за обработкой материалов.

ныне ученый-самоучка, палеонтолог-энтузиаст.

Под Одессой началась систематическая научная работа. Здесь, в подземном мире, где самый воздух напоен холодом ушедших тысячелетий, где на губчатых стенах карстовых пещер еще сохранились рваные раны от когтей доисторических гигантских кошек и природой законсервированы остатки их кровавых пиршеств, где еще «плавают» в глине ископаемые щуки,— здесь были сделаны ценнейшие находки. Советские ученые ликвидировали одно из белых пятен на карте истории нашей планеты. Они восстановили картину жизни на Земле в четвертичную эпоху, накануне появления первобытного человека.

В 1941 году в журнале «Советская наука» член-корреспондент АН СССР Д. К. Третьяков писал по этому поводу:

«Таких обильных и разнообразных плиоценовых палеонтологических материалов, как одесские, в пределах СССР, да и, пожалуй, вне его, еще не встречали... Научное значение одесских раскопок обещает быть равноценным таким выдающимся открытиям, как добытые профессором Амалицким на Северной Двине остатки Пермской фауны, как плиоценовая гиппарионовая фауна Пикерми в Греции или подобная ей сиваликская фауна в Индостане».

В Киеве и Одессе разрабатывались обширные планы дальнейших подземных работ. Но планы эти, как и вся мирная жизнь страны, были внезапно нарушены: началась Великая Отечественная война...

* * *

Винный завод № 1 находился за вокзалом, на Пролетарском бульваре. Пока Грицай пробрался на его территорию и спустился в подвал, у него трижды проверили документы.

Воздух в помещении был тяжкий — насквозь проспиртованный, теплый и влажный. Тусклые, в четверть накала, электрические лампочки освещали общий потолок над множеством спешно сколоченных фанерных клеток, на которые был разгорожен весь обширный подвал. Дверь одной из клеток вдруг распахнулась, кто-то схватил Тимофея за рукав и втащил за собой.

— От! Це и є — Грицаѐ! — закричал в рифму вскочивший навстречу человек.— Снова приполз в угрозыск, ученый червь!

Перед его лицом сияли глаза Яшки Васина, старого друга по работе в угро. В комнате находились еще люди, многие были знакомы Грицаю. Все улыбались и кивали головами. За массивным кабинетным столом, полированным, аляповато шикарным на фоне изъеденных сучками фанерных стен каморки, восседал сам Федоров. «Пожалуй, и вправду весь угрозыск!» — подумал, улыбаясь про себя, Грицай. Он-то отлично знал, что это вовсе не угрозыск, а одесский штаб по борьбе с диверсантами и парашютистами.

Сердечно поздоровавшись, Федоров представил ему собравшихся.

— Наши руководители подпольных отрядов...— Он запнулся и добавил: — На случай сдачи города. Народ, как видишь, знакомый: Бадаев, Васин, Калошин...

Он называл еще знакомые и незнакомые фамилии. Потом тихо, почти шепотом, распорядился:

— К делу, хлопцы! Товарищ Грицай— представитель координационного центра — проведет консультацию для отрядов, дислоцирующихся под землей в катакомбах. Прошу приготовить карты и задавать вопросы.

Лежа животами на федоровском столе, командиры сгрудились над картами и планами, что-то отмечали, записывали, переговариваясь вполголоса.

В подвале кипела жизнь. Через распахнутые двери вместе с сухарями и взрывчаткой люди вносили запахи дождя и морского осеннего ветра. На бомбардировку здесь не обращали внимания. Когда бомба или тяжелый снаряд падал слишком близко, осыпая плоские лепешки извести с цементного потолка, кто-нибудь острил:

— Меня, гад, ищет... И откуда пронюхал, что я здесь?!

Не прозанимались и получаса, как в подвале погас свет, и нигде не могли отыскать свечей.

— Разрешите подключиться к аккумуляторам, товарищ начальник? — спросил в темноте Огринчук.

— Давай...

Васин возразил: «Не сегодня-завтра в катакомбы, а тут батареи разряжать...» Голос Федорова ответил: «Чем дрожать над крохами, лучше бы нашли надежную базу для перезарядки аккумуляторов». «Остаются же люди в гаражах»,— сказал кто-то. Голос Калошина заявил: «Гаражи — это ненадежно, гаражи — это объект особого внимания гестапо и сигуранцы»...

Перед глазами Грицая в темноте возникли великолепные электролаборатории университета. Вот идея! Оттуда и до центральных катакомб рукой подать, можно даже подкоп устроить. Только кто из университетских возьмется за такую рискованную операцию?

Через час в штаб на машине были доставлены два доцента-физика: Черняк и Кандагура. Они оставались в городе и взялись помочь партизанам с перезарядкой. Федоров радостно потирал руки:

— Экое важное дело провернули! Спасибо тебе, Тимофей. Ох и голова у тебя! Ну просто комбинаторская!

В ту же ночь, простившись с товарищами и захватив, согласно приказу Москвы, все документы, связанные с одесскими катакомбами, Грицай отправился в порт. А оттуда на Большую землю.

* * *

В Москве на тихой улице стоит старинный особняк — то ли бывший дворец какого-то вельможи, то ли дом посольства, то ли музей. За свою историю, вероятно, он был и тем, и другим, и третьим. Но в дни войны тихий дом стал жить непривычной суетливой жизнью. По выражению дворника Никиты, в нем поселились «проходные» люди.

В дальних зашторенных комнатах сутками не умолкали аппараты. Дробно стучали телеграфы и телетайпы, голоса радисток монотонно диктовали какие-то цифры и «переходили на прием»... В уединенных комнатах с тяжелыми дверями на столах лежали груды карт и планов, вдоль стен дремали толстые зеленые сейфы и запечатанные несгораемые шкафы.

В этот дом в 1943 году из Одессы пришла последняя радиограмма от штаба отряда Молодцова — Бадаева. В кабинете полковника спешно собралось совещание. Начальник секретного отдела бесстрастным голосом зачитал шифровку.

Немецкая контрразведка нащупала самое сердце отряда. Бадаев погиб, его взяли на явочной квартире. Повешена жена Якова Васина — связная отряда Катя. Неизвестным предателем выданы доценты Черняк и Кандагура. Каратели взорвали и блокировали все выходы из катакомб.

«Положение безвыходное,— говорилось в шифровке,— горючее кончилось, патронов почти нет. Немцы выслали парламентера с предложением сдаться. В случае отказа будут травить газами. Ждем последних указаний. Готовы умереть за Родину...» В конце сообщались координаты отряда, всех завалов и блокированных ходов.

С минуту в комнате стояло тягостное молчание.

— Та-ак...

Полковник неопределенно крякнул, искоса поглядывая на сидящих за столом. Чем могли помочь эти опытные фронтовые волки тем, запертым под землей и обреченным на смерть? Пожалуй, только один из них мог посоветовать сейчас что-то конкретное. Полковник с надеждой посмотрел на бородатого человека в военном френче без погон.

— Та-ак...— опять протянул он.— Что вы на это скажете, товарищ Грицай?

— Считаю, людей можно спасти, товарищ полковник.

Короткие пальцы нервно теребили бахрому скатерти.

— Только строго прикажите, сейчас, по радио, прикажите, чтоб там до срока слюни не распускали! Я вам скажу — а я-то знаю! — кто в катакомбах опустит руки, тот сам себе подпишет смертный приговор...

Он стоял над столом, чуть наклонившись вперед.

— Насчет газов также передайте: никто травить их не будет. Пусть успокоятся... Це ж дитячья выдумка! Ну, соображайте: катакомбы имеют десятки выходов. Значит, из города треба выводить всю армию и население? Не иначе! Иначе своих же людей потравишь. И еще...— Грицай заглянул в план и назвал цифру,— на их глубину газ надо нагнетать специальной аппаратурой. А откуда она у немца? Когда он ее приго-

товит? И все одно: газы сразу выпрет на поверхность. Это проверено: такая уж у катакомб конституция.

Грицай решительно замотал головой:

— Нет, липовая это угроза, рассчитанная на ослабевшие нервы! Главное же теперь — надо отыскать им лазейку. Поищем. Прошу на это один час времени, товарищ полковник.

В этот вечер запертые под Одессой партизаны приняли — на последних амперах севших аккумуляторов! — спасительную радиограмму. Центр предлагал отряду разделиться и уходить двумя группами: одной — через небольшой старый завал в центральные катакомбы, второй — через никому не известный, закрытый еще прежде выход, ведущий в подвал небольшой табачной фабрики. В шифровке Грицай давал подробные указания, как вскрывать завал, искать выходы, определять по срезам камней направление, узнавать тупики...

В ту же ночь группа во главе с Яковом Васиным, никем не замеченная, вышла из окружения. Другая нарвалась на засаду и погибла.

* * *

Когда Грицай работает в своих катакомбах, он весь преображается, он просто сияет и светится. Казалось бы, чего хуже: день-деньской сидеть в подземелье, копаться в глине, вдыхать сырой и тяжкий запах карстовых пещер... А вот поди ты — для него в этом истинный смысл и поэзия жизни.

Ежедневно в 8 часов утра является Грицай в свою контору на Картамышевской. Скорее, это небольшой сарай над ходом, похожий одновременно и на кладовую и на музей. Здесь сложены штабеля несортированных костей, вороха спецодежды, инструменты.

Чтобы спуститься в катакомбу, надо втиснуться в дыру посреди сарая, ведущую в такой же узкий вертикальный колодец длиной около двадцати метров. Как-то заезжий академик, с трудом добравшись в темноте и сырости до твердого основания, весь взмокнув и натерпевшись страху, пошутил не без намека:

— Что-то «парадное» у вас не того... не совсем соответствует всемирной известности места. Ведь у вас и иностранные гости бывают?

— Уговорите Академию или университет. Дадут денег — я вам здесь лифты и эскалаторы поставлю,— пробурчал Грицай, пробираясь на четвереньках по каменному коридору.— А пока у меня в забоях работать некому...

Говорят, потом вопрос этот обсуждался и в Академии наук УССР и в Одесском университете. Но проблема некоторого расширения входа и штатов оказалась не по силам хозяйственным головам научных учреждений. Не решена она и по сей день.

По подземным коридорам в свете керосиновых ламп, развешенных по стенам, Тимофей Григорьевич добирается до «штаба». Вырубленная в известняке большая комната вмещает в себя весь экспедиционный скарб.

Тысячу раз проходил Грицай этими коридорами к местам разработок и в тысячу первый опять спешил. Он знал, вечером ему опять будет трудно уйти. «Еще ведерко — и конец»,— будет говорить он себе и проработает еще десять ведер, и все ему будет казаться, что в одиннадцатом как раз и содержится самое главное — та находка.

Около 50 тысяч кубометров глины вынуто из пещер и пропущено сквозь сита, извлечено более 60 тысяч костей сорока видов животных. И каждая косточка прошла через эти большие, влюбленные в кропотливую подземную работу руки.

...Мы шагаем по длинным тенистым улицам Молдаванки, как по аллеям зачарованного царства. «Вот бывший «дом Любки»,— слышу я голос Грицая.— Здесь когда-то была воровская «малина»... Вот на углу «Гастроном Грека». Отсюда — ход в центральные катакомбы. В 1916 году здесь была подпольная типография... А вон от той фабрики начиналась зона действия партизанского отряда имени Сталина. Там стояла румынская комендатура. Теперь здесь детский сад...»

Как много видел и пережил этот человек!

Завороженный, шел я по улицам, на которых оживала биография Грицая. А вместе с ней обрастала плотью, наливалась кровью и полувековая история огромного приморского города. Был виден весь ясно очерченный путь его.

— Помните,— сказал Грицай, когда мы вернулись в университет,— вы спрашивали о моей сокровенной мечте? Если желаете...

Он поманил меня пальцем и вынул из шкафа альбом.

— Вот. Смотрите. У этой страусиной кости имеется в верхней части аккуратная небольшая дырка. Кем она могла быть пробита? А?..— Он смотрел на меня поверх очков с едва сдерживаемым торжеством.— А вот зуб ископаемой гиены. По горизонтали на нем чьей-то рукой сделаны ровные и глубокие насечки... Калканиус — пяточная кость верблюда — тоже с дыркой не естественного происхождения.

Он захлопнул альбом.

— Все это — из тех же пещер. Время залегания определено в миллион лет и более... Вы теперь чуете, чем это пахнет?— Он вплотную приблизил ко мне свое лицо.— Уже тогда там жили наши родичи... Нет, нет! — почти в ужасе закричал он.— Это еще только догадки. Но я ищу доказательства. Я найду их и докажу.

Грицай откинулся на спинку кресла, словно изнемогая под бременем сделанных признаний.

— Миллион лет! — продолжал он.— Это противоречит всем представлениям о древности человеческого рода. И добре! Добре! Если мне удастся документально обосновать это, то существующая теория должна измениться. Значит, наука сделает шаг вперед, мы будем больше знать о самих себе.

Грицай погружается в задумчивость. Становится очень тихо в комнате палеонтологического музея. В стеклянную дверь заглядывают, ухмыляясь, клыкастые скелеты мамонтов и слонов, собственноручно собранные Тимофеем Григорьевичем. Они кивают лысыми черепами, словно поддакивая сокровенным мыслям своего неугомонного хозяина.

— Пора в катакомбы,— говорит он.— В Киеве ждут очередную партию материала для изучения.

После выступления «Огонька»

«ПУТЬ ВПЕРЕД И УХАБЫ»

Читатели о заметках В. ОЧЕРЕТИНА

Человек получил журнал, прочел материал под рубрикой «Подумаем, поговорим, поспорим» и почувствовал, что это о нем или о том, что он сам видел, сам слышал, о чем не раз задумывался. И тогда человек берется за перо и пишет в редакцию, продолжая начатый журналом разговор...

На такой большой разговор вызвали читателей заметки писателя В. Очеретина «Путь вперед и ухабы», опубликованные в мае нынешнего года в «Огоньке» № 21. Редакция получила и получает немало читательских откликов — писатель, что называется, задел за живое сотни людей различных профессий и возрастов. Да это и понятно. Коммунистический труд, воспитание в современниках черт людей завтрашнего дня, борьба с пережитками в сознании строителя коммунистического общества — все это наши сегодняшние заботы. Мысли обо всем этом не могут не волновать в канун XXII съезда КПСС, в дни, когда вся страна готовится к обсуждению новой программы нашей партии.

«Считаю, что писатель В. Очеретин,— пишет в редакцию из Свердловска коммунист Н. М. Кожевников,— правильно поставил некоторые вопросы, связанные с присуждением коллективам высокого звания бригад коммунистического труда. Следует кое-кому поразмыслить о том, что идти в светлое будущее надо с чистой душой, безо всякой шелухи и наростов. К этому зовет нас учение Ленина».

Инженер И. Чурилов из Новосибирска также считает, что заметки В. Очеретина написаны на актуальную тему и опубликованы своевременно. И далее он продолжает: «Автор совершенно правильно рассматривает «порыв души», труд от чистого сердца как главное мерило уровня коммунистического сознания». «Тут спорить не о чем»,— замечает инженер И. Чурилов. Его точку зрения разделяют работник Херсонского совнархоза Е. Румянцев, лаборант ЛГУ Р. Богданов, токарь из Омска Николай Казанцев, Иван Григорьевич Петровский из Магаданской области и другие.

Вместе с тем некоторые читатели отмечают, что автор заметок, опубликованных в «Огоньке», не на все вопросы, поставленные им, дает ясные ответы, а некоторые из них вообще оставил открытыми... Но иначе, разумеется, и быть не могло! Речь зашла о деле живом, неустоявшемся. Ведь могучее движение родилось на наших глазах, и соревнование бригад коммунистического труда еще поставит перед всеми нами немало других злободневных вопросов.

Однако вполне естественно, что читатели уже сейчас хотят разобраться в том, что несет с собой соревнование за коммунистический труд, почему одни производственники достойны носить гордое звание разведчиков будущего, а другие нет. И тут возникает спор — горячий, принципиальный, в высшей мере полезный для славного общего дела. Тот же инженер И. Чурилов считает, что В. Очеретин, справедливо выступивший против поспешного и огульного «оприсваивания» людей, сам кое в чем спешит и готов с ходу «производить отбор людей в коммунизм». Автор письма против утверждения писателя, что выполнять норму, не пить вино, учиться где-нибудь якобы просто и легко достижимо. Инженер напоминает, что «на наших предприятиях постоянно растет удельный вес расчетно-технических норм». И сейчас нельзя уже «просто так» дать 300 процентов. Нынче перевыполнение нормы на 10—20 процентов возможно только тогда, когда рабочий внес нечто новое в технологию, когда его труд — творчество! А это уже далеко не пустяк. И уж тем более не пустяк учение без отрыва от производства.

Другое дело, если человек, пусть даже отличный производственник, уважаемый на предприятии, заражен бациллами частнособственнических тенденций, вирусами стяжательства. Какая уж тут разведка будущего! Это явный ухаб на прямой дороге, больно отзывающийся на умонастроениях окружающих. Тут с автором согласны все читатели.

Вот что пишет Е. Румянцев из Херсона:

«Действительно, есть такие пермяковы и председатели завкомов, выведенные В. Очеретиным. Это зло, с которым необходимо вести борьбу, борьбу за повышение сознания. У нас еще водится такое, когда мы из-за ложного стыда своевременно не подсказываем даже своему товарищу, что стяжательство ведет к плохому. Нельзя на беду друга или соседа смотреть как на чужое».

Да, многие читатели с сожалением отмечают, что Пермяков не одинок. И нужна кропотливая работа по воспитанию коммунистической сознательности в человеке.

За резкое обнажение души собственника выступает и Р. Богданов из Ленинграда: «Такой человек нередко даже обаятелен на первый взгляд. Он не курит, не пьет, хорошо работает, шутит. И только в какой-то момент мелькнет лицо собственника, обнажится его гнилая сущность». Читатели сами дают ответ, в какой именно «момент» проглядывает лицо стяжателя. Это тяга ко всему собственному. «Слова-то какие,— восклицает читатель,— собственный дом, особняк, обособленный!..»

«Надо, чтобы в каждом человеке росло отвращение к собственническим устремлениям. Без этого не шагнуть в будущее»,— пишет Р. Богданов.

И еще. Токарь из Омска Н. Казанцев пишет, что браконьерство, торгашество, стремление приумножить личное «богатство» — все это не только отделяет человека от интересов коллектива, но рушит и самый коллектив, разъедает его, будто ржавчиной, «оплевывает» марку рабочего, его достоинство. «Ясно,— заключает токарь,— что звание ударника комтруда Пермякову присвоено по слепости завкома».

А вот выдержка из письма читателя П. Беспалова: «Я считаю, что вопрос о ликвидации частной собственности, частного жилищного фонда, личного скота и приусадебных участков не созрел».

Но ведь так вопроса никто и не ставил! Речь идет о тенденции нажиться на частной собственности, о стяжательстве, о тех, кто не прочь за рублевку «подбросить» человека на личной машине, не прочь построить личный дом с «помощью» нечистых на руку людей, о тех, кто не прочь клубнику, яблоки из собственного сада продать своему же брату-рабочему втридорога. Если уж такие люди есть среди нас и их еще не осудила общественность, то, во всяком случае, им не место в рядах разведчиков будущего! Такие, как Пермяков, извращают суть движения бригад коммунистического труда.

Но, разумеется, частично прав и бригадир шахтеров Т. М. Кобзарь из Сталинска, который делает вывод: «До тех пор будут водиться «частники», пока те, кому положено заботиться о быте рабочего, не начнут работать хорошо».

И бригадир шахтеров заключает: «Передайте мой привет Логинову. Это действительно человек с коммунистическим сознанием, твердый и принципиальный. Вот таким и нужно присваивать почетное звание ударников коммунистического труда! Правильно вы пишете о показушниках!.. Извините за нескладность, но тема задела за живое».

Поучительный получился разговор, затеянный писателем В. Очеретиным. Истина рождается в споре. Бесспорно одно: коммунистическое завтра начинается сегодня.

Михаил Зайцев.

Василий Толкачев.

Александр Антоненков.

Вячеслав Васильев.

Анна Биндасова.

«Огонек» рассказывает о неизвестных героях

В СТРОЮ ЖИВЫХ

Память народа, документы архивов хранят свидетельства высокого патриотизма советских людей в грозные годы Отечественной войны.

Юлиус Фучик писал: «Не забудьте!.. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас... не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Война окончилась шестнадцать лет тому назад, но и в наши дни открываются все новые и новые имена мужественных людей, боровшихся с оккупантами.

Сегодня мы публикуем неизвестные до сих пор материалы о подпольной патриотической организации, которая действовала на Брянщине в 1942—1943 годах.

ШКОЛА БОРЬБЫ

— Ну, вот и все, господин оберштурмфюрер. Теперь прополощите рот и два часа не ешьте.— Михаил Зайцев подал Генри Лойлету стакан воды.

Пока врач мыл руки, пациент поднялся с кресла. Это был молодой офицер в форме войск СС.

— Сколько тебе лет, Зайцев? — спросил он по-русски. — Гм, всего двадцать. А у тебя хорошие руки, ловкие. Не думал, что в России есть такие дантисты, да еще в глуши Брянских лесов! — Лойлет надел фуражку и, не прощаясь, ушел.

Зайцев смял полотенце, которым вытирал руки, бросил в угол. Ему, комсомольцу, приходится заигрывать с врагом! Но что ж поделаешь, ведь он работает в подпольной антифашистской организации. Сначала многое в его нынешнем положении ставило Михаила в тупик. Он никак не мог привыкнуть к тому, что нужно скрывать, утаивать свои чувства и желания от других. Это было противно его характеру, открытому и прямому. Приходилось ломать себя, привыкать к конспирации.

В тесной комнате накурено. Под потолком мигает керосиновая лампа. Здесь собралось основное ядро подпольной организации. Рядом с Василием Толкачевым, опытным коммунистом, сидели учитель Анатолий Фирсов, бывший летчик Борис Вишняков, самолет которого сбили фашисты, шестнадцатилетние пареньки Вячеслав Васильев и Александр Антоненков. Были тут и люди, одетые в немецкую форму. Подпольщики устраивались к оккупантам на работу. Василий Акулов служил начальником боепитания, Петр Дурманов — начальником обозно-вещевого снабжения. Выдвинуться на такие должности было нетрудно: мало кто хотел подставлять голову под пули партизан.

— Не могу больше, — тихо сказал Акулов, доставая из кармана смятый листок. — Вот послушайте, какое письмо я сегодня получил: «Раньше мы были с тобой товарищами, а теперь ты взял оружие против меня, против сестер и матерей, против всего русского народа. Вернее, ты стал наймитом немецкого фашизма, предал свой народ, Родину...»

— Да ты пойми, какое мы дело делаем! — поднялся Михаил. — Надо, чтобы земля горела у них, гадов, под ногами, чтобы за каждым домом их ожидала смерть, чтобы страх поселился у них в душах...

— Правильно, Миша! — прервал его Толкачев. — Сейчас партизаны готовят новое наступление, и наша помощь им особенно нужна. А теперь начнем составлять донесение. Фирсов, докладывай...

ЭТО НАЧАЛОСЬ ТАК...

В октябре 1941 года в поселок Локоть, Брянской области, ворвались фашистские войска. Для народа настали суровые дни. Отъявленные головорезы — особая команда СС, разместившаяся в поселке, — истребляли патриотов, жестоко расправлялись с мирным населением. Жесточайшим террором оккупанты и предатели пытались потушить пламя народной борьбы. Но удары партизан становились все ощутимее. Летом 1942 года начала свою деятельность антифашистская молодежная организация имени Щорса.

Однажды утром на стенах домов в поселке появились написанные от руки листовки: «Помогайте партизанам и Красной Армии. Расправляйтесь с фашистами! Борясь за Родину, вы боретесь за свою честь, за свою свободу. Помните: вы хозяева на своей земле!»

Полицаи яростно соскабливали листовки. Но на другой день они появлялись снова.

Подпольщики организовывали диверсии, вели разведку.

...В партизанской землянке собрались инструктор подпольного райкома партии Георгий Полосухин, начальник особого отдела партизанского соединения Александр Котов, командиры подразделений.

Михаил Зайцев докладывал:

— На станции Брасово, у фруктового сада, склад артиллерийских снарядов. На северо-восточной окраине поселка Локоть, у опушки леса, две батареи. Девять самоходных пушек остановилось около Лесохимического техникума. Большое скопление войск на станции Комаричи. Нужна немедленная бомбардировка...

Скрипнула дверь. Зайцев оглянулся. Порог переступил рослый человек в тулупе, с автоматом.

— Продолжай, — ободряюще улыбнулся Полосухин. — Это наш боец Афанасий Поздняков.

— Через одну дивчину, — говорил Михаил, — познакомился я с переводчицей ортскомендатуры Лялькой. Пригласил ее в клуб на танцы, домой провожал. Ну, и сами понимаете, закрутилось... От нее я и узнаю пароли.

— Ловко придумали! — засмеялся Котов. — За сведения — спасибо. Ну и наделала дел наша вчерашняя бомбежка! А как настроение у ребят?

— Все ждут настоящего дела. Самое время поднимать людей. На нашей стороне двести хорошо вооруженных полицейских, многие командиры застав. А личный состав «Вороньего лога» целиком перешел к нам. Мы готовы бить врага с тыла. Нужна ваша помощь.

— Это хорошо, — задумчиво сказал Полосухин. — Только помните: дисциплина прежде всего! Подробные указания получите дополнительно. А теперь, Михаил, собирайся, пора. Ребята проводят.

ПОЕДИНОК

Темной мартовской ночью 1943 года руководители подпольной организации имени Щорса Василий Толкачев, Михаил Зайцев и Анатолий Фирсов собрались на совещание.

Толкачев прочитал приказ, полученный из партизанского штаба: «Принять решительные меры к дальнейшему накоплению сил для проведения восстания в Локте. Поднять его вы должны 21 марта по нашему сигналу (в воздухе появятся поочередно две белые, две красные и две зеленые ракеты). Восстание приурочивается к моменту решительного наступления Красной Армии на Локоть».

В ту ночь подпольщики разработали подробный план восстания, выделили людей, которые должны уничтожить обер-бургомистра Каминского, его заместителя Мосина, начальника военно-следственного отдела Процюка и других карателей. Специальной диверсионной группе было поручено взорвать склад горючего.

На другой день, в воскресенье, в клубе собрались жители поселка, чтобы посмотреть спектакль самодеятельного театра, который создали в Локте по приказу немецких властей. Театр поставил комедию Островского «На бойком месте». Пришла в клуб и семья Зайцевых: Филипп Захарович, Анна Павловна, Михаил и его сестра Рая. В зале Михаила подозвал один из школьных приятелей: место рядом с ним пустовало. Вот в первый ряд прошли обер-штурмфюрер Лойлет, Каминский и Процюк. Погас свет, раздвинулся занавес, и спектакль начался. Вдруг к Михаилу подошел один из полицейских:

— В больницу тебя вызывают...

Когда Зайцев вышел в фойе, его окружили вооруженные полицейские, скрутили ему руки и вытолкнули во двор.

В тот же вечер были арестованы все члены подпольной организации имени Щорса.

За несколько дней переполнилась тюрьма — бывшее здание конезавода. Ночами в тюрьме раздавались душераздирающие крики арестованных: на допросах избивали до полусмерти.

Снова и снова приводили на допрос Михаила. За столом — Лойлет, Каминский, Процюк и старший следователь Морозов. У стены стоят начальник конвоя Шатров и следователь Финогенов. Это был уже третий допрос за ночь, и продолжался он третий час. Зайцева били, он терял сознание; тогда его окатывали водой и снова избивали шомполами. Облизывая пересохшие губы, он отвечал:

— Не знаю. Не помню. Не видел. Не встречал.

И тогда, чтобы заставить Михаила говорить, у него на глазах стали бить товарищей.

— Держитесь, ребята, — говорил Зайцев. — Нельзя, чтобы они видели наши слезы.

Однажды, когда Михаила ввели в кабинет, где обычно шли допросы, он заметил, что Каминский и Процюк как-то особенно возбуждены. «Опять пьяные»,— брезгливо подумал он.

— Гляди, Зайцев, лучше добром признавайся! — пригрозил Каминский.— Молчишь? Ввести...

Следователь открыл дверь, и в комнату вошел рослый человек в тулупе нараспашку. Михаил посмотрел на него: «Где-то я его видел?»

— Знаешь его? — подступил к Зайцеву Процюк. — Так... Молчишь... Тогда ты, Поздняков...

Михаила точно молнией озарило. Он вспомнил партизанскую землянку, вспомнил этого человека. А Поздняков уже рассказывал о том, как Зайцев, Вячеслав Васильев, Александр Антоненков, Анна Биндасова приходили к партизанам, как взрывали склады с боеприпасами Борис Вишняков, Василий Акулов, Анатолий Фирсов, как составляли щорсовцы план восстания. И о многих других славных делах молодых подпольщиков доносил предатель.

В ту ночь Процюк, Шатров и Финогенов особенно жестоко избили Михаила. Финогенов и два полицая приволокли его в камеру, окровавленного, без сознания.

— Нас предали, ребята, — прошептал он, едва придя в себя.

Да, их выдал подлец, которому все равно, как жить и чем жить, у которого нет даже простой признательности к родившей его земле.

ПОГРЕБСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Вскоре немцы объявили, что в клубе состоится суд над врагами «нового порядка». Полицаи оцепили здание. В зал допускались только избранные. Главным свидетелем выступал Поздняков. Он до конца выполнил свою грязную роль.

Девятнадцать патриотов были приговорены к расстрелу.

Теплой августовской ночью скрипнул засов камеры, где томились подпольщики. Один за другим вышли Василий Толкачев, Михаил Зайцев, Анатолий Фирсов, Борис Вишняков, Вячеслав Васильев, Александр Антоненков, Екатерина Кабанова, Петр Дурманов, Петр Сметанин, Михаил Воропанов, Савелий Живых, Анна Биндасова, Василий Логеев, Иван Турков, Александр Волков, Василий Акулов, Александр Кугукин, Дмитрий Шилов и Андрей Карцев. Шатров и следователь Финогенов проволокой скрутили всем руки. Потом их втолкнули в крытый грузовик. Он тронулся вслед за легковой машиной, в которой сидели Лойлет и Процюк. Позади шел еще один грузовик с полицейскими. В глухом лесу «Погребская дача» процессия остановилась. Полицейские вырыли большую яму. Крытый грузовик вплотную подогнали к ее краю, откинули борт.

Первым в яму спрыгнул Зайцев. И тут же упал, сраженный пулей Процюка. Это был сигнал. Лойлет, Шатров, Финогенов стреляли в упор...

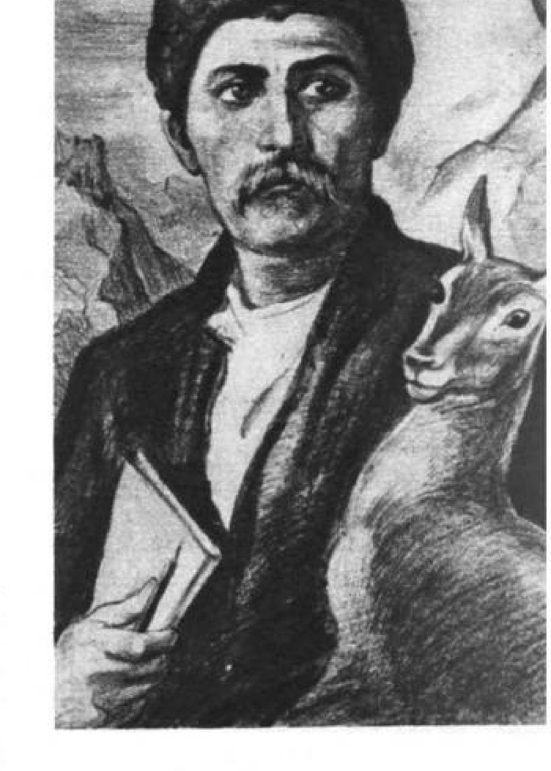
Спустя несколько дней после этой страшной ночи поселок Локоть был освобожден Советской Армией. Вместе с фашистскими войсками бежали из поселка полицаи, бургомистр и прочая нечисть. Немало еще крови советских людей пролили они на нашей земле.

Поздняков давно уже понес заслуженную кару. Каминского незадолго до окончания войны убили его же сообщники. Приближается час расплаты и для Финогенова, Морозова, Шатрова. Скоро в Брянске начнется судебный процесс над изменниками Родины. На скамье подсудимых, правда, не будет Процюка: он бежал за границу и до сих пор скрывается.

А. ОСИПОВ

Певец рыцарской дружбы и благородства

Симон ЧИКОВАНИ

ВАЖА ПШАВЕЛА.
Рисунок И. Тоидзе.

Прошло сто лет со дня рождения одного из крупнейших поэтов Грузии, Луки Разикашвили (литературный его псевдоним — Важа Пшавела, муж пшавский). Этот великий праздник грузинской поэзии по призыву Всемирного Совета Мира отмечает все человечество.

Мы и поныне не перестаем восхищаться суровым и таким человечным обликом поэта, нас снова и снова радуют его мастерство, точность его жизненных наблюдений.

Родился Важа в 1861 году в горном уголке Грузии — Пшавии, в селении Чаргали. Оно расположено в ущелье, маленькая речка Чаргула протекает посреди села, гора Чарглисцвери бросает на него свою большую тень. В Чаргали и днем и ночью слышится шум реки, шелест леса, и кажется, что девственная природа по сей день сохранилась в ущелье.

Почти все предки Важа были настоящими сынами природы. Они не раз проявляли воинскую отвагу, защищая родину, отстаивали честь своего теми (общины). Отец поэта, Павле Разикашвили, воспитал своих сыновей и дочерей по-спартански, в соответствии с древними родовыми обычаями семьи: закалял в труде, на охоте, учил верховой езде и стрельбе. Отец старался привить детям и любовь к литературе: знакомил их с пшаво-хевсурскими народными сказаниями, легендами, героическими песнями и сказками. Долгими зимними ночами в доме Важа читали детям светские и духовные книги.

Учился Важа в телавском духовном училище, затем в тбилисском двухклассном городском училище и в горийской учительской семинарии. Он отлично владел русским языком. Известно, что в семинарии Важа внимательно читал сочинения Герцена, Белинского, Добролюбова.

Попытка учиться на юридическом факультете Петербургского университета окончилась неудачно: не хватило средств на учение. В 1884 году Важа вернулся в Грузию.

Первая жена Важа Пшавела умерла рано. В 1904 году он женился вторично и навсегда поселился в родном селе Чаргали. Здесь поэт жил трудовой жизнью крестьянина: пахал, сеял, косил, рубил лес, заготовлял на зиму дрова. В своем доме он сам сложил камин и при его свете писал стихи.

В период революции 1905 года душой и сердцем он был на стороне народа и помогал революционерам, приезжавшим в Чаргали из Тбилиси.

В 1915 году поэт надолго слег в постель. Его увезли в Тбилиси, сделали ему операцию. Она не помогла. В больнице поэт мечтал о горах, просил принести ему свежескошенной травы и родниковой воды. Важа просил, чтобы его увезли обратно в Чаргали, и был убежден, что горный воздух быстро поставит его на ноги.

С утра 27 июля 1915 года Важа вспоминал Чаргали, родные горы и ущелья. К вечеру он скончался.

В грузинской классической поэзии Важа занимает особое место. Можно утверждать, что из всех поэтов Грузии он наиболее близок к народному поэтическому мышлению. Творческий мир его первозданен и необычен.

Важа называют певцом гор, хотя и до него блестящие стихотворения посвятили горам Грузии выдающиеся поэты. Поэтическое видение мира у Важа проникнуто глубоким гуманизмом. Поток чувств поэта безбрежен: словно впервые в грузинской литературе открыл он и увидел необыкновенных людей, живущих в горах, и создал их проникновенные, скульптурно четкие образы. Характеры, созданные поэтом, близки всем народам, потому что поэзия Важа — героическая поэзия рыцарской дружбы и благородства. Такая поэзия возвышает и облагораживает человека.

Пожалуй, никто из поэтов, писавших на рубеже XIX и XX веков, не был так близок к природе, не был так неразрывно связан с нею своими корнями, как Важа. Известно, что однажды ему прочитали стихотворение Баратынского «На смерть Гете»:

С природой одною он жизнью
дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов
понимал,
И чувствовал трав
прозябанье,
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская
волна.

Эти стихи привели юного Важа в восторг. Он, как рассказывают, радостно кружился по комнате, восклицая: «Это — я, это про меня сказано, я нашел себя!» В стихах Баратынского молодой поэт словно увидел собственную душу, почувствовал, что и ему дано слушать шелест листьев и журчание рек, жить одной жизнью с природой.

Впечатления, запавшие в душу горца, стали для него органическим миром поэзии. Поэт говорил: «Воспоминания лежат у меня грудой булыжника; отбираю и отбираю их постепенно... Я помню, что было в прошлом плохого и хорошего...»

Мир поэта, подобно природе, исполнен могучей внутренней энергии и, подобно природе, порождает бесчисленное множество образов. Важа творил в мире изначальных прозрений народа, где еще не утрачено духовное детство, где все воспринимается непосредственно. Легенда, созданная народом, сказание, басня, крылатое слово, песня или бытующее в народе наблюдение — все это служило для Важа материалом, из которого он создавал монументальные поэтические произведения.

Когда мы вступаем в поэтический мир Важа Пшавела, гигантские горы постепенно обступают нас. Амирани боролся в этих горах с богом и нашел огонь для блага народа. И Важа беседует с подернутыми туманом горными вершинами, как с живыми существами, и, глядя на курящийся туман, размышляет:

Туманы — это размышленья
Могучих гор, седой венец
Их человечности, томленья
Несокрушимых их сердец.

Поэт искал своих героев среди обыкновенных людей, в повседневной жизни, но поручал им совершать необыкновенные дела. Автор «Бахтриони» изображал именно таких героев. Он как бы создавал народные мифы и легенды. В поэзии Важа чувствуется дух, свойственный античной поэзии. Важа никогда не прибегал к образам античной мифологии, но широко пользовался образностью, свойственной грузинским народным преданиям, создавая собственный национальный пантеон.

Может быть, поэтому в стихах Важа не только богатыри и природа одухотворены, но даже военные доспехи. В поэзии Важа оружие срастается с героем. Символ мужества — сабля стала главным действующим лицом нескольких произведений поэта; она сама борется за то, чтобы принадлежать достойному.

Герои Важа не всегда живут в определенной эпохе. В поэме «Змееед» Миндия — воин времен Важа Пшавела. Но тут же в поэме говорится, что Миндия был воином времен Тамары и что царица гордилась его мужеством и воинской силой. Так и в поэме «Гоготур и Апшина». Гоготур одновременно и воин давнего времени и современник автора. Они живут в поэзии Важа не как представители какой-то определенной эпохи, но как воплощение вечной жизни народа.

Одухотворенная природа в изображении Важа всегда динамична. Она в борьбе и движении. Картины природы материальны, зримы и почти осязаемы:

Но, предначертан волей рока,
Непроницаемый для глаз,
Туман, как черная морока,
Скрывает витязей от нас.
Встает он пологом заклятым
Над очарованным холмом,
И не разбить его булатом,
И не рассеять волшебством.

Важа избегал отвлеченных образов. Только Важа мог унести печаль, как «сагзали»[1], и представить мысль так же зримо, как можно увидеть горный туман.

Многие свои стихотворения Важа называл «песнями» на манер народной поэзии. Писал он одним песенным размером — восьмистопным шаири. Он не стремился к строгим строфическим формам, подобно Руставели, Бараташвили и Акакию Церетели. Строй его строф, основанный на свободном поэтическом дыхании, не подчиняется никакой единой закономерности.

Важа — поэт эпического мышления. Он обогатил грузинскую поэзию многими лирическими шедеврами, был склонен к элегическому раздумью, но его ключом бьющий талант нашел выход прежде всего в эпосе. Лучшие поэмы Важа Пшавела — «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Гоготур и Апшина», «Змееед», «Алуда Кетелаури», «Этери».

Мы вправе утверждать, что после Шота Руставели у Грузии не было поэта такой высокой эпической мысли и такого размаха, как Важа Пшавела. Он создал поистине монументальные, проникнутые передовыми идеями, отмеченные высокими стремлениями характеры. Каждым своим помыслом поэт служил будущему родной страны. Он был и остается надежнейшим нашим спутником.

[1] Пища, которую человек берет с собой в дорогу.

Известный американский драматург Артур Миллер хорошо знаком советскому читателю и зрителю. Его пьесы опубликованы советскими издательствами и идут на сценах наших театров. В отличие от многих драматургов Запада, которые либо штампуют легковесные развлекательные пьески, либо уводят зрителя в мир патологических извращений, Артур Миллер поднимает в своих драмах большие проблемы современности, волнующие миллионы людей. По словам самого Миллера, он старается ставить в своих произведениях социальные темы и ответить на вопрос: «Как жить?».

В «Неприкаянных» Артур Миллер выступает в новом для него жанре. Но и в этой «киноповести» он поднимает большую тему — о том, как в царстве денежного мешка калечатся человеческие души, а хорошие, цельные люди не находят себе места и мечутся как неприкаянные.

Артур МИЛЛЕР

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

ОТ АВТОРА

С первого взгляда видно, что «Неприкаянные» — произведение, необычное по форме: это не роман, не пьеса и не сценарий. И, может быть, стоит пояснить, как оно получилось.

«Неприкаянные» были задуманы как будущий фильм; каждое слово в этой киноповести должно объяснять глазу киноаппарата, что видеть, и актерам,—что говорить. Однако повесть эта такова, что телеграфный, эскизный язык киносценария не может ее выразить; ведь смысл ее — в детальном раскрытии характеров и обстановки, а не только в перипетиях сюжета. Пришлось поэтому не только описывать словами, что происходит на экране, но и добиваться для читателя того художественного впечатления, которое должен получить зритель, посмотрев фильм. Надо было представить себе, будто кинокартина уже готова и писатель словами передает создаваемое ею впечатление. Практическая задача сделать замысел фильма понятным читателю — фильма, который пока еще существовал только в воображении автора, — постепенно определила литературный жанр, жанр, если хотите, смешанный, но обладающий, по-моему, могучими возможностями отображать современность.

Кино — самое распространенное искусство на свете — создало особое восприятие жизни; его мгновенные переходы, его внезапное сопоставление несопоставимых образов, документальность изображения, неизбежная в фотографии, скупость в изложении сюжета и преобладание действия над словом оказали влияние на литературу — на роман и особенно на драму, в чем писатель не всегда сознается, а порой и сам не отдает себе отчета. В «Неприкаянных» автор сознательно пользуется возможностями киноискусства для того, чтобы создать литературное произведение, обладающее особой образной непосредственностью, сохраняя при этом интеллектуальные возможности искусства слова.

Глава первая

Поперек Главной улицы высится стальная арка, на которой горит неоновая надпись: «Добро пожаловать в Рено[1] — самый большой из маленьких городов в мире!».

Городок это тихий. Сквозь ветровое стекло вся Главная улица видна на десяток кварталов вперед, почти до самого конца. На такой высоте над уровнем моря все очертания кажутся четкими, небо безукоризненно чистым, а утренний джаз звучит из радиоприемника машины как-то особенно бодро. Город чистенький. Большие игорные заведения темно-серые, как броненосцы, выстроены в стиле модерн,

[1] Город Рено (штат Невада) известен тем, что местные законы крайне облегчают практику развода. Поэтому туда едут разводиться со всех концов США. (Прим. перев.)

ПРИКАЯННЫЕ

Посвящается Кларку Гейблу — человеку, который не умел ненавидеть.

и неоновая реклама на них сияет даже при ярком солнечном свете. На светофоре загорается зеленый огонь, и наша машина осторожно трогается с места. Но еще квартал, и нас останавливает полицейский; он сходит с тротуара, задерживает встречный грузовик и не спеша переводит через улицу старушку. Она входит во внушительное здание банка; рядом с ним нарядный магазин женского платья, а дальше — лавка с золотыми буквами на окнах: «Игра в кости». На других заведениях надписи: «Конские состязания — пари», «Казино», «Обручальные кольца». Пока мы стоим, наше внимание привлекает громкий треск. Игорный универмаг слева, сверкающий изнутри, передает по радио этот треск на всю улицу; световая реклама, мигая, выбрасывает над тротуаром слово «банк», показывая, что какой-то клиент сорвал самый крупный выигрыш.

Полицейский — на носу у него очки в золотой оправе — машет, чтобы мы ехали дальше, но к окну машины подходит женщина. На одной руке у нее трехмесячный ребенок, в другой — чемодан.

Женщина. Я иду правильно, голубчик? Мне надо в суд.

Голос шофера. Один квартал прямо, а потом два квартала налево.

Женщина. Покорно благодарю. Тут у вас и голову недолго потерять...

Голос шофера. Вот это верно, мадам.

Она возвращается на тротуар. В глазах ее что-то по-деревенски жалобное, в неуверенной походке — глубочайшее недоверие человека, вырванного из привычной среды. Она худа, и ее платье в горошек слишком для нее просторно. Она судорожно прижимает ребенка и чемодан и поминутно на них поглядывает, словно боится потерять.

Наша машина снова трогается в путь и некоторое время едет рядом с женщиной. Утренняя передача джаза звучит в машине все так же бодро. Неоновые вывески мигают в лучах солнца. Редкие прохожие — почти всё женщины, и почти все одиночки. Многие из них бредут озабоченно, словно они выбиты из колеи, — это, видно, туристы или приехавшие разводиться и еще не знающие города.

Джазовая музыка кончается, и слушателей приветствует исполнитель ковбойских песенок. Под его тягучее бормотание мы едем дальше по Главной улице. Сквозь витрину продовольственного магазина видна женщина — в одной руке она держит большой пакет всякой бакалеи, а другой опускает рычаг игорного автомата; не взглянув на вращающиеся барабаны, женщина идет к выходу, тщетно надеясь, что ее остановит стук вылетающих из автомата монет. Дальше по улице влюбленная парочка разглядывает витрину с подвенечными платьями. Рядом — дверь, на ней вывеска: «Дела о разводе этажом выше».

Это богатый городок. Новая с иголочки гостиница стоит над рекой Траки — серый фасад разукрашен балконами на консолях. За гостиницей подымаются сухие бурые горы со снежными вершинами. Просторы отсюда открываются беспредельные, а воздух так прозрачен, что видны даже скалы, торчащие на склонах гор. Певец с пластинки произносит тягучим баритоном: «Ну вот, ребята...» — и какое-то время по радио слышен только шелест бумаги; он, очевидно, отыскивает текст рекламы, который собирается читать. На углу стоят два молодых индейца в комбинезонах и смотрят, как мы едем мимо; лица их похожи на лица слепых, на них тяжко слишком долго смотреть.

Радиокомментатор посмеивается: «Ребята! Вот над чем вам стоит пораскинуть мозгами, пока вы ждете, когда закипит ваше кофе «Риздейл». Уже третий месяц кряду мы бьем Лас Вегас. Вчера было дано четыреста одиннадцать разводов по сравнению с триста девяносто одним разводом в Лас Вегас. Можете не сомневаться, дружки, у нас тут Столица Разводов. И если уж речь зашла о разводе, не хотите ли избавиться от дурной привычки? Почему бы вам не сняться со стула, не сходить в аптеку Хабера и не побаловать себя крепким сном, купив старое, испытанное средство «С.П.И.»?»

Мы едем по обсаженной деревьями улице, похожей на загородную: домишки тут совсем маленькие, часто облупленные и бедные. В воздухе мирная, почти сонная тишина жаркого дня в Неваде. Мы сворачиваем.

«Понятное дело, друзья, мы не беремся предоставить вам сон по вашему выбору. «С.П.И.» — это просто одна из кличек, которые придумывают там, на Востоке, в Нью-Йорке. Но «С.П.И.» помогает. Могу поклясться, что бессонных ночей у вас больше не будет; обзаведитесь «Сном», а мы уж заставим вас спать! «С.П.И.», ребята, — это самый настоящий эликсир отдыха как для тела, так и для души. Сбрось с себя бремя, мамаша! А ты, папаша, дай себе передохнуть. «С.П.И.». А ну-ка, ребята, давайте сюда, в кружок... Повторяйте за мной, как мы это делаем всегда... все вместе...» Стайка скрипок взметнулась в мелодии, навевающей сон: «С.П.И.».

Машина останавливается у обочины, мотор выключен, а с ним и радио.

Гвидо выскакивает из машины — это, как мы теперь видим, — грузовик-тягач, — обходит его и достает сзади аккумулятор. Идет с ним по дорожке к дому. На его джемпере надпись: «Гараж Джека, Рено».

За домом стоит новый «кадиллак» с откидным верхом и поднятым капотом. У машины плачевный вид, на крыльях — вмятины. Гвидо кладет аккумулятор на крыло машины, чтобы половчее его ухватить и опустить на место, но слышит над головой гудение самолета. Он смотрит на небо.

С ревом проносится огромный реактивный самолет; он идет совсем низко. Гвидо провожает его взглядом, пока тот не скрывается в горах; в глазах у Гвидо тоскливая зависть и почтение сведущего в таких вещах человека. Потом он опускает аккумулятор в машину и начинает его присоединять. Ему лет около сорока, точнее определить его возраст трудно, потому что лицо у него загорелое, волосы коротко подстрижены, руки сильные, а манера поворачивать шею, как у борца; со спины у него вид профессионального гимнаста, даже ходит он с носка, и голос у него резковатый.

Но, глядя ему в лицо, разговаривая с ним, думаешь, что это человек интеллектуально развитый, получивший университетское образование. Быть может, это поэт, увлекающийся игрой в футбол.

Вдруг его черные глаза заволакиваются и начинают смотреть тупо, он сразу превращается в простого ремесленника, в простодушного парня, проводящего полжизни под кузовом сломанного автомобиля, в человека, оболваненного машинным веком, бессмысленно жующего бутерброд в обеденный перерыв и глазеющего на проходящих девиц.

Сейчас, когда он подключает аккумулятор,— а работа это простая и требует только сноровки, — взгляд его устремлен вдаль и как будто видит или, скорее, ищет простора и чего-то ласкающего взор. Кожа вокруг его глаз и на переносице светлее, чем на щеках,— след защитных очков летчика, — и поэтому, когда он мигает, он становится похож на попугая, на тропическую птицу с тяжелыми веками.

Женский голос заставляет его обернуться.

— Молодой человек! У вас есть часы?

Придерживая раздвижную дверь, Изабелла заслоняет глаза от утреннего солнца. Левая рука у нее на перевязи, но она все же держит в ней будильник. Это шестидесятилетняя озорница с коротко подстриженными на затылке волосами по моде двадцатых годов; ее прическа говорит о том, что она не любит докучать себе излишними заботами о своей внешности, а такая стрижка этого и не требует. На ней старенький халат, который она придерживает локтями. На носу и на щеках заметны багровые прожилки, голос хрипловатый, ломкий, и глядит она на мир с той шутливой безалаберностью, которая свойственна людям, потерпевшим крушение в жизни и зря растратившим природный ум. Но стоит ей открыть рот — правда, ей раньше всегда надо откашляться, чтобы прочистить горло,—и вы сразу же ощущаете бесконечную ее доброту.

Насмешливый тон обезоруживает людей сентиментальных. Она явно ничего не ждет в ответ на то, что дает другим; она будет добра даже со своим палачом и может извиниться, что побеспокоила его так рано утром. О человечестве в целом она не слишком высокого мнения, но готова оправдать каждого человека в отдельности. В ее речи звучат мягкие интонации Юга. При виде ее Гвидо невольно улыбается, и так бывает почти со всеми. Она стоит, заслонив глаза от солнца, словно индианка, и ждет, чтобы он сказал ей, сколько времени. Он смотрит на часы. И будто укоряя всю часовую промышленность, она жалуется:

— У меня в доме уйма часов и ни одни не ходят!..

— Сейчас двадцать минут десятого.

— Уже? — Изабелла проходит дальше на террасу и кричит в окно второго этажа. — Милочка! Уже двадцать минут десятого! — Сверху никто не отвечает. — Детка!

За шторой появляется Розалин; мы с трудом различаем ее черты. Она взволнованно кричит вниз:

— Через пять минут! А вы?

— Я совсем готова. Даже перевязь для руки выгладила. Адвокат просил прийти ровно в девять тридцать.

— Хорошо.

Изабелла оборачивается, слыша, что в машине заработал мотор. Гвидо появляется из кабины и останавливается возле поднятого капота, прислушиваясь. Изабелла подходит к нему, все еще держа в руках будильник, который она забыла завести.

— Надеюсь, вы не будете сквалыжничать. Машина совершенно новенькая. За нее можно получить хорошую цену.

— Спидометр показывает правильно? Она прошла только двадцать три мили?

— Да, мы на ней всего два раза проехались. Во всем виноваты проклятые мужчины! Так и лезли прямо на нас, чтобы с ней как-нибудь заговорить. — С гордостью: — Она ведь и вправду красотка!

Голос Розалин. Зайдите ко мне на минуточку, Из!

— Иду, иду, детка! — Снова оборачивается к Гвидо, который поднял голову, чтобы хоть мельком увидеть Розалин. — Вы уж не жмитесь! И не судите по внешнему виду: машина совершенно новенькая, подарок мужа к разводу, понимаете?

— Разве теперь дарят подарки не к свадьбе, а к разводу?

— А почему бы и нет? Мой муж не пропустил ни одной годовщины нашего развода: всегда посылает мне чайную розу в горшке. В июле пойдет двадцатый год. — Она с ним уж подружилась, смеется, тискает его руку, близко наклоняется к его лицу. — Алиментов он мне, правда, не платит, да я и не стану вытягивать из человека деньги, если у него, понимаете, не лежит к этому душа! — Она идет на террасу.

— Вы руку сломали в машине?

— Что вы! Это моя последняя квартирантка, перед этой девушкой... Мы праздновали ее развод, и я... вела себя, как последняя дура. О господи, до чего же я сама себе противна!

У нее вдруг навертываются слезы, и она исчезает за дверью. Гвидо поглядывает наверх, в окно: Изабелла разожгла в нем интерес; потом он, вынув блокнот и карандаш, начинает ходить вокруг машины, помечая все ее повреждения.

Изабелла торопливо входит в дом, поднимается по лестнице, отворяет дверь в комнату. Там царит хаос: ящики стола выдвинуты, кровать завалена письмами, туалетными принадлежностями, журналами, бигуди.

Розалин кричит ей из чулана:

— Давайте еще раз повторим мои ответы, ладно?

— Пожалуйста, детка. — Изабелла подходит к зеркалу и берет бумажку, которая воткнута в раму. Садится на кровать и подносит к глазам очки в погнутой оправе. — Ну вот. «Ваш муж мистер Реймонд Табер обращался с вами жестоко?» — Из чулана не слышно ответа. — Ну как, детка?

Помолчав, та отвечает:

— Пожалуй, да.

Изабелла. Дорогая, отвечайте просто «да».

Из чулана в комнату вбегает девушка с золотистыми волосами, на ходу застегивая молнию на платье; она подходит к столу и свободной рукой шарит в груде баночек, бумаг и всякой всячины, поглядывая в зеркало на свои волосы. Каждая деталь ее внешности как будто в порядке, но вид у Розалин все же немного растрепанный; она очень следит за собой, но часто бывает рассеянной: слишком резко тряхнув головой, портит прическу, наденет только что выглаженное платье и встанет на четвереньки, чтобы отыскать что-нибудь под кроватью... Но при всей ее стремительности во взгляде ее чувствуется какая-то замкнутость, какой-то скрытый от всех внутренний мир. Она повторяет, глядя на Изабеллу:

— Да.

Одергивает перед зеркалом платье, поглощенная мыслью о том, что ей надо отвечать. Хотя она делает столько вещей сразу, разглядывает несколько предметов одновременно и переживает разные состояния, какая-то часть ее души всем этим ничуть не затронута, и она чувствует себя одиноко, как ребенок, впервые попавший в школу: ему непонятно, зачем он сюда попал, и он отчаянно ищет хоть одно приветливое лицо.

Изабелла продолжает читать по бумажке:

— «В чем проявлялась его жестокость?»

— Он... Как там у меня идет?

— «Он упорно и бессердечно пренебрегал всеми моими правами и желаниями и несколько раз подвергал меня оскорблениям действием».

Изабелла подняла глаза от бумажки.

— «Он упорно...» — Розалин взволнованно прерывает себя: — Зачем я стану это говорить? Почему я не могу просто сказать, что его не было? То есть что он был, до него можно было дотронуться, а его все равно что не было...

Афанасий КРАСОВСКИЙ

Я люблю,
Как песнь простую,
В жарком солнце
Мачты, доки,
Даль безбрежную морскую
Севастополь белобокий.

Я люблю
Его дыханье
В час, когда волна прибоя
Прилетает на свиданье
У Приморского с тобою.
Сколько красок,
Сколько света
В синей бухте,
На бульваре!
Здесь душа зимой и летом
Бродит
В бронзовом загаре.
Видишь клены,
Видишь розы,
Пахнет хвоей при дороге,
Виноград сгибает лозы
На беседках тонконогих.
Все здесь радостно,
Все просто,
Все бессмертно,
Величаво,
И крепка душа матроса
Севастопольскою славой.

г. Севастополь.

Слово о владимирской березке

Николай ТАРАСЕНКО

Тебя и любили,
И в красках писали,
Тебя и рубили,
И в сани бросали.
Ты в песню ложилась,
И в печке гудела...
На совесть служила
Душою и телом.

Белая-белая,
Все ты терпела:

Грибной туесок
Ты дарила без денег,
Березовый сок
И березовый веник,

А вьюга лихая
Пеньки замела...
Ты в каждом сарае
Легла в штабеля.
Пила к тебе лезла
Бойчей год от года,
И пятился лес
Под натиском города.

Березка-плакида,
Белянка в полоску,
Аж в пруд опрокинута
Беглянка-березка!

Но кто ж тебя выручил
В нынешний час:

От печки, от пепла,
От пламени спас?
Кто духом проворным,
И добрый и злой,
По трубопроводам
Бежал под землей?
Он нашу владимирскую
Белянку в полоску,
Березку родимую,
Шептунью-березку
По-братски
Горячим дыханием спас!

На вывеске вывели:
«Гор-
газ».

Я верю, готовят,
Оформят указом:
Не только готовить —
Топить будем газом!

А белая-белая
Довольно терпела.
Чтоб не рубили,
В печь не бросали,—
Только любили
И рисовали...

г. Владимир.

— Деточка вы моя, если бы это могло быть поводом для развода, на всю Америку осталось бы одиннадцать семейных пар. Вы лучше повторите...

Слышен автомобильный гудок. Изабелла поспешно подходит к окну. Внизу Гвидо прячет в карман блокнот и говорит:

— В конторе вам ее оценят.

Розалин подходит к Изабелле.

— Но имейте в виду, эти вмятины не по моей вине!

Гвидо впервые видит Розалин; она стоит за шторой, но все же более или менее на виду. Он вдруг почему-то робеет и стыдится своего смущения.

— Я им посоветую дать самую высокую цену, какую смогу, мисс. Вы можете на ней ехать. Я поставил аккумулятор.

— Ну, на этой машине я никогда больше не поеду! Мы вызовем такси.

— Если вы сейчас выходите, я могу вас подвезти на грузовике.

— Вот здорово! Две минутки, можно? Одевайтесь, Из! Вы же моя свидетельница.

Изабелла взволнованно сжимает руку Розалин.

— Я буду свидетельницей на процессе о разводе в семьдесят седьмой раз. Две семерки — счастливое число, детка!

— Ах, Из, дай-то бог!

Розалин улыбается, но в глазах у нее попрежнему светится испуг и недоумение. Изабелла торопливо выходит из комнаты, на бегу развязывая здоровой рукой пояс халата.

Глава вторая

Через улицу, против здания суда в Рено, разбит небольшой парк. На пересекающихся дорожках стоят скамейки, а посредине, лицом к суду, возвышается зеленоватая скульптура семьи первых переселенцев — мужчины, женщины и ребенка, — которая должна напоминать тяжебщикам, что здесь проходили великие пути освоения Дальнего Запада. Тут приятно посидеть в жару: тень от листвы в этих местах — редкая роскошь. На скамейках отдыхают бродяги и старики и глазеют на прохожих; иногда какая-нибудь парочка рассматривает пробные свадебные снимки из фотоателье напротив или те, кто отсуживает земельные участки, разложат на скамье свои планы. Все, что происходит, рано или поздно оканчивается в суде, и в этом парке стороны могут посидеть и подумать о будущем, в то время как вокруг них с четырех сторон несутся потоки машин.

Грузовик Гвидо останавливается. Он быстро выскакивает, открывает дверцу с другой стороны — помогает сойти Изабелле.

— Вы уж поосторожнее!

— Какой вы милый! — Изабелла похлопывает его по плечу.

Розалин уже почти вылезла из грузовика, но он успевает подставить и ей руку. Она все еще сжимает свою бумажку и сразу же бежит мимо него к входу.

Розалин. Большое спасибо. Нам надо спешить.

Гвидо мягко преграждает ей дорогу:

— Если вы не собираетесь сразу же возвращаться домой, я с удовольствием вас покатаю и покажу здешние места. Тут ведь, знаете ли, необыкновенно красивые места!

Розалин, поглощенная тем, что ей предстоит, благодарит его взглядом:

— С радостью, но я еще не знаю, что со мной будет. Я все ждала, когда истекут положенные шесть недель, и больше ни о чем не могла думать.

Гвидо. Разрешите вам позвонить?

— Я еще не знаю, где я буду, но, пожалуйста! — Розалин отходит, помахав ему рукой.— Еще раз спасибо!

Изабелла тянет его за рукав.

— Меня зовут Изабелла Стирс.

Гвидо смеется в ответ:

— Ладно, если хотите, можете поехать с нами.

— Лучше поздно, чем никогда! Ох, уж эти мне здешние мужчины! — Смеется и семенит следом за Розалин.

Гвидо, слегка возбужденный этой встречей, стоит, не двигаясь, и смотрит, как они идут по асфальтовым дорожкам между газонами к подъезду суда. Люди на скамейках заглядываются на проходящую мимо Розалин; они забывают про газеты, которые читали.

Молодая женщина в платье горошком — с ребенком на руках — прощается с адвокатом на ступеньках. Они расстаются, у женщины темные круги под глазами, она проходит мимо Розалин. Изабелла и Розалин подходят к подъезду суда. Розалин торопливо повторяет слова своей шпаргалки. К тревоге у нее теперь примешивается какое-то ожесточение.

— Не могу я этого запомнить, у нас все было совсем иначе!

Изабелла смеется:

— Вы принимаете это слишком всерьез, детка! Повторяйте, и все! Кто вам сказал, что нужно говорить правду? Это ведь не викторина, а суд.

Они начинают подниматься по ступенькам, и, взглянув наверх, Розалин, которая спрятала свою шпаргалку, останавливается, как вкопанная. По лестнице навстречу ей спускается высокий человек лет тридцати восьми. Он хорошо сложен, на нем мягкая соломенная шляпа и галстук с крупным рисунком. Он все время старается не отставать от времени, но никак не может уловить его смысла. Ему сейчас неловко, он знает, что вынужден быть просителем; он рано добился в жизни успеха, и необходимость просить уязвляет его самолюбие. Он надеется, что само его появление здесь докажет жене, что она очень перед ним виновата. Но он ее простит, и она снова будет его обожать. Это Реймонд Табер, ее муж. Он кривит губы в обиженной, смущенной улыбке, словно признаваясь в небольшом упущении.

— Прямо с самолета. Надеюсь, не опоздал, а?

Розалин смотрит на него, в душе ее растет неуверенность, и она ничего не может ответить. Он спускается к ней по ступенькам.

— Не надо, Реймонд, я не хочу ничего слышать.

От возмущения у него пылает лицо.

— Удели мне хотя бы пять минут, можешь? После двух лет жизни пять минут не так уж...

— Теперь, когда ты знаешь, что я не вернусь, я стала тебе нужна? Ну, пожалуйста... Я ведь тебя не виню. Я всегда так думала. Я просто больше не верю во все это. — Она пытается пройти мимо, но он хватает ее за руку.

— Киска, я понимаю!

— Нет, не понимаешь, никто этого не понимает! — Толкает пальцем его в грудь. — Тебя все равно нет, Реймонд! — Отступает от него на шаг. — Если я должна быть одна, я хочу быть совсем одна. Поезжай домой, тебе больше не удастся меня разжалобить.

Розалин подзывает Изабеллу, которая обнимает ее за плечи здоровой рукой. Он стоит в бессильной ярости, и они отходят от него. Розалин дрожит от сдерживаемых рыданий, но не позволяет себе плакать. Вдвоем с Изабеллой они взбегают по ступенькам и входят в здание суда.

Гвидо из окна грузовика провожает их взглядом, пока они не скрываются за дверью. Он видел, что на лестнице шел какой-то спор, но не слышал, о чем. Он едет по Главной улице, как очарованный. Улицу перегородил поезд. Гвидо останавливается у переезда, выключает мотор и откидывается на сиденье, ожидая, чтобы поезд прошел. Глаза его устремлены в одну точку, он поглощен своими мыслями. Случайно, повернув голову, он приходит в себя и кричит:

— Гай!

У ступеньки вагона стоит Гай Ленгленд с женщиной. У ног его собака. Он оборачивается к грузовику, машет и кричит в ответ:

— Обожди! Я как раз собирался к тебе зайти!

В нескольких шагах от него кондуктор смотрит на часы. Женщине года сорок два, она хорошо одета. Она боится, что вела себя глупо, и испытующе заглядывает Гаю в глаза, заранее зная, что там увидит; на губах ее невеселая улыбка, а в глазах тоскливый испуг.

Гай снова поворачивается к ней:

— Ну что ж, желаю вам счастья, Сьюзен. Я вас никогда не забуду, поверьте.

Она опускает глаза, видит протянутую руку, понимает, что говорит этот жест: ее отвергли, она чужая; она пожимает руку Гая, стараясь сохранить самообладание, но вдруг обнимает его, глаза у нее полны слез.

Гай. Ну же, успокойся, дружочек, будь умницей...

Кондуктор. Займите свои места!

Женщина. Я даже не знаю, куда тебе писать!

Гай утешает ее, подводя к подножке вагона:

— До востребования. Дойдет.— Он подсаживает ее на подножку, и она оборачивается к нему.

— Но ты все-таки подумай, Гай! Это вторая по величине прачечная в Сент-Луисе!

— Зачем мне водить тебя за нос, Сьюзен? Я не гожусь в дельцы.

Поезд трогается. Кондуктор вскакивает в вагон и, схватив женщину за руку, помогает ей подняться на площадку. Гай идет рядом с поездом. Женщина потеряла всякое самообладание и плачет.

— Гай! Ты будешь обо мне вспоминать?

— Я же сказал, что буду, дружочек! Прощай!

Она вынуждает себя храбро, по-мужски махнуть ему на прощание. И когда ее уже не видно, Гай продолжает стоять с поднятой рукой и смотрит вслед поезду с глубоким сочувствием, исполненным не менее глубокого облегчения. Он шагает по платформе. За ним бредет собака. Гвидо поставил грузовик на обочину; Гай подходит, упирается локтями в открытое окошко, говорит устало:

— Как поживаешь? Еще не пора тебе уносить ноги из этого города? Я, например, об этом только и мечтаю.

— Да и я об этом подумываю. — Гвидо делает жест в сторону отошедшего поезда; в глазах его любопытство невольного свидетеля непонятной ему сцены, жадное, хоть и не смелое желание узнать подробности. — Это которая?

Гай улыбается над откровенным любопытством приятеля, но не хочет обмениваться с ним циническими шуточками по ее адресу:

— Сьюзен. Прекрасной души женщина!

Он открывает дверцу и усаживается на край сиденья. Мимо спокойно течет поток автомобилей. Гаю сорок девять лет, это ковбой с большими, рабочими руками, человек, у которого просто талант слушать собеседника. Он снимает шляпу и обтирает внутри тулью... Мысли его не здесь, но где—непонятно, просто вне времени и пространства. Сейчас будничное утро в самом разгаре, а кругом песчаные дали и горы. Вид у него не то благодушный, не то измученный — не поймешь. К Гвидо он относится дружелюбно, по-деловому, только дела-то никакого у них нет. Наверно, у Гая много таких друзей.

Чувствуется, что он не ждет от жизни многого, но заставляет тех, кто ходит с ним, приноравливаться к его походке, потому что сам за кем-нибудь плестись неспособен. А вести за собой не желает. Загадывать вперед он умеет только на несколько дней, от силы недели на две; а за пределами этого — просторы родного штата, где у него есть знакомые чуть ли не в каждом углу. Бездомный бродяга, он всегда дома в своих сапогах, штанах и рубахе, и ему все на свете интересно.

Когда он слушает, сразу заметно, что жизнь он воспринимает как интереснейшее зрелище, иногда оглушающее, иногда безмолвное, часто на редкость бессмысленное, а кое-когда и опасное. Это зрелище без начала и без конца. Он вслушивается, ему любопытно, но, как сурок, он вдруг зароется в землю и вынырнет где-то совсем в другом месте. Ему не приходится ловчить, потому что он никогда не принуждал себя давать какие-нибудь обещания, поэтому его измены несерьезны и не оставляют следа в его душе. Его жизненное правило, по-видимому: «Если уж приспичит, то сделаешь!» В мире царит мораль, но он полон женщин. Гай легко и необидно освободил многих из них от этой морали, за что они были душевно благодарны ему. Его отказ посмеяться над уехавшей женщиной вызывает у Гвидо желание пооткровенничать.

Гвидо. Я только что встретил такую де-

вушку, что просто закачаешься. Красивая, как черт!

Гай смотрит на него с веселым удивлением.

— Да, уж, видно, недурна, если ты так зашелся! Послушай, а не двинуть ли нам в горы?

— Я хотел сколотить на этот раз сотен пять. Мне надо купить новый мотор.

— К черту! И на этом моторе долетишь. Ты уже, парень, больше двух месяцев на работе — жалованья тебе должно хватить на год. Не то, смотри, войдет в привычку гнуть спину. Я же, ей-богу, просто помираю по чистому воздуху и по безлюдью,— ни одной чертовой души не хочу видеть — ни мужской, ни женской. А может, мы там немножко поохотимся на мустангов?

Гвидо смотрит в сторону, нерешительно:

— Давай встретимся в баре, попозже. Там и потолкуем.

— Вот это дело! — Гай выходит и захлопывает за собой дверцу. — Надеюсь, покажешь мне свою девушку!

— Да ведь с тобою беда: уж очень ты любишь разводить турусы на колесах.

— А, черт! Самое милое дело в жизни—это поболтать со смазливой бабенкой. Попробуй и ты, ты ведь что-то последнее время мрачный, может, на душе легче станет. Значит, до скорого!

Гай отходит от грузовика; оба машут друг другу, и грузовик двигается дальше. Гай шагает по улице, глаза его немного повеселели.

Главная улица в одном месте переходит в мост над узенькой речкой Траки, которая течет между городскими зданиями. По мосту идут Розалин и Изабелла. Изабелла останавливает свою спутницу у парапета. Полуденный зной, видно, очень их утомил.

Изабелла. Если вы кинете туда кольцо, вам больше не суждено будет разводиться.

Розалин растерянно трогает на пальце кольцо; ей не хочется с ним расстаться.

Изабелла. Ну же, деточка, смелей! Все это делают. В этой речке больше золота, чем на Клондайке.

Розалин с явной неохотой:

— А вы свое бросили?

Изабелла. Я? Ну я-то потеряла свое кольцо еще во время медового месяца.

Розалин. Давайте выпьем чего-нибудь.

Изабелла. Вот это умница!

Через несколько домов казино. Наружная стена открыта, а внутри вытянулся метров на двести длинный ряд пузатых игорных автоматов; в их металле отражаются голубые и розовые блики неоновых огней. Большинство автоматов еще не работает, но несколько ранних пташек уже нажимают на рычаги, мигая от ослепительного сияния никеля и с напряжением вглядываясь в его отсветы, похожие на мелькание рыб в подводном царстве. Звуки здесь приглушены. Розалин и Изабелла садятся за столик недалеко от бара и разглядывают немногочисленных игроков.

Подходит официант, и Розалин заказывает:

— Виски, пожалуй. Со льдом.

Изабелла. Водку с водой.

В неоновом полумраке приятно потрескивают хорошо смазанные рычаги. Женщины с минуту-другую молчат, поглядывая по сторонам. Невдалеке от них старик осеняет крестом автомат и нажимает рукоятку.

Изабелла ласково дотрагивается до плеча спутницы:

— Не горюйте, деточка!

— Не буду. Терпеть не могу бороться за что бы то ни было. Даже если я выигрываю, я все равно что-то теряю. В душе, понимаете?

— Деточка, вы ведь свободны. Может, беда ваша в том, что вы к этому еще не привыкли?

— Нет, беда в том, что мне всегда приходится начинать с самого начала. У меня никогда не было ни одного близкого человека, а вот теперь...

— Но ведь была же у вас мама?

Розалин подавляет невольный стыд:

— Да разве можно сказать, что у тебя есть мать, если она все время куда-то пропадает? Ни отца, ни матери никогда не было дома... Она возьмет да уедет с каким-нибудь больным месяца на три. А вы знаете, как это долго для ребенка — три месяца? Да и он приходит только тогда, когда его судно становится на ремонт...

Появляется официант, ставит на столик напитки и уходит. Изабелла поднимает бокал:

— Ну, за всю эту распроклятую жизнь, детка!

Розалин вдруг хватает Изабеллу за руку:

— Вы хорошая женщина, Из! Вы, по правде говоря, единственная женщина, с которой я смогла подружиться.

— Послушайте! Не уезжайте, оставайтесь здесь жить. Тут есть школа, вы сможете учить танцам... Этот город хорош тем, что здесь всегда полно интересных приезжих. — На глазах у Розалин выступают слезы. Изабелла растеряна.— Что вы, детка? Простите, я ведь не хотела...

— Вы напомнили мне маму. Вот глупость, правда? — Она резко поднимает бокал.— За... жизнь! Какой бы она ни была.

Они смеются и пьют. Розалин видит собаку Гая, которая покорно сидит у края стойки.

Розалин. Посмотрите, какой милый пес! Как он спокойно сидит!

Изабелла. Да, собаки — славные твари.

Женщины видят, как Гай ставит перед собакой — ее зовут Маргарет — стакан воды. Маргарет пьет. Гай, взглянув на обеих женщин, кивает им просто из вежливости и поднимается, собираясь опять сесть к стойке. В эту минуту в зал входит Гвидо, на нем чистая рубашка и нарядные брюки. Гвидо замечает Розалин и подходит к ней как раз тогда, когда Гай собирается его окликнуть.

Гвидо. А-а, привет! Как у вас там все обошлось?

Розалин (смущенно). Все в порядке. Теперь с этим покончено.

Он кивает, неуверенный в том, как вести себя дальше, жестом подзывает Гая, главным образом чтобы как-нибудь рассеять неловкость.

— Познакомьтесь с моим приятелем. Гай Ленгленд. Миссис Табер...

Гай, соображая, что это та девушка, о которой шла речь:

— А-а... Здравствуйте.

Гвидо, показывая на Изабеллу:

— А это...

— Изабелла Стирс. — Обращаясь к Розалин: — Вот в чем нельзя отказать нашим мужчинам в Рено: всегда помнят, как тебя зовут! — Все смеются. Изабелла расцвела. Она любит новых людей. — Почему бы вам, мальчики, не присесть?

Гай. Что ж, спасибо. Садись, Гвидо. Официант! А что вы, девушки, пьете?

Изабелла. Виски. Празднуем, что сгорела тюрьма.

К столику подходит официантка.

Гай. Принесите четыре двойных виски. (Обращаясь к Розалин.) Вы произвели большое впечатление на моего приятеля и... (обращаясь к Гвидо) теперь я вижу, почему.

Розалин смотрит на Гвидо, но его горячий взгляд заставляет ее обернуться к Гаю; она его спрашивает:

— Вы тоже механик?

Изабелла. Он-то? Он ковбой.

Гай, широко улыбаясь:

— Почем вы знаете?

Изабелла. Что ж, думаете, я запахов не различаю?

Гай. От меня коровами не пахнет.

Изабелла. От вашего лица ковбоем пахнет. — Протягивает ему, смеясь, руку. — Но я всех вас люблю, до самого никудышного... У меня был когда-то дружок ковбой...— Торопливо отхлебывает из бокала. — У него не было руки, но и с одной рукой он мог больше, чем другие с двумя. Ну, там обед приготовить или еще что-нибудь... — Все смеются. — Нет, я серьезно! Подкинет, бывало, полную сковороду отбивных, они перевернутся в воздухе и лягут на свое место. Но все вы непутевые, сами знаете...

Гай. Может быть, но и то лучше, чем изо дня в день гнуть спину за жалованье.

Подходит официантка с напитками.

Гвидо. Вы, наверно, теперь собираетесь домой, на Восток?

Розалин. Еще не решила. Не знаю, как быть.

Гай. Значит, у вас нет своего магазина или мастерской? Вы не учительница?

— Я? Да я и сама средней школы не кончила!

— Вот это приятно слышать!

— Почему? Не любите ученых женщин?

— Да нет, они ничего. Только всегда допрашивают, о чем ты сейчас думаешь, а так ничего... Там у вас, на Востоке, видно, людям делать нечего — только и знают, что думать.

— А может, тем женщинам просто хотелось получше вас узнать? — Розалин ехидно улыбается. — Вам это должно быть только приятно.

— Верно. Но вам когда-нибудь удавалось получше узнать мужчину, задавая ему вопросы?

— Вы хотите сказать, что он все равно скажет неправду?

— Да кто его знает: может, нет, а может, и да.

Изабелла покатывается со смеху, и на этом взаимный опрос окончен.

Гай. Давайте еще по одной?

Розалин. Правильно! Выпьем еще.

Его прямота ее как-то успокаивает; он откровенно за ней ухаживает, и это приятно ее возбуждает.

Гай кричит официанту:

— Слышь, парень! Нельзя ли нам получить еще четыре, а? — Он оборачивается к Гвидо, довольный, веселый, стараясь навести разговор на нужную ему тему: — Ну как, Летчик? Сегодня сматываем удочки?

Подзадоренный, смущаясь, Гвидо вступает в его игру:

— Вы куда-нибудь выезжали за город, миссис Табер?

Розалин. Я один раз дошла до самой окраины, а там дальше — одна пустота...

Гвидо. Ну...

Гай. Там-то, может, все и начинается.

Розалин. Что именно?

— Природа.

— А что ж там делать?

— Просто жить.

Розалин с живым интересом заглядывает ему в глаза.

— Как же это можно... просто жить?

— Да так... для начала вы ложитесь спать. Потом встаете тогда, когда вам хочется. Потом почешетесь, — все трое хихикают, — жарите яичницу, смотрите, какая сегодня погода, кидаете камешек — далеко ли он долетит, садитесь на лошадь, едете в гости, насвистывая...

Розалин смотрит ему в глаза.

— Понимаю.

Изабелла. А ведь это, наверно, очень мило, детка. Почему бы вам не прокатиться?

Гвидо. Если эта мысль вам улыбается, у меня стоит пустой дом, как раз за Хоуливилом. Могу его вам предоставить, отдохните в тишине, перед тем как ехать домой.

Розалин (улыбаясь). А что, последняя дама сердца уже отбыла?

— Да нет! Без шуток. — С внезапной откровенностью, которая дается ему нелегко: — Я никому еще этого не предлагал.

— Ну что ж, спасибо. Жить я там не буду, но я и сама подумывала, не нанять ли мне машину и не поглядеть ли здешние места...

— У Гая есть грузовая, да и я могу взять свою машину.

— Нет. Вам тогда придется везти меня назад.

— Не возражаю!

— Но я... я всегда предпочитаю... — Она немножко раздосадована тем, что ей приходится упорствовать. Касается его руки: —...чувствовать, что я сама себе хозяйка, понимаете? Я найму машину. Где это можно сделать?

Гай. Сию минуту?

Розалин. А почему бы и нет?

Гай (поднимаясь). Ладно! Видно, вы времени терять не любите!

Гвидо. Мне только надо заехать в гараж и сказать хозяину, что я уволился.

Гай. Вот это молодец!

Они проходят мимо шеренги автоматов на улицу. Вдруг у всех появилась цель, в этой жизненной неразберихе открылась какая-то дорога.

(Продолжение следует)

Перевели с английского
Е. ГОЛЫШЕВА и Б. ИЗАКОВ.

Мои годы

В. Н. ПАШЕННАЯ,
народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии

Из записей для книги о творчестве

Нынче с утра была репетиция «Грозы», а вечером — «Каменное гнездо»; последнее время все дни такие «плотные»... Я устала, попробовала уснуть, но почувствовала, что слишком возбуждена: мысли, образы беспорядочно столпились в воображении. То словно опять вижу въявь перед собою лица зрителей, доверчиво обращенные ко мне на «Каменном», то пробую мысленно еще раз повторить сегодняшнюю с Руфиной Нифонтовой мизансцену, которая нам пока никак не дается.

Что-то еще не найдено окончательное в отношениях Катерины и Кабанихи: эти отношения и тоньше и... грубее. Они проще! Но это особая, театральная простота, особая, театральная жизненность.

Верчу это особое, неуловимое «что-то» в мозгу и так и этак, вспоминаю свою собственную Катерину, которую играла чуть не полвека назад, мысленно прикидываю: нельзя ли отыскать то, чего нам не хватает с Руфой в том, далеком теперь образе? Наконец с досадой отбрасываю все это и решительно встаю, зажигаю настольную лампу. Достаю из письменного стола свою заветную тетрадь.

Жаль, что приходится работать над ней только урывками: ни минуты ведь нет свободной. А как хотелось бы свой опыт оставить театру, молодым актерам.

Самое важное, что, по-моему, надо передать молодым,— это умение не становиться старым! Бесценное умение это пригодится, впрочем, не только работникам театра, оно нужно куда шире в человеческой жизни вообще.

Все люди, мне кажется, должны научиться чувствовать и видеть жизнь — и в своем творческом и в своем физическом состоянии — не как некую печальную кривую: сперва вверх, а потом неминуемый спад — все ниже и ниже, до самой земли, и... в землю. Нет, жизнь — это совсем иное! Жизнь — это подъем, ряд бесконечных ступеней.

На каждой из них можно и нужно оглянуться вокруг себя, обо всем поразмыслить и двинуться дальше!.. Двинуться дальше — вот это и не позволит стать старым! Это обязательное условие молодости, физической и духовной. Иначе — маразм.

Какие-то качества нашей страны, я думаю, стали нашими человеческими свойствами, так же как свойства людей стали качествами страны. Отсюда, наверное, как раз и идет свежесть восприятия действительности, идет вот это упрямое нестарение... Я как-то даже не верю, что мне скоро исполнится семьдесят четыре года. Хотя по метрике — увы, ничего не поделаешь! — это так. Но уже тот самый груз неотложных ежедневных дел, забот и обязанностей, который я несу на себе, а главное, то чуть ли не юношеское желание нести этот груз, который я взваливаю себе на плечи каждое утро сызнова, заставляют меня самое чистосердечно удивляться этому. Право же, ведь это очень много: семьдесят четыре года! По прежним временам это глубокая дряхлость, полная человеческая беспомощность, точнее сказать, существование, а не жизнь...

Я откладываю тетрадь и начинаю перелистывать «Войну и мир». Теперь это одна из моих настольных книг. И не только потому, что я люблю Толстого. Сергей Федорович Бондарчук собирается снимать фильм «Война и мир»; он «угадал» во мне Ахросимову. Мне и самой она по сердцу — прямая и резкая, очень честная женщина, чудесный русский характер. Но не эти страницы сейчас меня интересуют. Я заглядываю в конец романа, где собираются все вместе: Пьер и Наташа, Николай и Мари. Они в кругу семьи, у них дети, и здесь же старая графиня Ростова.

«Графине,— пишет Толстой,— было уже за 60 лет. Она была вся седа и носила чепчик, охватывавший все лицо рюшем. Лицо ее было сморщено, верхняя губа ушла, и глаза были тусклы».

И дальше — какой чудесный, исчерпывающе точный рассказ о графине! «В ней в высшей степени было заметно то, что заметно в очень маленьких детях и очень старых людях. В ее жизни не видно было никакой внешней цели, а очевидна была только потребность упражнять свои различные склонности и способности. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т. д. только потому, что у нее был желудок, был мозг, были мускулы, нервы и печень. Все это она делала не вызываемая ничем внешним, не так, как делают это люди во всей силе жизни, когда из-за цели, к которой они стремятся, не заметна другая цель приложения своих сил. Она говорила только потому, что ей физически надо было поработать легкими и языком. Она плакала, как ребенок, потому, что ей надо было просморкаться, и т. д. То, что для людей в полной силе представляется целью, для нее, очевидно, был предлог».

Состояние графини так замечательно описано, что мне может прийти в голову попробовать сыграть даже и эту «старуху», которой — господи ты боже мой! — всего-то шестьдесят лет и которая из-за своей дряхлости уже стала подобна маленькому ребенку. Кривая ее жизни опустилась совсем низко, она вот-вот угаснет совсем.

И чем больше я задумываюсь над этими строками «Войны и мира», тем яснее мне становится, что я, конечно, могла бы сыграть графиню! Сыграть тем убедительнее, чем дальше я сама от нее. Сыграть это печальное увядание, этот конец, наступивший уже при жизни.

Отложив книгу, я думаю, что вложила бы в полумертвый, утративший уже полностью высший смысл бытия образ старухи Ростовой свое собственное понимание и утверждение человеческой сущности, человеческого назначения на земле как непрестанного деяния.

Именно вот так, идя от противоположного, от самого решительного отрицания подобной старости, я и показала бы, как чудовищно преждевременное одряхление человека: горестный и плачевный результат пустоты, незаполненности его жизни.

Собственно, человека-то перед вами здесь уже нет, есть лишь функции организма. Когда Ростовой нужно поплакать, предметом ее печали становится покойный граф. Когда нужно тревожиться, предлог — сын Николай и его здоровье. Когда нужно язвительно поговорить (а язвительно поговорить нужно, чтоб поработать желчью), тогда предлог — жена Николая графиня Марья. Когда нужно после пищеварительного отдыха дать упражнение голосовым связкам, тогда старушка рассказывает одни и те же истории одним и тем же слушателям... А иногда ей требовалось поработать оставшимися мыслительными способностями; для этого был пасьянс.

Этот пасьянс — как выражение «способности мыслить», — по-моему, деталь великолепнейшая в своей точности, именно по-толстовски обрисованная! Ведь Толстой-то не порицает старую графиню и не отрицает ее, напротив, он пишет очень снисходительно, очень тепло, что «...состояние старушки понималось всеми домашними, хотя никто никогда не говорил об этом, и всеми употреблялись всевозможные усилия для удовлетворения этих ее потребностей. Только в редком взгляде грустной полуулыбки, обращенной друг к другу между Николаем, Пьером, Наташей и графиней Марьей, бывало выражаемо это взаимное понимание ее положения.

Но взгляды эти, кроме того, говорили еще другое: они говорили о том, что она сделала уже свое дело в жизни, о том, что она не вся в том, что теперь видно в ней, о том, что все мы будем такие же, и что радостно покоряться ей, сдерживать себя для этого когда-то дорогого, когда-то такого же полного, как и мы, жизни, теперь жалкого существа».

Но я вижу с удовольствием, что вот Толстой произносит все-таки эти неизбежные слова: «Жалкое существо»!

И в них, по-моему, вся суть образа!..

Мне и жаль графиню, когда я вот так, по актерской привычке пробую «влезть в ее шкуру». И не жаль!.. В общем-то, как подумаешь о ней, идя вслед за Толстым, то увидишь с поразительной ясностью, что внутри этого образа — казалось бы, отнюдь не первопланового — тоже заложено огромное обобщение. Ведь вместе с графиней Ростовой заживо умирает весь ее одряхлевший класс! Полнота жизни навсегда отнята у него.

Радость подлинных чувств, счастье живых дел — все для него минуло безвозвратно...

Зато против умиленных слов: «Все мы будем такие же» — я восстаю самым решительным образом. Больше того. я начинаю спорить с Толстым, и мне даже не кажется это дерзким.

Нет уж, мы вовсе не «такие же» и не будем «такими же»!

Ступени нашей жизни ведут нас все выше и выше, ибо нам нельзя считать, что мы уже сделали свое дело в жизни! Нам нельзя жить тем, что и мы когда-то что-то делали! Пока ты жив, продолжай делать свое дело, только тогда ты жив!

Собственно, эта цель и это сознание дают силы не только мне, а всем нам.

Я вновь и вновь задумываюсь о предстоящем XXII съезде, к которому деятели искусства идут с благороднейшим заданием — воспитывать народ в духе коммунистических идеалов. Эти слова кажутся мне программными в статье Н. С. Хрущева «К новым успехам литературы и искусства».

Конечно, художник не педагог. И на сцене и за ее пределами артист не думает — непосредственно и прямо — о воспитании своих зрителей. Однако театр, конечно, воспитывает зрителя! Воспитывает полнотою творческих переживаний, силой эмоционального потрясения (не будем бояться этого слова!).

Потрясать должна всякая роль. И всякая пьеса. Равнодушие зрителя — самый тяжкий убыток художника и самый обидный просчет театра, ибо это утрата доверия.

И ведь нет рецептов мастерства, как нет гарантии успеха. Есть только труд, то самое дело жизни, которое, думается, за одну жизнь и не успеешь полностью исчерпать, в совершенстве познать. Все кажется, что только-только еще начинаешь подходить к какому-то заветному ларчику, где лежит ключ от волшебной двери в страну искусства.

Ни одна моя роль — а у меня немало любимых ролей — не оставляла меня одинаковой внутренне. Роль для меня — это не грим, не парик, не платье (хотя они, может быть, тоже имеют какое-то значение, но сама я стараюсь никак от них не зависеть). Роль — это мое душевное состояние. Больше того, роль — это весь строй моего бытия в этот день. И когда я играю Вассу Железнову, я уже с утра совсем иной человек, чем в тот день, когда буду играть Ламбринн в «Острове Афродиты».

Пока еще мне трудно объяснить, но я обязательно додумаюсь, почему каждая из моих ролей занимает свое особое место где-то внутри меня самой: одни из них я как будто храню в сознании, другие — в сердце. Я помню каждую свою роль так, что могу среди ночи, внезапно проснувшись, вспомнить и оживить в себе любой текст. Но ведь важна не память, пусть самая блестящая! Важно опять-таки внутреннее состояние, тот нервный подъем, тот духовный настрой, который определяет все самочувствие артиста задолго до выхода его на сцену.

И если такое состояние охватывает каждого актера в спектакле, то благодарный зритель говорит нам спасибо.

Жаль, что не всегда еще мы этого дорогого спасибо заслуживаем.

Но мы будем заслуживать — я в это верю! — если целью своей поставим служение народу. Не слова о служении, а само служение. Служение и сегодня и завтра! Служение, когда не думаешь об отдыхе, о том, что свое дело в жизни мы, дескать, уже сделали. Служение, которое берет у нас, кажется, всю силу, а взамен дает две новых!

Сани

Ион ДРУЦЭ

Рассказ

Рисунок П. Пинкисевича.

В один прекрасный день высохло ореховое дерево, что с незапамятных времен стояло возле крыльца. Дед Михаил словно бы давно поджидал этого часа. Он захватил в сенях свою палку, сдвинул шляпу на глаза и стал прогуливаться вокруг умершего дерева. Что-то подсчитывал, прикидывал в уме; затем промерил ствол вершками, даже содрал квадратик толстой коры и взвесил его на ладони. И только к вечеру, когда сапоги показались ему слишком тяжелыми, отнес палку на свое место, поправил шляпу и сказал:

— Вот теперь-то я сделаю сани.

«Сани... Великое это дело — сани!

Застели их ковриком на всякий морозный случай да не забудь показать лошадкам, что кнут при тебе, — и кати, кати так, чтобы солнце едва поспевало за тобой. И тогда не нужно будет считать прожитые годы и увидишь ты самого старого своего друга, которого увели, заманили другие дороги; а по свежему, синеватому следу твоих саней многие добрые люди найдут свой путь, свою деревню, свой дом...

Без саней человек не человек. Одни они и нужны ему на белом свете. Только сделай ты для него такие сани, которые лишь во сне снятся всем настоящим плотникам, всем, сколько бы их там ни было.

Да, сани — это великое дело!»

Так рассуждал дед Михаил сам с собою. И рассуждал бы, вероятно, еще часа два-три, если б не попался на глаза своей старухе. Опасаясь, как бы не заржавел топор в их нехитром хозяйстве, она послала старика настрогать щепок. Затем ей вдруг понадобились новый черенок к кочерге, ведро свежей воды, еще что-то... Дед Михаил вздохнул и занялся своими обычными делами. И опять побежали дни, один за другим, один за другим, только на этот раз они бежали очень быстро, будто ворованные.

Просыпался старик ни свет ни заря: любил одеться в темноте, раскурить люльку угольком, сохранившимся с вечера в печке. Потом выходил на улицу присмотреть за соседским садом, чтобы, значит, не случилось чего худого, пока хозяева спят. И когда пробуждалась вся деревня, он перекладывал топор из правой в левую руку. До самого вечера ходил по двору с засученными рукавами, с потухшей люлькой в зубах. Казалось, он уже совершенно забыл и об ореховом дереве и о санях. И только вечером, найдя наконец спички в кармане, запускал топор в какое-нибудь бревно и потом долго стоял, задумавшись.

С той поры он все чаще стоял вот так посреди двора, дымил люлькой и, прижмурившись, вглядывался в мутную даль, будто весне вздумалось вновь возвратиться в те края, и он ждал прилета журавлей.

Но и это было до той минуты, пока старуха не заметила, что лезвие топора и в самом деле почернело. Подошла к нему и давай стыдить да так громко, чтобы и соседям слышно было. Дед молча поправил на ней сбившийся платок: бабка любила, чтоб за ней ухаживали. Потом приблизился к высохшему дереву, стукнул ручкой топора о ствол и сказал вполголоса:

— А что?.. Пожалуй, сделаю сани!

Стало быть, решено. А коль дед Михаил решил, считай, что уже и сделал. По правде говоря, решал он чрезвычайно редко: старик лишен был общечеловеческой слабости — куда-то спешить: он не сделает трех шагов там, где можно сделать два.

Начинает, скажем, созревать виноград.

Прежде всех в деревне вдруг исчезает куда-то детвора — редко увидишь какого-нибудь мальчишку, да и тот с посиневшими от винограда щеками. Потом по улицам и переулкам собираются парни и до третьих петухов горланят чужими, шалыми голосами одну и ту же песню. Засим наступает очередь стариков: то один, то другой вспомянет, как в былые времена брал на штык австрийца. Старички делаются такими словоохотливыми, что лучше уж было бы с ними и не встречаться: заговорят до смерти!

И у деда Михаила есть около сотни кустов винограда. Но дед Михаил спокоен и невозмутим, будто там, в саду, бузина поспела, а не виноград. В который раз уже спрашивает его старуха:

— Михалуц, а сегодня пойдем собирать?

Дед Михаил молча делает свое дело, как бы вовсе не замечая бабки. Кажется, что он и слова сперва тщательно обтесывает, подгоняет их одно к другому и только уж потом достает люльку из кармана.

— Пусть хорошенько созреет. У солнца все равно другой работы нет.

Между тем осень уходит.

Сиротливо грустят поля. В виноградниках шуршат одни только листья. Еще вчера то тут, то там выглядывали забытые хозяевами гроздья, а вот нынче нет и этих гроздьев, потому что о них успели вспомнить востроглазые мальчишки. Лишь у деда Михаила все остается по-прежнему. Виноградинки сморщились, начинают падать. Обнаружив это, старик приносит мешок капустных листьев и кладет по одному листочку под каждым кустом — словно большие зеленые тарелки. И когда на кустах почти ничего не остается, дед входит в избу и долго смотрит на свою старуху, как бы силясь припомнить, где это он видел ее раньше. Затем, как обычно, появляется люлька.

— А ведь виноград-то наш созрел.

Соберут, дед Михаил закроется в своей каморке, и старуха недели на две остается вдовой.

А когда двор покрывается первыми снежными хлопьями, старик уже что-то мастерит в каморке. И только в середине зимы выйдет на улицу, станет у ворот, окликнет первого прохожего:

— Не сможете ль оказать мне одолжение?.. Открыл сегодня бочонок...

Одолжение!

На радостях бедняжка прохожий забывает снять шапку в избе, хватает стакан прямо в варежках, потому как времени нет на то, чтоб стянуть их с пальцев. Язык беспокойно ворочается во рту при бульканье и при виде того, как прыгают в стакане золотистые блохи, — до самого потолка прыгают, черти!

Стоит ли после этого удивляться, что не найдется в деревне такой свадьбы, на которую не был бы приглашен дед Михаил, нет мужичка, который, проходя мимо его избы, не приподнимал бы шапки, и нет такого пьяницы, который не подпирал бы ворот деда Михаила с осени до самой весны!

И вот дед решил, стало быть, соорудить сани.

С неделю он присматривался к стволу и сучьям дерева, соображал, какие у него должны быть корни, поковырял в одном, в другом месте лопатой, проверяя, все ли так, как он рассчитывал. И однажды за обедом, обнаружив, что щи необыкновенно вкусны, торжественно объявил старухе:

— Думаю сделать сани.

Бабка была на редкость проницательна и тотчас же уловила суть.

— Конечно, сделай! Твои сани сразу купят, а мне нужен новый зипун. Этот уже износился, дважды залатан...

Старик ухмыльнулся — был он великий мастер разбираться в человеческих глупостях: чего он только не наслышался на своем веку!

— Ты чего оскалился? Аль хочешь посмешище сделать из меня, чтобы и дети тыкали пальцем?

— Возьми мой кожух. Он еще как новый.

Позже он таким же образом отдал ей и сапоги, и телогрейку, и шарф, а когда дело дошло до шапки, принужден был выкопать ореховое дерево. И не только потому, что он уж как-то особенно дорожил своей шапкой,— нет, не поэтому: стояла поздняя осень, и орех начал по ночам сухо и жалобно стонать и скрипеть. Дед Михаил выкопал его, обрезал сучья, лишние корни и на целую зиму запрятал дерево под навес.

Однако чем бы ни занимался он: закапывал ли виноградник, чинил ли забор,— все время думал только о своих санях. Порою ему уже мнилось, что видит перед собою нечто необыкновенно стройное, красивое, белое — то самое, что промелькнуло перед его встревоженным взором давно-давно, когда ему было лет десять от роду и когда он впервые взял топор в руки. С того часа на протяжении всей жизни, что бы он ни мастерил, перед ним мелькало это неуловимое «что-то», легкое, красивое, обязательно почему-то белое, манящее, притягивающее к себе. И только теперь, на склоне лет, он вдруг понял, что это должны быть сани. Но, разумеется, не такие, что зимней порою сеют по дорогам солому, не такие, под которыми летним знойным днем даже собака не сможет найти холодка. Его сани должны быть особенными... Словом, у деда Михаила дух захватывало при мысли о своих будущих санях.

Как-то после трескучих морозов дед Михаил заглянул под навес, ударил обухом топора по дереву и долго прислушивался к холодному глухому звону. Видя такое дело, старуха выскочила на улицу.

— Начинаешь, Михалуц?

Дед Михаил молча отнес топор на свое место. Направился было к дому, но, заметив, что бабка смотрит на него с крайним недоумением, пояснил:

— Зелен.

Думал, что сию же минуту будет наказан и останется без телогрейки, но, слава богу, ничего, обошлось. И все-таки следующим утром не нашел сапог под лавкой, где обычно они стояли. Затем обнаружил отсутствие старухи. По всему, сапоги взяла она. А почему бы, собственно, ей и не взять их?..

Весь день трудился в избе — сколачивал бочонок. Строгал сидя, не спеша. Время от времени вокруг его коротких рыжих усов собирались морщины — дед улыбался. Сейчас уже более отчетливо он видел перед собой сани — и, господи милостивый, что это были за сани! И это ведь не пустая затея, потому что вон там, под навесом, лежит ореховое дерево. Лежит! А сколько таких деревьев на свете пропадает ни за что ни про что! Сейчас, правда, дед Михаил мастерит бочонок, но это лишь ради того, чтобы отвязалась, не донимала его старуха. Но уже скоро, совсем, совсем скоро, он примется за свои сани. Поглядит кто со стороны — глаз не оторвет и не поверит, ежели дед Михаил скажет, из чего они сделаны. Что б вы там ни думали, а есть еще силушка и умение в стареньких руках деда Михаила. Есть!

Весна добиралась в эти места с трудом. Казалось, заблудилась где-то. Но нашлась, однако же, добрая душа и показала ей дорогу. В усадьбе старика все ожило, зазеленело, и дед Михаил был рад, что благополучно перезимовали оба — и он и его воображаемые сани.

Летом дед Михаил несколько раз переносил дерево с места на место. Когда припекало солнце, оставлял его на целый день посреди двора, в том месте, куда не смогли подползти тени. В пасмурный же, хмурый день прислонял к воротам, где вольнее прогуливался ветерок. Дед так привык к своему дереву, что знал наперечет все сучки и задоринки на нем, все бугорки, выемки и выступы, а когда росными ночами ложился в саду на сооруженной возле старой груши кровати, начинал мысленно тесать его.

Все тесал и строгал, строгал до тех пор, пока не угомонятся все собаки в деревне, пока не заснут все птички в своих гнездах, пока легкий гуляка ветерок не донесет сюда с полей сухой, таинственный шелест кукурузных листьев. Потом начинал связывать и сколачивать выструганные детали, а под утро уже видел рядом с собой готовые сани, приросшие и полозьями и всем своим звонким деревянным сердцем к земле, видел их белые легкие крылья и слышал в них резвый свист вихря. Пройдет какое-то время, и полетят красавцы сани вдоль деревни, много новых путей проложат, и не один прохожий остановится, чтобы полюбоваться чудо-санями. Может, уже не будет в живых ни деда, ни его старухи, а сани все будут летать и летать по белым дорогам, и, прокатившись на них, многие пары останутся навеки неразлучны, и не одна, а много-много невест сядут в них, чтобы уже не возвращаться в отчий дом. Может быть, и забудут люди, чьи золотые руки сделали эти сани... Но нет, все-таки найдется, обязательно отыщется старичок и, поеживаясь от холода, вспомнит, что этими золотыми руками были руки деда Михаила, вспомнит и скажет о нем доброе слово.

К осени, когда почти все дела в хозяйстве были переделаны, старуха все чаще стала наблюдать за дедом. Видя, однако, что он и не думает браться за сани, начала сживать его со свету.

— И сегодня не начнешь?

— Нет, не дошел еще наш орех.

— Ну, как ты там хочешь, так и делай. Только чтобы завтра у меня была новая шаль.

— Есть же у тебя платки!

— Ты этакое старье называешь платками? Ну, вот что, ежели к новому году не закончишь сани, уйду. Уйду от тебя совсем!

Последние слова не очень-то расстроили старика: лет сорок его пугают таким образом.

Когда похолодало и при встречах люди перестали снимать шапки, старик пошел в каморку и начал готовить инструмент. Наточил большие и малые топоры, стамески, фуганки — так наточил, что поднеси волос к лезвию, дунь на него чуток — и вместо одной волосинки получишь две. Потом перенес ореховое дерево в каморку и этим довел гнев своей старухи до высшей точки. Наведываясь чаще обычного в каморку, она всякий раз обнаруживала орех нетронутым и мстила старику тем, что варила ему такие щи, которые можно было есть разве только под угрозой смертной казни.

До нового года дед Михаил успел распилить дерево пополам. Еще не начал и обтесывать эти половины, когда к нему заглянул Никулэш, приземистый, зажиточный мужичок с «принципами».

— Это сани?

— Это еще орех. Но, кажется, пойдет на полозья.

— В две недели успеешь... и чтобы с дышлом?

Старик посмотрел на Никулэша, удивляясь, как это тот уже успел нализаться с утра.

— Выпьете весь бочонок, пока мои сани будут готовы.

— Но ведь зима не весна. Не за горами весна, а летом ты пучок зеленого лука не получишь за свои сани.

Дед улыбнулся: блажен, кто мыслит языком!

Когда во дворе завыли метели, готовыми оказались лишь полозья, но зато какие полозья! Таких еще никто не видывал в этой деревне — легкие, звонкие и блестящие, можно было бриться, глядясь в них.

Никулэш целыми днями отирался в каморке деда Михаила, обещая за полозья любую плату, а остальное-де завершит уже другой мастер. Дед, однако, был непреклонен: он плотник, недаром целую жизнь тесал бревна, недаром окостенели суставы на его руках, недаром каждый палец в сотый, кажется, уж раз обрастал новой кожей; нет, он должен довести начатое дело до конца. Он уже видит сани, видит запряженную в них тройку, улыбающиеся навстречу холодному вихрю румяные лица,— видит все это и зло усмехается, когда Никулэш звенит монетами, перекладывая их из кармана в карман.

Полозья... Разве для настоящих саней нужны одни полозья?

Вслед за ними родились четыре копыла — такие гладкие и ровные, что приходили соседские ребятишки поиграть ими. А к стенке уже были прислонены две березовые жердочки, чуть согнутые на одном конце. Никто даже и не подозревал, что им-то, вот этим жердочкам, и суждено будет сделать сани стройными и грациозными.

По мере того, как дед Михаил все ближе подходил к своему чуду, нетерпение старухи возрастало. В конце концов дед сколотил себе кровать в каморке, соорудил там печку и почти не показывался оттуда. Целыми днями стоял он возле своего верстака, и строгал, и тесал, и что-то мурлыкал, беседуя со своими санями. И были во всем мире только он и его сани, и совершал старик величайшую тайну человечества — тайну труда. Поздней ночью он подносил к фонарю кусок обработанного дерева и, щурясь, долго любовался им,— и прожитый день казался ему тогда таким же значительным и весомым, как эта отлично сделанная деталь.

Со временем старик потерял даже счет дням. Ложился, когда уже немели руки до самых ключиц, потом быстро просыпался и сразу подходил к ожидавшим его саням. И вновь брызгами разлетались во все стороны щепки. А когда перестал хрустеть снег под ногами прохожих, когда под стрехой каморки повисли сосульки, дед начал прикидывать — много ли времени останется до того дня, когда он будет орудовать лишь обушком топора, собирая сани. По его расчетам, оставалось уже совсем немного дней до такого момента. Тут к нему постучались. Дед Михаил открыл. Вошла старуха. А возле их ворот стояла гне-

В Мещёре

Анатолий ЛЁВУШКИН

* *
*

Ты хмуришься: дескать,
сторонка неважная,
и надо же было забраться сюда.
Луга да луга,
да откосы овражные,
да синего бора резная гряда.
Ни теплого моря, ни пальмовых
пологов.
Но эти луга,
эти складки лощин
всё ж дороги мне,
как бывают нам дороги
у глаз материнских бороздки
морщин.

ОЛЬХА

Громко ботинками чмокаю.
Топкая пустошь глуха.
Вдруг босоногой девчонкою
вышла навстречу ольха.
Чтобы одежду не выпачкать
о торфянистую ржавь,
встала на кочку на цыпочки,
юбку в пригоршне зажав.
Легкая. Тонкая-тонкая.
Каплют росинки с ветвей.
Все же земля эта топкая
с вешней ольхою светлей!

Рязань.

дая лошадка, запряженная в санки, и какая-то женщина выносила из дома разный скарб.

— Я ухожу.

Старик не понял. Сказал, разбирая фуганок:

— Не потеряй только ключи.

Но старуха не сдвинулась с места.

— Ты что стоишь?

— Я совсем ухожу. Буду жить у сестры.

Упал с громким стуком фуганок.

Дед подошел, вгляделся в лицо, которое видел уже сорок лет ежедневно, и ужаснулся. Пустая, бессмысленная жизнь ждала его без этого лица, без этих рук. Потом посмотрел на незаконченные сани. Сани ждали его. И он сказал ласково, мягким, воркующим голосом, который бывал у него только тогда, когда он разговаривал со своими санями:

— Я скоро закончу. Может, даже очень скоро.

— Нет, я ухожу.

В тот день дед Михаил не работал. Лег раньше обычного, однако чуть свет он уже вновь стоял возле своего верстака и строгал при свете фонаря как ни в чем не бывало. Только к обеду вспомнил, что он остался совсем один.

— Ну и бог с ней!

Вскоре вслед за старухой ушла и зима. Во дворе высохло, и по обеим сторонам забора стали прорезаться на свет тоненькие зеленые зубки подорожника. Вот тогда-то дед вынес заготовки и начал собирать сани. Работал словно бы в чаду, никого и ничего не замечал вокруг. Во рту у него пересыхало — должно быть, оттого, что давно не ел. Время от времени он брал кувшинчик. Два-три глотка вина — и снова звонко стучал его топор.

Первыми прочно заняли свое место полозья. Постепенно сани стали обретать свою форму, вырисовывались все явственнее, делаясь приятнее для глаза. Дед Михаил, однако, старался не окидывать их целиком своим взглядом: такой миг еще не наступил, нужно было сначала завершить все дело.

К полудню сани были готовы.

Дед Михаил собрал возле них щепки, инструмент и разложил все это по своим местам. Потом раскурил люльку, стал на порог, прислонился к дверному косяку и впервые внимательно посмотрел на сани. Стройные, легкие, стояли они посреди двора. Солнце весело купалось в них, и думалось, что на землю с небес упала еще одна радужная капля света в этот теплый весенний день.

— Красивые, черти!.. Очень даже красивые!

И сел на порог: стар, нет мочи. Осмотрелся: двор выглядел заброшенным, запустелым. Сломана ветром черешня у ворот; кошка выбралась из избы через дымоход и теперь, черная от сажи, голодная, бродит по крыше и, завидя прохожего, жалобно мяукает.

Дед Михаил с трудом поднялся, вздохнул и неторопливо занялся хозяйством.

Селяне шли по дороге и остановились возле его избы.

— Что это там?

— Сани. И хорошие сани: вещь!

— А что толку в них? К чему они весной?!

Старик грустно улыбнулся: не такие слова приготовился он услышать от прохожих.

К вечеру он подмел сад, сгреб в одну кучу сухие листья и поджег их. И когда ворошил палкой жар, перед ним вдруг снова мелькнуло то белое, стройное и красивое, что мерещилось с давних, еще мальчишеских лет. И старик вздрогнул:

— А ведь это были не сани!

И дед Михаил вмиг помолодел, почувствовал в себе такие силы, каких не знал и в свои двадцать пять лет. Потом, собирая палкой листья вокруг костра, он долго обдумывал что-то, по обыкновению мысленно обтесывая, складывая и подгоняя слова. Наконец сказал:

— Если это не сани, то, должно быть, телега. Телега — великая вещь! Настоящей телеги еще никому не довелось сделать!

Когда догорели последние листья, дед Михаил поднялся и пошел в избу.

— А старуха вернется! Если, конечно, не вышла замуж!

Перевел с молдавского М. АЛЕКСЕЕВ.

ВТОРОЙ СВЕРДЛОВСКИЙ ОПЕРНЫЙ...

Дворец культуры Верх-Исетского металлургического завода находится рядом со своим предприятием: всего в нескольких десятках метров от Дворца варится электротехническая сталь самых высоких марок.

Во Дворце сегодня «Виндзорские проказницы».

Двадцать первый раз ставит Народный театр оперу композитора Николаи, но в зале, как всегда, полно.

Я слушаю артистов: техника-конструктора Юрия Коровина, токаря-станочника Владимира Гостева, слесаря Геннадия Трубачева, преподавателя лесотехнического института Бориса Мингалева, воспитательницу детсада Светлану Прозванцеву и другую Светлану — врача-хирурга Кухаренко... Они выступают после напряженного трудового дня. Но они счастливы: их жизнь полна и многообразна.

В антракте за кулисами я остановился поговорить с Владиленом Смирновым. Чемпион Свердловской области по штанге, заочник физкультурного института, преподаватель физкультуры на Верх-Исетском заводе, Владилен пришел в самодеятельность два года назад. Здесь он встретил и свою будущую жену Светлану; теперь на репетиции они являются уже втроем, вместе с годовалой Юленькой...

В репертуар Народного театра прочно вошла и опера Молчанова «Каменный цветок». Особенно хороши в ней Данилушка и Хозяйка Медной горы — радиотехник Константин Громов и педагог Ирина Кудрина...

* * *

«...мы находимся сейчас в большом походе, в движении к коммунизму»,— говорится в замечательной статье Н. С. Хрущева «К новым успехам литературы и искусства».

Без народных театров в этом большом походе просто не обойдешься. Общественная самодеятельность в области искусства — это тоже ощутимые штрихи коммунистического общества. Прекрасное и возвышенное все шире, все просторнее входит в жизнь людей общительных и дружных.

Сдружиться Свердловскому народному театру помог его создатель — Петр Иванович Лантратов. Архитектор с тридцатилетним стажем, руководитель одной из ведущих в городе проектных мастерских, он собрал первый оперный кружок. Пробовали силы на «Алеко» и «Паяцах», на отрывках из «Евгения Онегина», «Русалки», «Тихого Дона»...

П. И. Лантратов разучивает все партии с участниками спектаклей; все эскизы декораций и костюмов сделаны опытной рукой художника. А теперь Петр Иванович целиком отдался любимому делу — он возглавляет самодеятельный театр.

Сейчас этот театр носит звание народного; по сути дела, он стал вторым оперным театром города. Свердловчане полюбили талантливый коллектив. И нельзя не посетовать на то, что «первый оперный», то есть Свердловский театр имени Луначарского, не видит в самодеятельном коллективе своего спутника!

Я. ВУТИРАС,
народный артист РСФСР

Опера К. Молчанова «Каменный цветок». Преподаватель Уральского лесотехнического института Борис Мингалев — Прокопьич и радиотехник Константин Громов — Данила.

Фото Е. УМНОВА.

В АДРЕС «Москва, „Огонек"»

В КИНО И НА ЗАВОДЕ

Рисунок Ю. Черепанова.

Попробуйте в погожий воскресный день прогуляться по нашему Крещатику и угадать, что называется, по одежке, кого вы встретите на пути. Вы не отличите рабочего от инженера, учителя от колхозника.

В стране работают десятки Домов моделей одежды, тысячи ателье мод.

Хорошо! Замечательно!

Но придите на завод — ну хотя бы на наш Киевский завод станков-автоматов имени Горького — и посмотрите. Можно подумать, что вход к нам и на любой другой машиностроительный завод швейникам строго воспрещен.

А, честно говоря, им небесполезно было бы прогуляться по нашим цехам и посмотреть, как одеты рабочие, стоящие у станков.

Вы, вероятно, догадываетесь, что речь идет о так называемой спецодежде.

Войдите в механический цех любого машиностроительного завода, и вы увидите, что одеты рабочие, как говорится, кто во что горазд.

Естественно, возникает вопрос: почему так? Ведь рабочие могут бесплатно получить спецодежду.

Могут, но не хотят. Спецодежда им не нравится. Тогда стоит спросить швейников: зачем они выпускают такую одежду? Зачем тратится материал, труд и миллионы народных денег?

Пойдешь в кино — сердце радуется. Киноработники прекрасно знают, какова должна быть одежда рабочих на производстве: они одевают артистов, играющих роли рабочих, в полукомбинезоны. Это красиво и удобно.

Года два назад мы у себя на заводе хотели решить проблему спецодежды. В техническом кабинете устроили совещание по этому вопросу, пригласили работников швейной промышленности города, специалистов из совнархоза и киевского Дома моделей. На совещании демонстрировалось 65 моделей, понравилось рабочим 12, по которым они заказали себе одежду. А заказов было ни много, ни мало 1 200.

Но, увы, никто и не думал выполнять наши заказы. И по-прежнему хранятся в архивах киевского Дома моделей образцы хорошей рабочей одежды. Обычно о них вспоминают, когда нужно организовать выставку. Открыли такую выставку и мы у себя на заводе. Пригласили директора Дома моделей товарища Хорошко, но он не пришел. Может быть, потому не пришел, что не хотел признаться: «На образцы одежды, которые пришлись вам по вкусу, товарищи рабочие, нет технической документации, нет лекал — короче говоря, нет всего того, что нужно для внедрения этих моделей в производство».

Уже после закрытия выставки мы узнали, что ВЦСПС давно утвердил модели рабочей одежды.

Хочется задать один вопрос: а где же эти «утвержденные» модели? Их тоже не видно на заводах.

Сейчас культурный уровень трудящихся значительно возрос и требования к спецодежде стали более высокими. Производственникам нужна не только прочная, но удобная и красивая рабочая одежда.

Инженер Г. ТРЕГУБЕНКО

Киев.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕМЯ

Какую силу любви к народу надо иметь и как глубоко осознавать себя его частицей, чтобы создать фильм «Голый остров»! Этой картине японского режиссера Кането Синдо жюри конкурса присудило Большой приз. Высшая награда фестиваля была присуждена и советскому фильму «Чистое небо».

Специальной премией жюри — Золотой приз — отмечен фильм «Все по домам». Его режиссер Луиджи Коменчини, представляя на фестивале свою работу, сказал, что, с его точки зрения, даже самые драматические события можно передать в комедийном жанре. Да, действительно, зрители немало смеются, когда смотрят фильм. Но это не комедия, а большое драматическое произведение, в котором глубоко и поэтично рассказана история простого добродушного итальянца; он вступает на путь единственно возможный для честного человека.

Золотые призы получили фильмы: «Профессор Мамлок» (ГДР) и «Как молоды мы были» (Болгария). Француз Арман Гатти за постановку фильма «Загон» удостоен Серебряного приза.

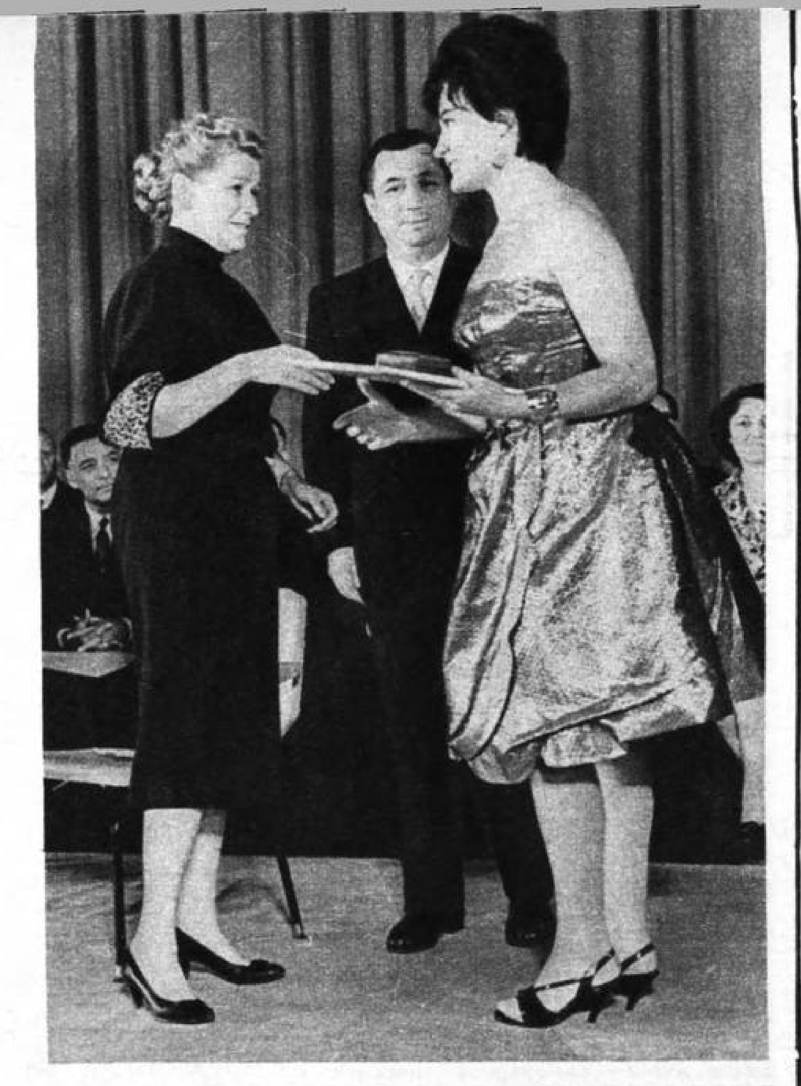
В тяжелое время встретил он своих героев: 1942 год, Германия, концлагерь.

— Здесь, рядом со мной, должен был бы стоять русский солдат Мышкин,— сказал Арман Гатти, выступая перед советскими зрителями.— Он был моим другом в концлагере. Он погиб. Последние слова его были: «Они боятся нас». Значение этих слов я понял только через три года. И вот теперь я впервые показываю свой первый фильм в родном городе моего русского друга...

Только человек, который пережил все это, может создать произведение такой силы, напряжения, такое ясное и простое по форме. Режиссер, наверное, не хотел да и просто не мог искать формальные эффекты, красивые кадры. В фильме нет выдуманных событий. Правдивы и последние эпизоды — они напоминают нам прощание заключенных с Эрнстом Тельманом.

Флаг фестиваля спущен. Но навсегда останется та дружба, которая началась на II Международном кинофестивале в Москве.

Н. СВЕТЛОВА

Е. А. Фурцева поздравляет румынскую киноактрису Флавию Буреф с присуждением Серебряного приза фильму «Жажда».

Фото Е. Умнова.

РУКИ ЮНОСТИ ВСТРЕТИЛИСЬ

Они разные, руки этих ребят и девушек, собравшихся в Москве на Всемирном молодежном форуме. Белые, как снег России, золотистые, словно солнечные закаты на Ганге, черные, как африканская ночь. Я смотрю на эти руки. Они привычны к книге и штурвалу комбайна, они умеют ласкать любимых и сжиматься в кулаки.

Этими руками, жадными до труда, может быть сделано много прекрасного, такого, о чем с гордостью будут вспоминать грядущие поколения. Нужно только, чтобы юность не была сметена и растоптана войной. И главное, что привело в Москву молодежь мира,— это страстный порыв к дружбе, горячее стремление найти общий язык, договориться о совместной борьбе во имя Будущего.

Над рядами кресел Колонного зала — таблички с названиями стран. Радостная география человеческой солидарности. Читаю: «Куба».

— Мне все время хочется ущипнуть себя: не во сне ли все это,— смеется Брунегильда Агилера, девушка из Гаваны.— Я в Москве! Это мечта, это сказка. У меня голова разрывается от впечатлений — здесь так много интересного, важного для нас. Да, ведь то, что у вас сделано,— это наше завтра. И я смотрю, смотрю, смотрю...

...Вот проходит в зал сухощавый седой человек. В петличке пиджака у него темно-синяя с золотом розетка, какие носят члены палаты советников японского парламента. А рядом приколот наш комсомольский значок.

— Это мне подарили в Хабаровске,— рассказывает почетный гость Форума г-н Кихачиро Кимура.— И я его не снимаю. Здесь, в Советском Союзе, и я себя чувствую молодым. У вас — просто какая-то молодежная страна. Повсюду: и на гиганте в Братске, и в государственных учреждениях, и в театральных коллективах — тон задает молодежь. Замечательно! И знаете, что мне больше всего нравится в вашей молодежи? Ее активность, решительность, уверенность в своих силах и в своем будущем. Форум, который проводится по инициативе советских молодежных организаций,— очень полезное дело. Мои юные соотечественники, приехавшие сюда, расскажут о том, как вся Япония поднимается на борьбу за мир, против атомных ужасов, против американских военных баз.

...В зубах у высокого парня трубка. Попыхивая ею, он ведет разговор:

— Меня зовут Чарльз Ньюмэн, я учусь в Оксфорде. Нет, я не англичанин. Моя родина — Америка. Изучаю экономику. Это профессия. А моя страсть, мой «хобби» — искусство. Хочу выступить на Форуме с докладом о связях между искусством Запада и Востока, о том, как искусство помогает народам понимать друг друга.

— Ваше мнение о Форуме?

— Полностью одобряю. Иначе я бы не был здесь.

...Кипит Форум. Юность планеты продолжает большой разговор о том, как изгнать из жизни народов войну, колониализм, империализм.

Руки молодежи встретились в крепком рукопожатии. А что может быть сильнее человека, если у него миллионы друзей с такими горячими, молодыми сердцами?

Г. ГУРКОВ

25 июля в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, открылся Всемирный форум молодежи. С теплым посланием к участникам этой встречи молодежи обратился глава Советского правительства Н. С. Хрущев. На снимке: участники Форума слушают послание Н. С. Хрущева.

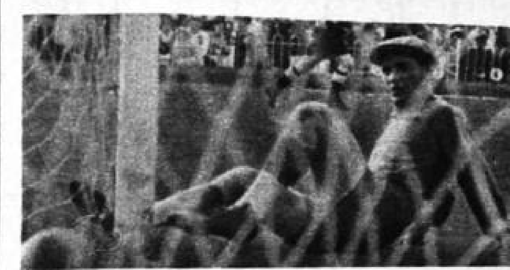
Фото Дм. Бальтерманца.

Сцены из оперы Николаи «Виндзорские проказницы». Вверху (слева направо): хирург Светлана Кухаренко, Борис Мингалев и педагог Ирина Кудрина. Внизу: танцевальная сцена из III действия.

Фото Е. Умнова.

Спортивные фотоновости

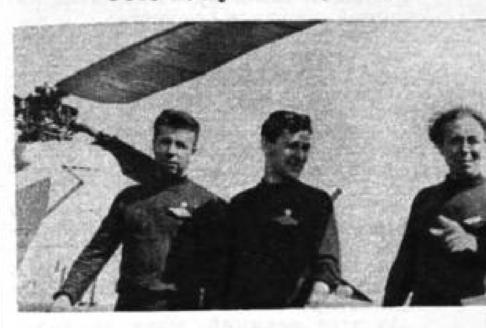
Советская фехтовальщица А. Забелина на чемпионате мира в Турине (Италия). В личном первенстве она заняла второе место после олимпийской чемпионки Х. Шмид (ФРГ). Но в командном первенстве А. Забелина и ее подруги Г. Горохова, В. Растворова, В. Прудскова, Т. Любецкая и Д. Ясюкевич завоевали золотые медали.

Киевское «Динамо» — один из лидеров всесоюзного чемпионата, а футболисты московского «Динамо» играют в этом году менее удачно. Но встреча между двумя этими командами в Москве закончилась необычно: киевляне пропустили в свои ворота 5 «сухих» мячей.

Фото А. Бочинина.

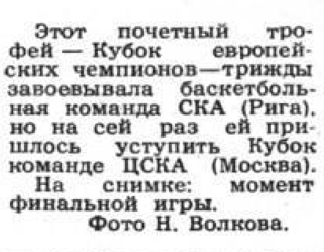
От Праги до Эльбруса прошли эти машины. Студенты и преподаватели пражских институтов совершают туристское путешествие.

Фото В. Хухлаева (ТАСС).

В Казани состоялся необычный чемпионат РСФСР — по вертолетному спорту.

Победу одержали спортсмены Владимирской области — А. Рожков, К. Лебабин, В. Березовский и П. Тарасов.

Фото Б. Мясникова (ТАСС).

Этот почетный трофей — Кубок европейских чемпионов—трижды завоевывала баскетбольная команда СКА (Рига), но на сей раз ей пришлось уступить Кубок команде ЦСКА (Москва).

На снимке: момент финальной игры.

Фото Н. Волкова.

ЖАРКАЯ СТЕПЬ

(*Начало на стр. 1*)

та. А теперь вот и волжане, и соседи казахи, и зауральцы стараются уяснить себе, что же это такое — оренбургская зябь.

...Большое село Кардаиловка, колхоз «Россия». Оно на Урале стоит и тоже нынче с хлебом.

Уже звезды проклюнулись на темно-синей ниве вселенной. Братья Нестеренко закончили подборку валков. А сегодня, перед тем как перейти на прямое комбайнирование, братья едут на ночь в село — в баню. Мы забрались втроем на машину, полную зерна, и вот уже летим в темень. Николай сразу тут же задремал. Старший, Петр Федорович, запрокинув руки за голову, глядит на звезды.

— Эх, куда он махнул! Наш, оренбургский...

— О ком вы?

— Про Гагарина... В Гжатске-то он только ходить научился, а у нас настоящим летчиком стал. Значит, оренбургский звездолет!

Я подивился такой силе здешнего патриотизма и спросил у Петра Федоровича про оренбургскую зябь.

— И такая есть! — отозвался комбайнер. — В газетах ее длинно называют — ранняя глубокая, выравненная с осени. А по-простому — оренбургская! Вот подобрали мы нынче валки, а завтра солому с поля ребята стянут волокушами и сразу же пахать начнут.

Я уже не первый раз слышал формулу: «Комбайн с поля — плуг в борозду!» Формула тоже оренбургская. Сама по себе она не нова, но мало где и мало кто следовал этому закону в жизни. А в Оренбуржье в наши дни эта формула полностью вытеснила, образно говоря, молитву «хлеб наш насущный даждь нам днесь».

— Зябь ранняя, — продолжал комбайнер, — значит, успеваем до зимы распахать все поля. А глубокая, до двадцати восьми, а то и тридцати сантиметров, — это значит сорняк так прилежно похоронен, что выхода ему нет. И влага глубже проникает, дольше держится.

Все очень просто. Но сколько упорства, воли, усилий потребовалось, чтобы добытое наукой сделать достоянием каждого района, каждого хозяйства и каждого механизатора!..

За этот великий труд великого множества как-то разом повзрослевших и прозревших механизаторов — бригадиров, трактористов, пахарей и сеяльщиков Оренбуржья — земля теперь одаряет хлебом.

— «Недород», «голод», «засуха» — теперь мы такие слова забыли, — говорит парторг кардаиловского колхоза «Россия» Михаил Александрович Тюрин. — В наших руках появилась как бы конкретная агротехника — наша зябь. Без нее мы не смогли бы нынче начать сев в конце марта. Да, да, еще снежок, случалось, пролетал, а мы сеяли. Зато хлеба наши ушли от июньского суховея и вызрели недели на две раньше.

Такого здесь еще не бывало! Оренбуржцы сдвинули сроки сева и уборки, перехитрили губительные ветры, которые отбирали в недалеком прошлом у пшеницы последние капли влаги в самое критическое время, когда начинало наливаться зерно. Были нынче и зной и ветры, а зерно налилось раньше. И раньше хлынуло желтым потоком с полей: на тока, в башни элеваторов.

...Центральный ток «России». Перед въездом — гигантские крытые весы. На них взвешивают автомобили — порожние и с зерном. Самое боевое место. От весовщика требуется быстрота и точность. Он ведет счет тоннам, через его руки проходит желтая река хлеба, бесценный дар жаркой степи. Шофер, выскочив на минуту из кабины, рапортует:

— Машина «13-50» из шестой бригады, пшеница, вес — 3 910 килограммов, рейс — на Оренбург, фамилия Юдин...

— Получи квитанцию, Юдин. Следующий!

Машина за машиной, рапорт за рапортом, тонна за тонной. Хлеб идет!

На току все желто от пшеницы. Она высится курганами. Здесь женщины в ярких юбках, в белоснежных блузках, низко повязанные такими же белыми косынками, здесь обнаженные по пояс шоколадные мальчишки — эти и помогают и играют одновременно. И еще машины: погрузочные, разгрузочные, сортировочные, зернопульты, транспортеры. Машин больше, чем людей! Особенно хороша одна — самоходное шасси, оборудованное для оправки буртов и погрузки хлеба. Эта машина только вчера копала канавы на строительстве колхозной больницы, а сегодня она уже на току и совершенно в новой роли. Изменилась внешне до неузнаваемости. Работой ее можно любоваться часами. С помощью этой самоходки старейший механизатор колхоза Яков Алексеевич Домников один заменил десятки женщин.

Под погрузку подошел десятитонный «ЗИЛ». Засекаю время. Яков Алексеевич легким движением рычагов, не сходя с мягкого кресла, поднял и установил транспортер. И зерно пошло, забило сильной желтой струей в гигантский кузов. Минута... три... четыре, четыре с половиной... Есть! Десять тонн пшеницы переброшены.

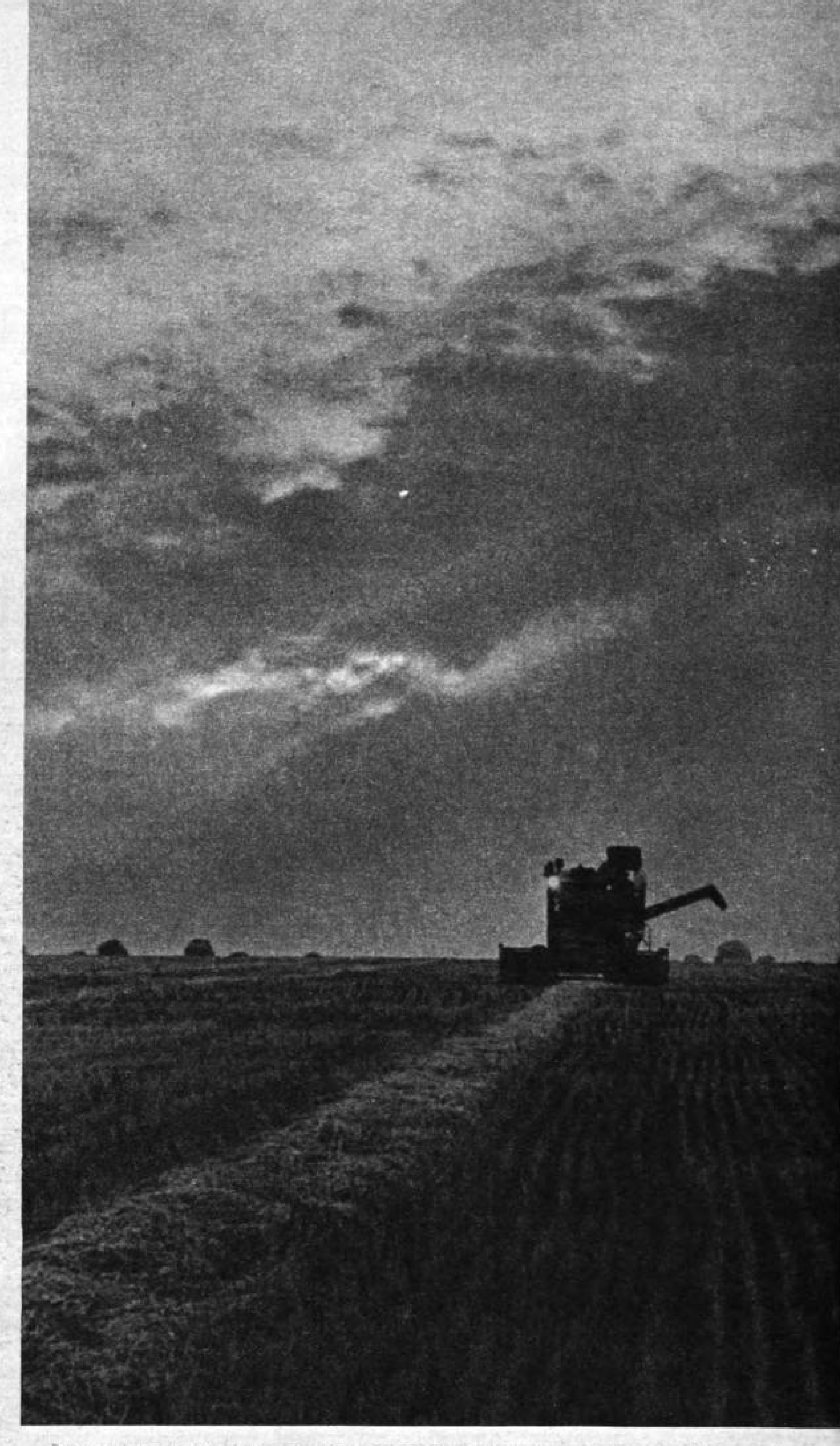
— Нам таких бы еще парочку,— говорит Яков Алексеевич, — да купить трудно. Видно, мало еще выпускают их... Меня из-за нее все шофера любят, потому как я не задерживаю ничуть. А им, дальнорейсам, каждая минута дорога.

— А нам не дорога? — вмешивается в разговор рыжеусый дед Лапша, сторож тока. Сторожует он по давней привычке к труду — ведь в страду всегда все работали! И если дед по фамилии Лапша сегодня на току, и школяры здесь, и малые дети сидят по плечи в зерне, то это оттого, что в пору жатвы всегда люди всем миром выходили в поле, на тока, к скирдам соломы, чтобы принять участие в радостной работе, завершающей еще один трудный год в жизни хлебороба. Так было. И сегодня так. Только в поле и на току стало больше песен, больше шуток, а главное, больше машин — умных, быстрых, сильных. И дед Лапша, которому в общем-то не от кого таить это хлебное богатство, ходит от машины к машине и виртуозно и незлобно ругается — на слетевшихся воробьев, на замечтавшегося шофера, на тучу, налетевшую совсем некстати...

Но вот снова знойно, снова гудят электромоторы зернопультов. И снова уходят в дальний рейс тяжелые «ЗИЛы» и «ГАЗы», груженные зерном.

— Наш хлеб, кардаиловский! — говорят в «России». Людям радостно. Они даже в этот сухой год обещают отсыпать стране миллион пудов зерна. Миллион! И это один колхоз, одно степное село.

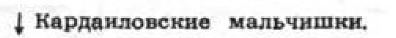
— Эх, такое бы счастье, да пораньше бы! — восклицает в восхищении дед Лапша и заканчивает торжественную свою фразу замысловато и солено. Но это даже и не грех, это от великой радости, что вот он, хлебушек, взят. Весь, до зерна! И никакая там непогодь, никакие злые ветры не властны больше над пахарями здесь, в Оренбуржье...

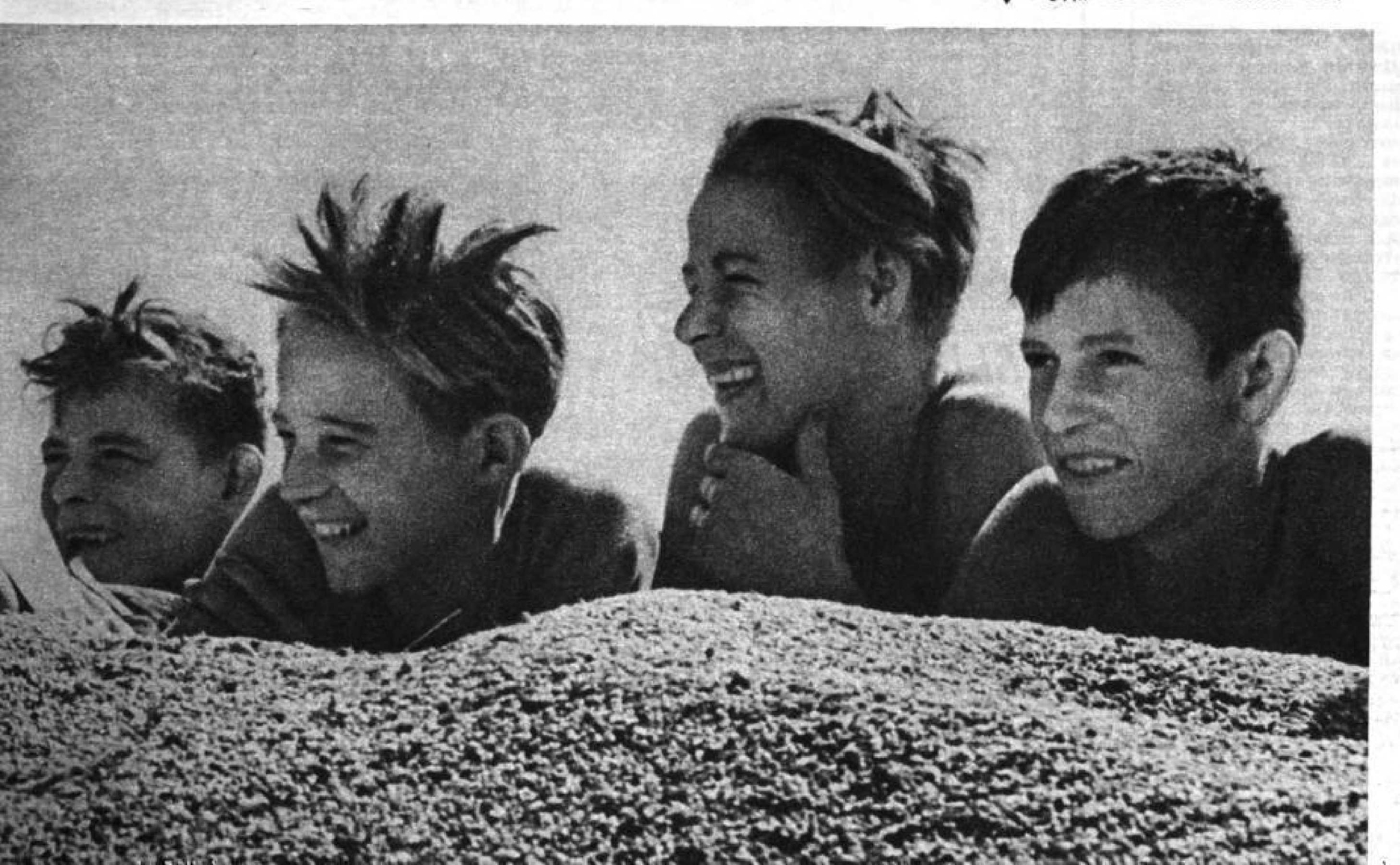
Когда уходит солнце, в степи загораются теплые звездочки фар... Братья

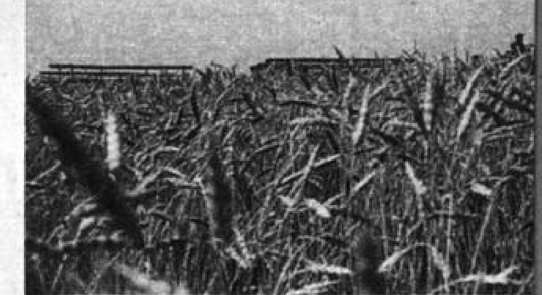

Нестеренко подбирают последние валки.

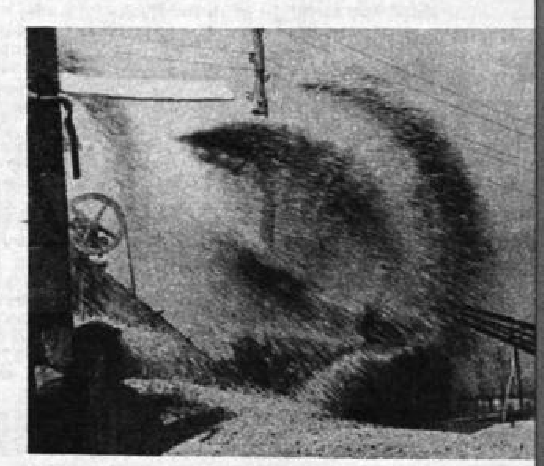

↓ Кардаиловские мальчишки.

Пшеничное море глубоко...

Зернопульты на центральном току работают днем и ночью.

Лида Наплекова — лаборант. Когда она говорит, что хлеб хорош, то это не просто добрые слова, а результат строгого анализа.

Комбайн с поля — плуг в борозду!

АМЕРИКАНЕЦ ПОКУПАЕТ ДОМ

Когда американец покупает дом, его обуревает смешанное чувство страха, растерянности и надежды.

Москвичи помнят, конечно, американскую выставку 1959 года в Сокольниках. В дальнем зеленом уголке выставки был установлен «типичный, доступный каждому американцу», дощатый домик. Когда посетители выставки интересовались ценой домика, следовал ответ гида: примерно 15 тысяч долларов. Отмечая хорошую планировку, удобства, созданные в домике, москвичи не могли не заметить, что он недолговечен.

Сейчас конгресс США рассматривает законопроект, предоставляющий американцам, по утверждению буржуазной печати, «самые легкие в истории США условия для приобретения в рассрочку жилых домов». Эти условия подробно описываются, в частности, в номере журнала «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт» от 26 июня этого года.

Оказывается, что дом стоимостью в 15 тысяч долларов может быть продан в рассрочку далеко не каждому американцу, а лишь тем, чей заработок составляет не меньше 4—6 тысяч долларов в год. Напомним, что, по официальным американским данным, в США имеется более 18 миллионов семей с заработком ниже 4 тысяч долларов в год, не говоря уже об армии безработных и полубезработных.

Но это еще не все и даже не главное. За 40-летний период платежа в рассрочку человек, пытающийся стать владельцем дома, должен, по свидетельству «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт», выплатить 37 003 доллара, в том числе 15 000 долларов — стоимость дома, 20 093 доллара — проценты по кредиту, 1 910 долларов — страхование дома. Таковы «естественные наслоения» капиталистического кредита! А о них гиды американской выставки в Москве, конечно, ни словом не обмолвились.

Трудно предсказывать, чем может кончиться борьба за собственное жилище. Я знал одного высокооплачиваемого американского рабочего. Пока была работа, он сумел приобрести в рассрочку дом, новый автомобиль. Но однажды он получил от администрации компании, в которой работал, извещение о том, что в его услугах больше не нуждаются. Очередной взнос платить было нечем. Растаяли мечты о собственном доме и автомобиле. Пропала значительная часть уже выплаченных денег. И это далеко не единственный случай в капиталистической Америке, где миллионы трудоспособных, квалифицированных людей лишены работы.

И даже те американцы, которым удается уплатить 600 долларов в качестве первоначального взноса, вносить каждый месяц 77 долларов 84 цента и через 40 лет стать владельцами маленького домика, вряд ли будут чувствовать себя счастливыми: к тому времени их жилище окажется годным разве что на слом. По оптимистическим подсчетам самих строительных компаний, век подобных домов составляет пятьдесят три с половиной года, а на самом деле не достигает и 40 лет.

Вот на каких «легких» условиях американец может приобрести «собственный, одному ему принадлежащий» дом.

В. КАЧАНОВ,
обозреватель агентства печати «Новости» (АПН)

На дорогу обрушились ракеты с самолетов.

Полет капитана Гриссома

22 июля капитан ВВС Соединенных Штатов Америки Вирджил Гриссом совершил полет в кабине ракеты «Редстоун», которая подняла его на 188,8 километра над землей. В американской печати отмечалось, что этот полет был почти точным повторением полета Алана Шепарда.

Кабина, в которой находился капитан Гриссом, упала в Атлантический океан и стала тонуть. Гриссом спасся через запасное отверстие. Вертолет подобрал его из воды. Кабина вместе с аппаратурой ушла на дно Атлантики.

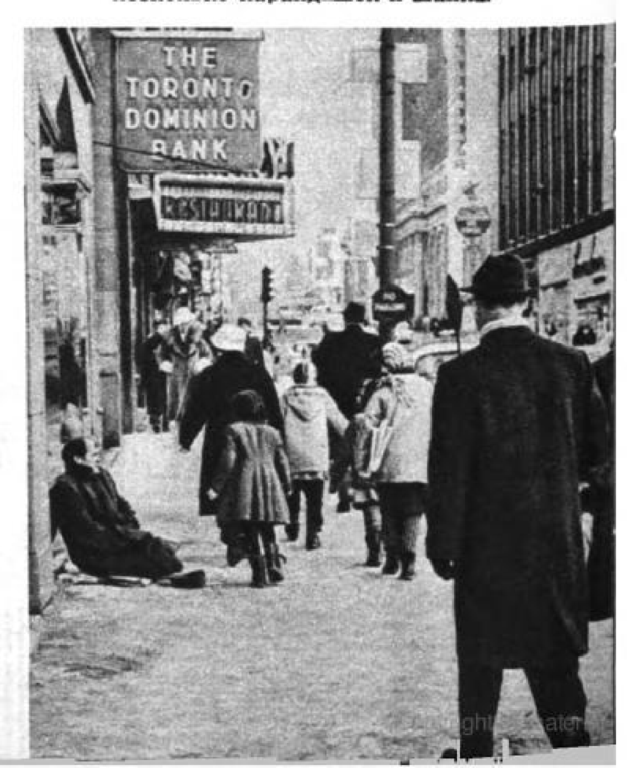
На снимке: вертолет поднимает американского летчика из воды.

Фото ЮПИ.

Совсем обыкновенная история

Эти фотографии и подписи к ним прислал в «Огонек» канадский журналист Билл Экклз.

Был холодный воскресный день. На одной из улиц Монреаля я заметил человека, который сидел на тротуаре, подстелив под себя газету. Рядом с ним на снегу лежало несколько карандашей и шапка.

Позор колонизаторам!

Бизерта — вот уже несколько дней это слово не сходит с газетных полос.

Вблизи тунисского города Бизерты — зловещие взлетные полосы для чужеземных бомбардировщиков. На рейде стоят чужие военные корабли. В скалах высечены надежные укрытия для новейших подводных лодок. В Бизерте — крупная военно-морская и военно-воздушная база Франции, база войны и агрессии.

Правительство Туниса прилагало настойчивые усилия, чтобы мирным путем избавиться от этого порохового погреба на территории своей страны. Но Франция, участница НАТО, продолжала накапливать на своей заморской базе орудия массового убийства, продолжала посылать туда все новые военные части.

Тунисский народ решительно потребовал, чтобы французское правительство эвакуировало свои войска из Бизерты. Франция ответила на это законное требование грубым военным насилием. Французские самолеты обрушили на мирных граждан Бизерты бомбы и ракеты. Парашютисты при поддержке танков ворвались в город, зверски расправлялись с населением. Французские суда, вошедшие в порт, открыли огонь по жилым домам.

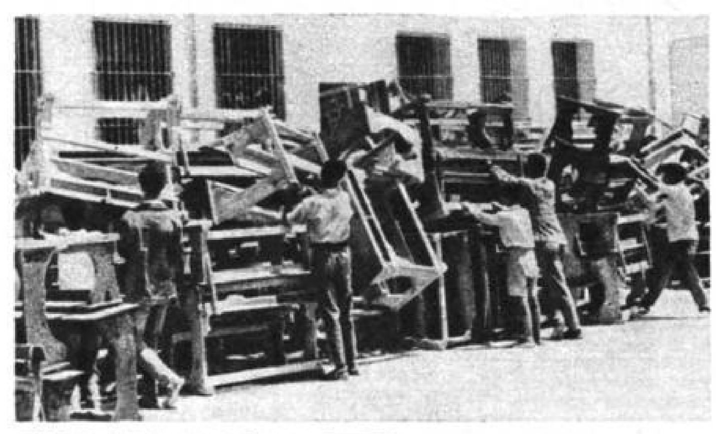
Сотни тунисцев были убиты, более тысячи человек ранены. Среди них — много мирных жителей.

Тунисская Республика обратилась в Совет Безопасности с жалобой на агрессивные действия Франции. Совет Безопасности до окончательного решения по жалобе Туниса принял постановление о прекращении огня и об отходе сил обеих сторон на первоначальные позиции.

Однако французское командование срывает выполнение этого решения. Народы Африки и всего мира заклеймили позором палачей и поработителей тунисского народа.

ОАР, Алжирская Республика, Марокко и другие страны Африки заявили о своей солидарности с Тунисом и выразили готовность оказать ему любую необходимую помощь. Совет Лиги арабских стран решил направить в Тунис группу добровольцев.

Президент Тунисской Республики Бургиба заявил, что борьба еще не закончена. Народ Туниса готов вести ее до победы.

↑ Молодые патриоты — школьники Бизерты помогают строить баррикады из парт.

← Одна из жертв колонизаторов.

Над полем пролетел французский самолет с грузом смерти.

Тунисцы полны решимости отстоять свою зем[…] французских оккупантов.

Фото […]

Прохожие изредка останавливались около него и бросали в шапку монеты. Карандашей никто не брал.

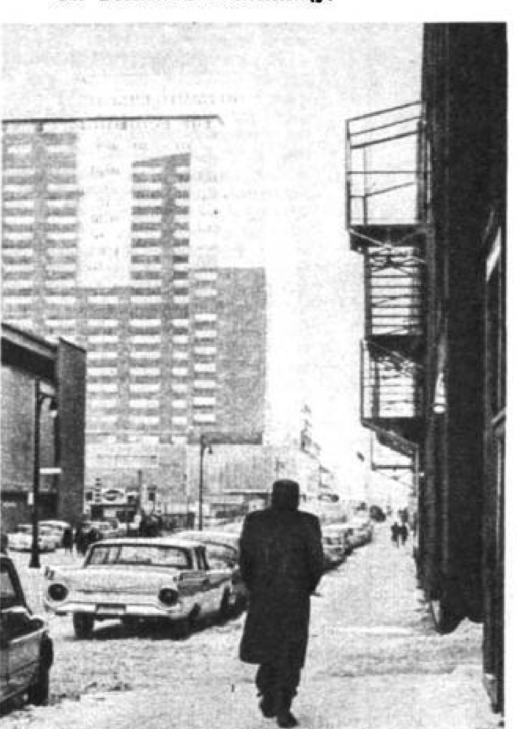

Потом к нему подошел полицейский и сказал, что здесь «не положено» находиться. Человек, дрожа от холода, просил у полицейского разрешения остаться еще немного. Полицейский был вежлив, но тверд и сказал: «Нет».

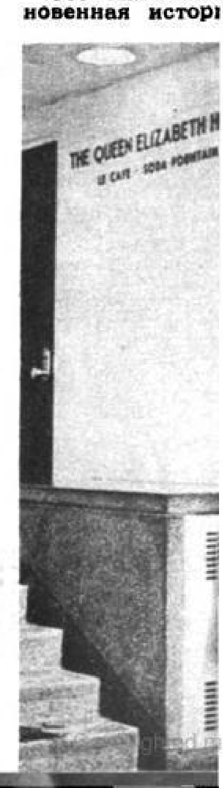
Человеку пришлось уйти. Он свернул в боковую улицу и двинулся по направлению к новой гостинице «Королева Елизавета».

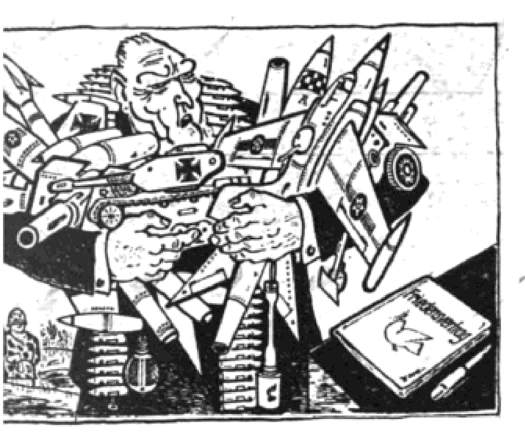
Он вошел в гостиницу.

Он стоял у н[…] ра, одинокий, […] воздух возвращ[…] в его окоченев[…]

Это была сов[…] новенная истор[…]

Аденауэр: Вы же видите, что я не могу подписать мирный договор. Не могу же я все это бросить!

Журнал «Ойленшпигель» (ГДР).

«При чем же я?»

Николай ЭНТЕЛИС

Я человек послушный, робкий,
Мне доверяет Бонн не зря:
Лежат на мне, на Гансе Глобке,
Заботы статс-секретаря.
Но злые люди сеют слухи,
Что я фашистская змея.
Я в жизни не обидел мухи —
Я ни при чем! При чем же я?

Я доктор прав, а не убийца,
Трудился я по мере сил:
Кто вел свой род от неарийца,
Тех в картотеку заносил;
Я разрабатывал законы,
В душе гуманность затая.
Увы, погибли миллионы —
Я ни при чем! При чем же я?

Я возмущался Третьим рейхом,
Закрыв надежно кабинет.
Со мной делил милейший
Эйхман
Все треволненья прошлых лет.
Теперь попал он в передрягу,
Но судит опытный судья
Лишь одного его, беднягу,—
Я ни при чем! При чем же я?

Не стоит мне труда большого
Престиж высокий свой спасти:
В мягкосердечном Бонне снова
Коллеги все мои в чести.
Их одобрение мне лестно,
Не подведут меня друзья,
Ведь им доподлинно известно:
Я ни при чем! При чем же я?

А все из-за Галины!

Василь БОЛЬШАК

Скажу я вам, не мудрено голову снять, мудрено приставить... Задуматься над такой дилеммой имею я право? Видишь, какие времена пошли,— не те они, времена, что раньше бывали, ой, не те!.. Голова? Голова — это, по-нашему, по-украински, председатель... Бывало, вырастишь передовика — кому честь и слава? Нашему брату, голове. Председателю. Корреспонденты едут, экскурсии всякие. В газетах пишут, в кино снимают.

Вы спросите: а тебе, голове, какой от того барыш? Тебя-то не греет и не знобит.

Так-то оно так. Да немного и не так. Потому что как же ты писать будешь в газете, скажем, про Гальку? Тут ведь никак и Олексия Вакуловича не минешь, не объедешь, конем не обскачешь. Чье председательство, чья голова была, когда Галина выдвинулась? Кто был головою в колхозе? Третьяк. Кто ее вдохновлял? Олексий Вакулович. Так как же не писать корреспонденту про голову колхоза?

Я же его, того корреспондента, и на ферму подброшу на своей «Волге», я ж его и на станцию. А то еще и в ресторан районный подкатим, чтоб приокруглить беседу. После той беседы читаешь в газете: «Третьяк рассказал нам, теребя свои роскошные кудри...» Про кудри в колхозе смеху было много, потому что я, Третьяк, уже с десяток лет лысиной, как прожектором, свечу. Это корреспондент меня с бухгалтером спутал. У того и правда кудри — куда тебе! Но не будешь же опровержение писать в газету из-за той несчастной лысины! Только и прибытка тебе, что влетит ему от начальства. А зачем? Хлопец он понятливый, не зря, каналья, водку тянет так смачно, что одно заглядение... Извиняйте меня, перескакиваю с темы на тему, как щербатое колесо... А корреспондент и так писал: «Засиделись мы с Олексием Вакуловичем в конторе далеко за полночь...» Оно, положим, не в конторе мы сидели, а в хате у бухгалтера. Почему у бухгалтера? А жинка его каких смачных карасей умеет жарить! Не пробовали? Ну, и не станешь же статью опровергать из-за карасей! Не так уж существенно, где именно засиделись.

То ли после тех карасей, то ли еще из-за какой причины, а случалось, перепутает кое-что корреспондент. Цифра надоя там повыше на две-три сотни литров получится в газете. Непорядок! Но не станешь же опровержения писать из-за несчастной какой-нибудь сотни...

Ну, а в основном добре жилось с передовиком. Скажем, районная газета. Называют Галину, называют колхоз, а в скобках — «где головою работает тов. Третьяк О. В.». И на совещаниях: докладчик выделяет слова в докладе про Гальку, выделяет название колхоза, а в скобках опять — «где головою работает тов. Третьяк О. В.».

И хоть ты поздненько посеял, да и собрал не так уж богато, не так уж густо,— все в районе норовят не так-то уж и напускаться на голову, потому в колхозе Галька, а у Гальки все так, что лучше и не надо... А молотят кого? Те головы подвергаются молотьбе, у которых передовика нет. Да тут все, в общем, ясно. Как ты, например, будешь Третьяка молотить, когда вчера еще моя физиономия в кино мелькала, в центральных иллюстрированных журналах улыбалась рядом с Галиною? Тут уж наоборот. Тут в докладах раз от разу вычитывалось по бумагам: такие, мол, головы, как Третьяк О. В., выпестовали передовиков, славных тружеников... И уже здесь Галька официально упоминается после Третьяка О. В. Почему? Потому что сначала тот, кто выпестовал, а уже потом — выпестованная.

Вот так и жили мы с Галиной нашей прославленной. Ну, не скажу, чтобы всегда бывало между нами так уж тихо да мирно. Была и сугубая взволнованность с моей стороны. Как-то раз Галина наша ни с того ни с сего возьми да и влюбись! Влюбилась! Ну, ладно бы влюбилась в односельчанина, чего же бы тут позорного? Так нет... Надо же ей было втелющиться в тракторного бригадира из соседнего села... Девчата говорят: здоровый, мол, длинный, работящий, складный... Ну и что? Только и всего? Маловато всего этого. Глубже надо бы смотреть... А она не поняла — втелющилась.

Не так-то меня проведешь по веревочке, знаю я, чьи это штуки... Соседа моего штуки, Скрынника, головы-председателя Сулимовской артели. Надоело ему, горемычному, строгачей в райисполкоме хватать, вот он и... Я же сам ему, простяге, не раз втолковывал: «Ну заведи ты, Скрынник, и себе передовика, сразу и хлопоты твои куда денутся!» Нет, ведь не завел своевременно, а теперь... Унизился до того, что Гальку мою переманивает, своего видного бригадира ей подсовывает.

Поставили мы этот вопрос на правлении и постановили: Гальку не отдавать в Сулимовку. Коли уже так чересчур хочет свататься Иван Моторченко, коли ему Галька настолько уж милая да любимая, пусть пристает к нам в приймаки... А приймаком у нас тот злополучный хлопец называется, что после свадьбы в дом тещи и тестя въехал... Да нет, какая особенная беда в этом? Драмы не происходит, я и сам приймак в колхозе, поскольку семья моя в райцентре живет.

Докатилось наше решение до Ивана, а он, не смотри на него, что такой тихенький да смирненький, а как затарахтит своим мотоциклом, как залетит в контору, как вскипит: «Да вы хоть капельку соображаете? Только я хату выстроил, стены — как картинка диковинная... Три комнаты. Телевизор купил. А вы...»

А мы ему говорим: «Можно и к теще телевизор перенести, если уж у вас с Галькой такая невоздержанность, или, как по-другому говорят, любовь такая возымелась».

Он смотрел-смотрел на меня, а потом сказанул. «Хоть вы, — говорит,— и числитесь в культурном активе, хоть и головой даже числитесь, но тип вы какой-то совсем малосознательный!»

«Я, — внушаю ему, — образование имею, курсы областные закончил, те самые курсы, которые председателей для села изготавливают...»

А он знаете что отрубил?

«Это еще мама говорила мне как-то: «Хорошо бы к тому бы образованию да хоть наперсток разума...»

Это такое он самому голове говорит!..

«Так меня же,— втолковываю я ему спокойно, — люди меня выдвинули председателем. Люди!»

«Неясно сейчас в вашем колхозе, кто кого и куда двигает!» Это он мне.

Ну, в общем, мы будто бы и разбили всем правлением эту глупую Иванову любовь. Хотя осколки от нее и остались. Рассказывают, что мотоцикл еще частенько тарахтел под окнами Галины, а завхоз как-то и на ферме их поймал. Вдвоем были...

Других волнений не было. Так и жили... Было, говорю, да сплыло... Теперь разбилась сулея, все прахом пошло, что создавалось. Сейчас про одну Гальку пишут, а меня и в скобках не упоминают. И началось-то все с Пленума, на котором про маяки сказано было, чтоб равняться на эти маяки, тянуться до них.

Докатилось это и до нас. И у нас — тоже пленум. Свой, районный. И мы, как всегда, с Галиной поехали. Зашли в фойе, впереди Галька, за ней я, как положено. Галька в зал пошла, а меня Скрынник задержал. Слышим, звоночек залился, пора идти в президиум... Что вы спрашиваете? Кто выбирал? А я уже сколько лет подряд в президиумах сижу, с тех самых пор, как передовика мы заимели. Все правильно. У меня в президиуме и место постоянное — между директором табачного совхоза и районным прокурором. Сажусь на свое место, умащиваюсь как следует, потому что сидеть-то ведь долго, вдруг слышу, секретарь райкома своим деликатным баском: «Посидите на этот раз в зале, товарищ Третьяк».

Меня будто кипятком ошпарило. Сколько лет в президиуме!.. И я к президиуму привык, и президиум — ко мне. Ну, думаю, значит, кто-то подкапывается под меня! А сосед мой, которого на всех совещаниях прорабатывают, усмехается ехидно. «Посиди,— говорит,— в массах».

А мне сейчас не до соседа и не до масс. Слушаю доклад и тревожусь: вот-вот и на меня секретарь наведет критику-самокритику. Как в воду глядел! Дошел он до передовиков, рассказал о маяках и, как всегда, про Галину. А потом как накинется на меня! «Стыд, — говорит, — какой, Галина — герой, а колхоз имеет надой ниже среднерайонного...» Чего только не наговорил: и сижу, мол, я за передовиком, как за щитом, и свечусь отблеском Галины, как месяц отражением солнца!.. Такого моему соседу за все его председательство не перепадало.

Рисунок Гр. Оганова.

Начала моя фамилия в райгазете склоняться еще чаще, чем до этого. Но как склоняться! И опыт я не перенимаю, и маяка теоретически не обосновываю, и в славе чужой купаюсь, и в передовой зоотехнике не разбираюсь... Даже тот самый корреспондент, что карасиный запас у бухгалтера опустошил, тоже вопросик мне подкинул недавно: «Как же это вы, товарищ Третьяк О. В.?»

А тут как раз подбегает бухгалтер, шепчет на ухо:

— Нажарила. Идем?

Я ему и отрубаю, даже не скрываясь от корреспондента:

— Сами, мол, поедим карасей жареных.

Сглотнул слюнку гость, уехал (я приказал его на самосвале отправить) и как разнес меня! Даже жареную рыбу вспомнил: разбазариваем, дескать, общественных карасей.

Вот такая жизнь настала. Позвал я завхоза.

— Мотнись в Сулимовку, привези Галькиного ухажера.

Поехал завхоз, а я думу думаю, как бы уломать Моторченко, чтобы забрал побыстрее Галину в свою Сулимовку, потому что никакого спасения нет больше от этого передовика-маяка. Я и приданое богатое выделил бы от колхоза (хоть полфермы перегнал бы в Сулимовку), я бы хоть неделю целую отплясывал на его свадьбе, лишь бы забрал побыстрее...

Не успел в своих мыслях разобраться, как задеренчал мотоцикл под окнами. И на пороге — Иван. Здоровый, неповоротливый и нескладный Моторченко. Полкабинета своими плечами заполнил.

Стоит передо мной Иван, а я ему и говорю:

— Ну как, не погасла искра до нашей Гальки?

Покраснел тракторный бригадир, отвечает:

— И надо же это вам...

Что с ним толковать, с этим красноречивым бригадиром! Я свою линию гну.

— Хорошеет, — говорю, — Сулимовка!..

— Старается наш голова,— отвечает.— Карпа зеркального запустил в ставок... Машинерию развел!..

— Да, не то, что у нас,— говорю ему и вздыхаю.— Знатному человеку теперь в Сулимовке живи — и жить хочется. Будто специально для маяка село сотворено...

— Оно и у вас,— краснеет вежливый Моторченко,— не скажешь, чтобы чересчур уж погано было. Клуб есть, хотя и старенький, правда... Кино по воскресеньям.

Я даже крякнул от такой похвалы, но терплю. Расхваливаю Сулимовку.

— А чайная какая у вас! А хор, какой хор! Учительницы, говорят, по нотам петь учат. Единственно, маяка нет у вас. А славится село теперь чем? Маяками.

Тут он возьми и буркни:

— Мы с матерью согласны.

У меня даже в сердце кольнуло. А Иван зубы щерит, как поросенок жареный.

— Иду к вам в приймаки,— рапортует мне радостно этот верзила.

Меня опять кольнуло. Я чуть не упал. А бригадир:

— Что с мотором у вас?

— Иди, — говорю, — ко всем чертям, железный ты сатана! Сердце мотором называет!..

— Ладно, пойду. Но назло вам в приймаки приду в село.

И подеренчал своим мотоциклом по направлению к Гальке. Вы думаете, на этом кончилось? Эге... Слышали бы вы, что на колхозном собрании мололи про меня. Вроде и приписки я делал. Вроде и зазнался. И к мнению правления не прислушивался. И опять-таки про маяк про этот. Вырастил на свою дурную голову. Разозлился я, кричу в зал:

— Да против я, что ли? Пускай сияет маяк! Но не хочу я быть отражением этого сияния. Я сам могу так блеснуть, что куда твое дело!

Кто-то возьми да и ляпни:

— Скоро блеснешь!

Регочут все, конечно, председатель собрания еле утихомирил.

И — на тебе! Поднимается этот верзила Иван Моторченко (он-таки пристал мне назло в приймаки к Гальке), поднимается и вносит пропозицию: не Третьяка, мол, освободить от маяка, а маяк — от Третьяка.

И колхозники, как в газетах пишут, проголосовали единогласно.

А все из-за этих маяков!

Перевел с украинского
Павел КРАВЧЕНКО.

МАГАЗИН И ЭСТЕТИКА

Умение одеваться — искусство. Скажем в шутку, не менее сложное и значительное, чем все прочие искусства. И, пожалуй, нет такой женщины, которая не мечтала бы овладеть им в совершенстве. Только где же учат этому «искусству»? Где эти «школы» и «академии»?

Оказывается, такой школой может стать магазин. Обыкновенный магазин тканей.

Вот к стенду, где выставлены ткани для вечерних платьев, подходит худенькая девушка. Она нерешительно трогает одну ткань, потом другую. Долго раздумывает у окна и снова подходит к стенду, краснея от волнения. А остановиться на чем-нибудь не может, хотя тканей множество. И тогда на помощь девушке приходит продавец-консультант Люда Краморенко.

— Хочу купить материал для выходного костюма. Может, черный муар?..

Люда внимательно приглядывается к покупательнице. Смуглый цвет кожи и светлые глаза. Нет, черный цвет не украсит ее. Муар есть в магазине, но ведь его сейчас уже не очень носят.

— Не лучше ли выбрать что-нибудь из тканей типа «Римма», «Весна»? —советует Люда.— Эти ткани сероватo-голубоватых тонов только что поступили в продажу, они очень практичны и недороги.

Мужчина со свертками и портфелем под мышкой не задает вопросов. Деловито подходит он к стенду и, не раздумывая, просит выписать ему чек вот на тот материал, что висит в углу. Но у продавщиц-консультантов в этом магазине уже есть опыт: они знают, что кроется за такой решительностью большинства покупателей-мужчин: полная беспомощность, полное незнание сложного искусства одеваться.

Начинается беседа, иногда довольно продолжительная. Ведь покупатель хочет преподнести своей жене подарок, который должен доставить радость всей семье!..

— А как лучше сшить платье? Какой выбрать фасон?— спрашивают покупатели продавщиц.

Но сегодня продавщицы не отвечают: они просят покупательниц задержаться в магазине на полчаса. Как раз через полчаса начнется демонстрация моделей одежды именно из тех тканей, которые есть в магазине.

Все те возможности, которые имеются в материале — а каждая ткань в зависимости от ее цвета и выработки всегда располагает своими возможностями,— будут реализованы художником-модельером, раскрыты в готовых моделях.

Рабочий день художницы Раисы Михайловны Ганкиной весь проходит в магазине: она конструирует новые модели, отвечает на вопросы покупателей. В отдел раскроя можно отдать материал, его разрежут по образцам Ганкиной, а приемщицы из ателье № 30 примут по ним заказ на готовое платье.

Искусство одеваться требует времени. И это очень хорошо, что на пути к совершенствованию встречаешь таких помощников, как московский магазин на улице Горького, 26.

О. ФЕДОРОВА

Раз в неделю, перед з крытием, магазин № 5 пр вращается в просмотрові зал.

После выступления «Огонька»

«МАМОНТЫ НА ПАРКЕТЕ»

Исполком Моссовета, обсудив факты, изложенные в фельетоне «Мамонты на паркете» («Огонек» № 2), «Квартирные грибки» («Советская Россия»), «Твой новый дом» («Известия»), и «Осквернение действием» («Крокодил»), принял решение, направленное против «мамонтов», превращающих свои жилища в первобытные берлоги.

Теперь любителям оскорбления действием придется расплачиваться рублем за каждое учиненное безобразие. Упорствующие будут выселяться.

Надо думать, что кое-кого это заставит задуматься.

«ПУСТЯК-ПАША И ЕГО УЧЕНИКИ»

Директор Москниги тов. Поливановский сообщил нам, что в книжном магазине № 100, нелестно помянутом в фельетоне «Пустяк-паша и его ученики» («Огонек» № 12), состоялось общее собрание.

Сотрудники магазина обсудили факты невнимательного обращения с покупателями и наметили план по улучшению воспитательной работы коллектива.

«ЖУЧКИ НА КРЕДИТНОЙ НИВЕ»

Жучки на кредитной ниве, о которых рассказывалось в фельетоне, напечатанном в № 14 нашего журнала, обезврежены прокуратурой Пролетарского района Москвы.

Главный врач детской городской больницы № 5 тов. Макрова сообщила в редакцию, что казенные бланки и штампы впредь будут храниться в больнице более тщательно.

Зато отмолчались руководители сектора курсового обучения Мосгороно и подмосковного колхоза имени Виноградова. Сделали вид, будто ничего не произошло, и товарищи из Московского управления торговли.

Наверное, ждут повторного напоминания.

«РОКОВАЯ СПРАВКА»

Фельетон «Роковая справка» («Огонек» № 19) вызвал большой поток писем в редакцию.

«Как могут бюрократы, подобные председателю Малоярославецкого горсовета А. И. Фофанову и секретарю А. М. Богаревой, оставаться на своих постах?» — спрашивают Д. Иванов (Хабаровск), А. Лысяк (Свердловская область), ленинградец А. Быков и другие читатели «Огонька».

«Я возмущен до глубины души! Этим гражданам не место в горсовете!» — пишет в редакцию старший мастер Леонид Карлович Саттень, работающий на Джезказганском руднике.

Секретарь Малоярославецкого райкома КПСС тов. Сазонов сообщил нам, что Фофанову «сделаны соответствующие замечания и он предупрежден, что если с его стороны будут допущены подобные факты, он будет привлечен к строгой партийной ответственности».

Исполком Калужского облсовета обсудил фельетон «Роковая справка» и принял развернутое решение. В частности, в нем говорится: «...тов. Фофанову за неудовлетворительную организацию личного приема и серьезные недостатки в рассмотрении писем и жалоб граждан поставить на вид».

Облисполком обязал исполкомы Малоярославецкого районного и городского Советов депутатов трудящихся систематически рассматривать вопросы личного приема и изучения писем и жалоб на сессиях и заседаниях исполкомов.

Надеемся, что тов. Фофанов сделает из всего этого правильные выводы и нам не придется отрицательно отвечать на вопросы читателей, соответствует ли он занимаемой должности.

— Пропустите без очереди!

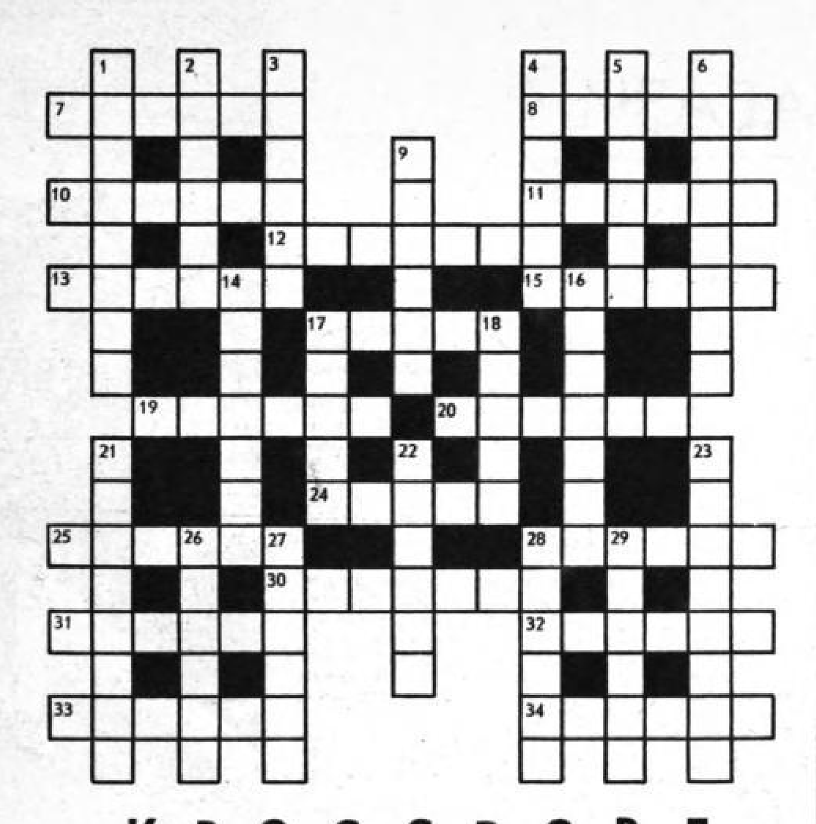
Рисунок Вл. Гальбы.

ПОДХАЛИМ НА ПЛЯЖЕ

— Вася, ты почему не загораешь?
— Иван Иванович сказал, что я загорел лучше, чем он.

Рисунок Л. Альтмарка.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Роман Ванды Василевской. 8. Порт на Балтийском море. 10. Рассказ М. Горького. 11. Самый крупный остров Курильской гряды. 12. Венгерский композитор, автор оперетт. 13. Помещение для овец. 15. Кристаллическое вещество, фотопроявитель. 17. Птица отряда воробьиных. 19. Часть гриба. 20. Небесное тело. 24. Жидкий металл. 25. Степной грызун. 28. Русский поэт XIX века. 30. Преобразование, переустройство. 31. Украинский народный музыкальный инструмент. 32. Электромагнитный вибратор в полевом телефоне. 33. Певец, народный артист СССР. 34. Горная вершина в Чехословакии.

По вертикали:

1. Неожиданное мнение, резко расходящееся с общепринятым. 2. Смесь сыпучего материала с водой. 3. Балтийская сельдь. 4. Место для строительства судов. 5. Сванский народный мужской танец. 6. Песня-памфлет Беранже. 9. Озеро на Прикаспийской низменности. 14. Насекомоядное растение. 16. Розыгрыш вещей и денежных сумм. 17. Портовый грузчик. 18. Охотничий припас. 21. Действующий вулкан в Зондском проливе. 22. Река в Вологодской области. 23. Город на Украине. 26. Гигантское дерево африканских саванн. 27. Дикая утка. 28. Опера П. И. Чайковского. 29. Сплав меди с цинком.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

3. Пигмент. 7. Греки. 8. Ершов. 10. Андромеда. 11. Падуя. 12. Навес. 16. Беккерель. 17. Бархат. 19. Панама. 21. Беллетристика. 22. Апатит. 24. Плафон. 26. Сальвадор. 27. Якоби. 31. Шхуна. 32. Одуванчик. 33. Каффа. 34. «Слава». 35. Мильтон.

По вертикали:

1. Цилиндр. 2. Инженер. 4. Микроэлектродвигатель. 5. Белая. 6. Ишхан. 7. Гардина. 9. «Воевода». 11. Петрография. 13. Стратосфера. 14. Результат. 15. Хлестаков. 17. «Белка». 18. Трест. 19. Пикап. 20. Аргон. 23. Историк. 25. Лягушка. 28. Иоффе. 29. Кунашир. 30. Участок. 31. Шквал.

На первой странице обложки: Молодость мира.
Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: В Сокольниках. Москва.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05261. Подписано к печати 26/VII 1961 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2.5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1424. Заказ 1884.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА.

В Москве просыпается утро. Сначала светлеет горизонт, затем блекнут звезды, и ночные сторожа, поеживаясь от предутренней прохлады, прислушиваются к шуршанию водяных струй — по городу гуляют «поливалки».

С первыми лучами солнца оживает зоопарк.

— Ох-хо-хо,— зевает верблюд.— До чего же не хочется вставать! Прихватить бы еще часок!

— С добрым утром, дорогая! — целует свою подругу волнистый попугай.— Как спалось?

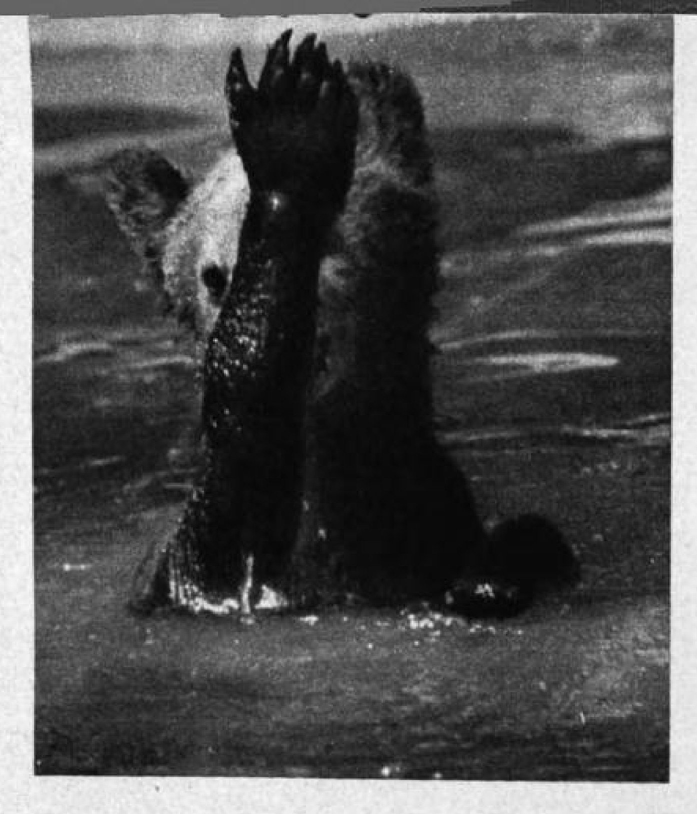
— Ах,— отвечает попугаиха,— мне приснился ужжасный сон, будто я разучилась разговаривать! Брр! Хорошо, что настало утро!

— Ррр! Опять эти болтуны! Вечно они не дают поспать! — злится леопард.— Такие маленькие, а такие болтливые! Стыдно-с, молодые люди!

— Нет, вы посмотрите, какая вода! Просто замечательная вода! Ах, вы не любите воды? Простите, я забыл, что вы почти кошка! Все равно, купаться по утрам — очень полезно для здоровья! — кричит леопарду медвежонок.

— Кошки отлично умываются без воды,— отвечает медвежонку тигр.— Смотри, как это делается... Все с собой: и вода, и мочалка, и полотенце!

— Скажите, пожалуйста! — удивляется кенгуру.— И это гигиенично?

— Не задавайте глупых вопросов! Не будем презирать чужих вкусов! — обрывает кенгуру муравьед.— Мы здесь все равны.

Муравьед известен среди зверей как сухой педант. Он еще долго что-то ворчит, но его никто не слушает.

И лишь моржи не принимают участия в утренней беседе. Они крепко спят, не просыпаясь от шума. Ничего им не делается, они толстокожие.

Солнце все выше и выше. Шелестит листва, на аллеях зоопарка появляются люди.

И звери говорят им добродушно:

— С добрым утром!

Не верите? Истинная правда! Только для того, чтобы понять их, надо знать их язык. Немножечко. Хоть самую малость.

Евгений КОРШУНОВ

Цена номера 30 коп.